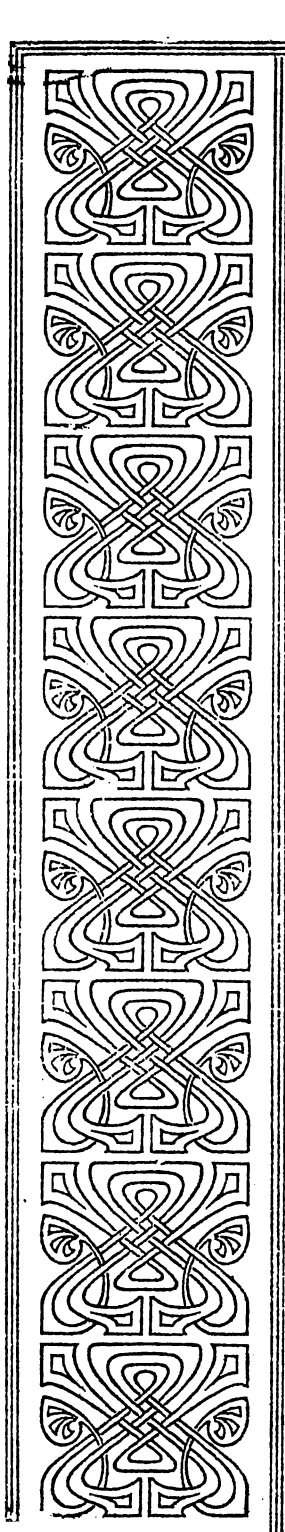
Вып. I.



Проф. М. И. Туганъ-Барановскій.

Общественно-экономическіе идеалы

Издательство
Вѣстника Знанія

ВСѢ КНИГИ, имѣющіяся въ продажѣ, можно выписывать черезъ книжный складъ „ВѢСТН. ЗНАНІЯ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 40. Подписчики „В. Зн.“ пользуются 25% уступк. на книги, изд. „В. Зн.“

Ф. АЛЬБЕРЪ и А. БЕЙЭ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ XVIII ВѢКА.

Роскошное изданіе на хорошей бумагѣ съ 12 отдѣльн. картинами и хромотипіями, 102 портр. и рис. въ текстѣ.

Чтобы дать понятіе объ этомъ сочиненіи, приведемъ содержаніе основныхъ главъ: Общій характеръ политической философіи XVIII вѣка. — Политическая философія до 1750 года. Монтескье. — Политическая философія второй половины XVIII вѣка. Классификація доктринъ. Теоретики либеральнаго и просвѣщеннаго абсолютизма: Вольтеръ и энциклопедисты. — Демократы. — Мабли и Ж.-Ж. Руссо. Правовой абсолютизмъ. — Физіократы и Тюрго. — Наканунѣ революціи. — Рейналь. Политическіе принципы и т. д. Далѣе идутъ характеристики (съ біографическими данными) выдающихся политическихъ писателей, причемъ читатели знакомятся непосредственно съ произведеніями этихъ писателей въ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, трактующихъ о правахъ человѣка и гражданина, о государствѣ и т. д.

...а въ изящномъ тисненномъ золотомъ и красками переплетѣ **3** ..., съ пересылкой **3** руб. **50** коп.

Перев. съ послѣдняго изданія В. А. Поссе.

Содержаніе: Предисловіе переводчика. Предисловіе автора къ 25-ому изданію. Предисловіе автора къ 34-ому изданію. Введеніе. Женщина въ прошломъ. Женщина въ настоящемъ. Женщина, какъ половое существо. Бракъ. Стѣсненія и ограниченія брака. Дальнѣйшія препятствія и затрудненія при заключеніи брака. Численное отношеніе половъ; его причины и вліянія. Проституція, какъ необходимое соціальн. учрежденіе буржуазнаго общества. Заработокъ женщины. Ея умственныя способности. Дарвинизмъ и состояніе общества. Правовое положеніе женщины и ея отношеніе къ политикѣ. Государство и общество. Соціализація общества. Женщина въ будущемъ. Международность. Населеніе и переселеніе. Заключеніе.

Цѣна обѣ части 1 р. 40 к.

Проф. ЗОМБАР... ...ИИ КЕЛЛЕСЪ-КРАУ...Ъ.

Соціологическ... ...ОДЫ.

Книга даетъ читат... понятіе объ очень важныхъ ...осахъ изъ области обш... ...нныхъ наукъ.

Содержаніе: По... ...нтересуются вопросам... ...одного хозяйства? Очер... ...сторія соціологіи. Что ... ...экономическій матер... ...ъ?

Ц. 35 к., пер. ...

ПРОФ. А. ПРАЙ... ...Ъ.

АНГЛІЙСК... ЭКОНО... ...Ы,

съ 4 портр...

Книжку можно ... ...доставить всякому, ...ему познакомиться с... ...ями ...альбіо... ...разбора теорій великихъ политико-экономовъ, читатель найдетъ въ ней выдержки изъ ихъ трудовъ

Цѣна 60 к., пер. 17 к.

СОЦІАЛЬНЫЯ УТОПІИ. Содержаніе: Ликургъ Плутарха. Платонъ. Утопія Томаса Мора. Новая Атлантида Бэкона. Городъ Солнца Кампанеллы. Сенъ-Симонъ. Фурье. Кабэ. Оуэнъ. „Все это уже было“ Голля. Цѣна 35 к., пер. 10 к.

К. БАРЗИХЪ. **НАЛОГИ И НАРОДНОЕ РАЗОРЕНІЕ,** съ 12 рисунками.

Популярная лекція, дающая понятіе о несоотвѣтствіи налоговаго бремени съ платежными силами населенія. Цѣна 10 коп., пер. 2 коп.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскій.

Общественно-экономическіе идеалы нашего времени.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издательство „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“ (В. В. Битнера).
1913 г.

Предисловіе.

Эта небольшая книга является переработкой, съ существенными дополненіями и измѣненіями, моей брошюры о соціализмѣ, вышедшей въ 1906 г. Своей задачей я ставлю выясненіе, въ чемъ заключается ученіе современнаго соціализма. Какъ бы мы ни относились къ соціализму, но невозможно отрицать силы и значенія этого общественнаго движенія въ ряду другихъ движеній современности.

А если такъ, то со всякихъ точекъ зрѣнія представляется существенно важнымъ знать, въ чемъ заключается духовное содержаніе соціалистическаго движенія. И это тѣмъ болѣе важно, что въ современной литературѣ чувствуется несомнѣнный недостатокъ въ систематическомъ и научно-объективномъ, критическомъ изложеніи того, что составляетъ ученіе современнаго соціализма.

Правда, о соціализмѣ появилось немало хорошихъ книгъ; достаточно указать хотя бы на извѣстную, переведенную почти на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій, книгу Зомбарта „Соціализмъ и соціалистическое движеніе въ XIX вѣкѣ". Но книги этого рода, въ большинствѣ случаевъ, имѣютъ своей задачей характеристику не столько ученія соціализма, сколько соціалистическаго движенія.

Моя же книга преслѣдуетъ другую цѣль — критически изложить въ сжатой формѣ, но съ достаточной отчетливостью и полнотой, то, что составляетъ современный соціализмъ, какъ опредѣленное общественное ученіе, а такъ какъ, по моему глубокому убѣжденію, марксизмъ отнюдь не исчерпываетъ собой научныхъ элементовъ соціализма, то мое изложеніе приняло, по необходимости, историческій характеръ, и я долженъ былъ ввести въ него и болѣе раннія, отчасти позабытыя теперь, ученія такъ называемаго утопическаго соціализма.

М. Туганъ-Барановскій.

О соціализмѣ существуетъ огромная, необозримая литература, возрастающая съ каждымъ днемъ. Тысячи органовъ прессы въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ посвящены пропагандѣ, развитію и разработкѣ соціалистическихъ идей. Милліоны людей принимаютъ участіе въ соціалистическомъ движеніи, и неудивительно, что общественная мысль всего міра все болѣе и болѣе сосредоточивается вокругъ проблемъ, выдвинутыхъ этимъ движеніемъ.

И, однако, соціализмъ, какъ ученіе, чрезвычайно далекъ отъ идеала законченной научной системы. Самое понятіе соціализма до послѣдней степени шатко и неопредѣленно. Что такое соціализмъ? Лавеле говоритъ въ своей извѣстной книгѣ о современномъ соціализмѣ, что онъ не встрѣчалъ еще точнаго опредѣленія этого понятія. Прудонъ отвѣтилъ какъ-то на подобный же вопросъ, что соціалистомъ является всякій, стремящійся къ улучшенію общественнаго строя. Если такъ, то кто же можетъ не быть соціалистомъ? Каждый— заключаетъ Левеле—«есть соціалистъ съ чьей-либо точки зрѣнія».

По мнѣнію Штаммлера, «совершенно невозможно охватить однимъ понятіемъ всѣ тѣ различныя общественныя направленія, которыя за истекшее столѣтіе обычно именовались соціалистическими». Въ виду этого въ новѣйшее время замѣчается склонность такъ раздвигать рамки даннаго понятія, что оно почти утрачиваетъ опредѣленный смыслъ. Георгъ Адлеръ въ своей новѣйшей исторіи соціализма опредѣляетъ соціализмъ «какъ такой общественный строй, въ которомъ хозяйство ведется въ широкихъ размѣрахъ при помощи общественныхъ средствъ на основѣ коллективной собственности». Исходя изъ этого опредѣленія, слѣдуетъ признать, что всякій общественный строй есть, въ большей или меньшей степени, соціализмъ, ибо нѣтъ того общества, въ которомъ совсѣмъ бы не было хозяйства при помощи общественныхъ средствъ на основахъ коллективной собственности. «Подъ соціализмомъ, —говоритъ Карлъ Диль въ одной изъ своихъ раннихъ работъ, — мы понимаемъ то политико-экономическое направленіе, которое относится враждебно къ основамъ существующаго хозяйственно-правового строя, особенно частной собственности». Это опредѣленіе страдаетъ прежде всего тѣмъ, что имѣетъ отрицательный характеръ: оно указываетъ, съ чѣмъ борется соціализмъ, но ничего не говоритъ о томъ, за что онъ борется. Между тѣмъ, соціализмъ есть, прежде всего, положительное ученіе, ставящее себѣ опредѣленныя положительныя задачи въ общественной жизни. Затѣмъ Диль столь же раздвигаетъ границы своего понятія соціализма, какъ Адлеръ. Всякая мѣра государства, направленная къ ограниченію свободы хозяйственнаго оборота, можетъ быть признана враждебной правамъ частныхъ собственниковъ, — а такъ какъ принципъ государственнаго вмѣшательства срочно утвердился въ современной хозяйственной жизни, то, съ этой точки зрѣнія, окажется правъ англійскій либеральный министръ Вилльямъ Гаркортъ, сдѣлавшій въ свое время сенсаціонное заявленіе, что «мы всѣ теперь соціалисты».

Въ своей новѣйшей работѣ Диль даетъ нѣсколько иное опредѣленіе понятія соціализма. Какая конечная цѣль соціализма?—спрашиваетъ онъ—и отвѣчаетъ: «уничтоженіе частной собственности на средства производства». Такимъ образомъ, «соціализмъ есть политико экономическое направленіе, признающее желательнымъ уничтоженіе частной собственности на средства производства или полагающее, что современное общественное развитіе ведетъ къ такому уничтоженію». Это опредѣленіе почти совпадаетъ съ общепринятымъ среди марксистовъ и страдаетъ тѣми же недостатками, какъ и это послѣднее, о чемъ у меня будетъ идти рѣчь ниже.

Но наиболѣе нагляднымъ показателемъ смутности понятія соціализма въ современной экономической наукѣ является сравнительно недавняя попытка Фр. Неймана въ руководящемъ нѣмецкомъ экономическомъ журналѣ покончить съ такимъ положеніемъ дѣла. Разсмотрѣвъ съ большой обстоятельностью разныя опредѣленія даннаго понятія, Нейманъ пришелъ къ заключенію, что «соціалистическими слѣдуетъ признавать тѣ направленія и ученія, которыя заходятъ слишкомъ далеко въ своемъ требованіи замѣны своекорыстнаго хозяйства принудительнымъ хозяйствомъ въ общихъ интересахъ». Вотъ, поистинѣ, удивительное опредѣленіе, возводящее въ принципъ субъективный произволъ. Съ этой точки зрѣнія, всякій хозяйственный строй можетъ быть признанъ соціалистическимъ или нѣтъ, смотря по тому, соотвѣтствуетъ ли онъ или нѣтъ нашимъ субъективнымъ идеаламъ.

Но всѣ эти опредѣленія соціализма исходятъ, если не отъ враговъ этого ученія, то, во всякомъ случаѣ, и не отъ его послѣдователей и сторонниковъ. Направленіе, господствующее въ современномъ соціализмѣ—марксизмъ—гордится тѣмъ, что оно превратило соціализмъ изъ утопіи въ науку. Къ сожалѣнію, особенностью марксизма является его весьма ненаучное равнодушіе къ точному опредѣленію употребляемыхъ терминовъ и понятій. Марксизмъ, вообще говоря, отождествляетъ соціализмъ съ понятіемъ обобществленія средствъ производства—съ переходомъ средствъ производства изъ частной собственности (въ каковой они находятся въ настоящее время) въ собственность всего общества, какъ цѣлаго, для планомѣрной организаціи общественнаго производства. Что касается до предметовъ потребленія, то предполагается, что по отношенію къ нимъ частная собственность сохраняется.

Но и это пониманіе сущности соціализма не можетъ быть признано удовлетворительнымъ. Оно грѣшитъ, прежде всего, тѣмъ, что имъ указываются не цѣли, а лишь средства соціализма. Совершенно вѣрно, что согласно господствующему соціалистическому воззрѣнію цѣли соціализма могутъ быть достигнуты лишь обобществленіемъ средствъ производства. Но значитъ ли это, что всякое обобществленіе производства, при всякихъ условіяхъ, равнозначуще достиженію истинныхъ цѣлей соціализма? Отнюдь нѣтъ. Переходъ средствъ производства изъ рукъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ въ руки всего общества можетъ произойти двоякимъ путемъ: или путемъ выкупа ихъ у теперешнихъ владѣльцевъ, или безъ посредства выкупа. Родбертусъ указываетъ, между прочимъ, слѣдующій способъ выкупа: общество экспропріируетъ существующихъ владѣльцевъ земли и капитала, но взамѣнъ этого принимаетъ на себя постоянное обязательство платить имъ ежегодно одну и ту же сумму, какую они получали раньше со своего выкупленнаго имущества. Въ такомъ случаѣ землевладѣльцы и капиталисты заняли бы по отношенію къ обществу положеніе какъ бы постоянныхъ кредиторовъ. Общество продолжало бы уплачивать въ прежнемъ размѣрѣ дань въ пользу капиталистическаго и землевладѣльческаго класса, попрежнему доля трудового продукта присваивалась бы не работающими, но имущими классами, по прежнему были бы богатые и бѣдные, имущіе и неимущіе классы. Эксплоатація человѣка человѣкомъ осталась бы во всей своей силѣ, и общество продолжало бы сохранять классовой характеръ,

хотя средства производства были бы обобществлены, и частная собственность на нихъ исчезла бы.

Можно ли назвать такое общество соціалистическимъ, и къ этому ли стремится соціализмъ? Безусловно, нѣтъ, ибо обобществленіе производства является для соціалистовъ лишь средствомъ къ цѣли: уничтоженія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ. Обобществленіе производства въ той формѣ, которая предложена Родбертусомъ, было бы сохраненіемъ и закрѣпленіемъ на вѣчныя времена господства имущихъ классовъ, ничего не производящихъ, но потребляющихъ плоды чужихъ трудовъ. Такой строй былъ бы столь же далекъ отъ соціалистическаго идеала, какъ и современный строй, основанный на частномъ предпринимательствѣ и частномъ владѣніи средствами производства.

Итакъ, обобществленіе производства, само по себѣ, еще не составляетъ соціализма. Представимъ себѣ, что ростъ акціонерныхъ компаній въ связи съ соединеніемъ ихъ въ союзы, картели и трэсты поведетъ къ полному исчезновенію единоличныхъ капиталистическихъ предпріятій и объединенію всего капиталистическаго производства въ одно планомѣрно организованное колоссальное національное предпріятіе. Пусть владѣльцами акцій такого предпріятія будутъ не только крупные собственники, но и рабочая масса (какъ это мы наблюдаемъ на гигантскихъ ольдгамскихъ бумагопрядильняхъ, гдѣ большинство рабочихъ владѣетъ акціями этихъ фабрикъ, а также въ крупнѣйшей капиталистической организаціи міра—знаменитомъ американскомъ стальномъ трэстѣ, принимающемъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы сдѣлать своихъ рабочихъ акціонерами предпріятія и этимъ сильнѣе связать ихъ съ нимъ),—все же это обобществленное и централизованное капиталистическое производство останется капиталистическимъ, а отнюдь не соціалистическимъ производствомъ.

По словамъ талантливаго вождя бельгійскихъ соціалистовъ Эмиля Вандервельде, «конечная цѣль соціализма заключается въ общественной собственности на средства производства и обмѣна, въ общественной организаціи труда, въ раздѣленіи прибавочной цѣнности между трудящимися—за вычетомъ части, необходимой для общихъ потребностей всего общества». И это опредѣленіе не можетъ быть признано удачнымъ. Въ немъ не проводится различія между цѣлью и средствами соціализма. Обобществленіе средствъ производства и общественная организація труда не составляютъ, какъ сказано, конечной цѣли соціализма. Что касается до раздѣленія продукта между трудящимися (иначе говоря, уничтоженія нетрудового дохода), то таковое, дѣйствительно, является одной изъ цѣлей соціализма. Но соціализмъ идетъ дальше этого. Въ настоящее время трудъ директора фабрики оплачивается въ десятки и даже сотни разъ выше труда чернорабочаго, хотя чернорабочій трудится не меньше, а больше директора. Безъ сомнѣнія, соціализмъ отвергнетъ подобныя различія оплаты труда. Иными словами, соціализмъ требуетъ не только распредѣленія продукта между трудящимися, но и распредѣленія между ними въ соотвѣтствіи съ извѣстными этически-правовыми нормами, на которыя формула Вандервельде («раздѣленіе прибавочной цѣнности между трудящимися») никакого указанія не даетъ.

Болѣе подчеркиваются конечныя цѣли соціализма опредѣленіемъ Менгера. «Сущность соціалистическаго государства въ своей самой общей формулѣ,—говоритъ этотъ выдающійся знатокъ соціалистической литературы,—заключается въ томъ, что въ немъ индивидуальные интересы большинства народа являются главной цѣлью государственной дѣятельности». Послѣднее, конечно, вѣрно, но все же опредѣленіе Менгера даетъ крайне мало для пониманія сущности соціализма. Въ немъ совершенно исчезаютъ характеристическія черты соціалистическаго строя, отличающія его отъ всякаго другого. Вѣдь, и буржуазія, опрокинувъ въ 18-мъ вѣкѣ феодальную власть, совершила переворотъ подъ флагомъ общихъ интересовъ народа. Мыслители 18-го вѣка были искренно

убѣждены, что свободная конкуренція всего болѣе обезпечиваетъ благо народныхъ массъ. Именно потому они и были апологетами капиталистическаго, но отнюдь не соціалистическаго строя.

Чтобы закончить этотъ бѣглый и, конечно, далеко неполный обзоръ различныхъ опредѣленій соціализма, приведу краткую характеристику даннаго понятія, сдѣланную Вернеромъ Зомбартомъ. «Всѣ теоретическія попытки,—говоритъ этотъ блестящій представитель современной германской академической науки,—указать пролетаріату цѣль его стремленій, вызвать его къ бою, организовать бой, найти путь, которымъ можетъ быть достигнута названная цѣль, образуютъ своей совокупностью то, что мы называемъ современнымъ соціализмомъ». Пусть такъ, но въ чемъ же заключается цѣль стремленій пролетаріата? Въ этомъ—суть вопроса, и объ этомъ Зомбартъ предпочитаетъ умолчать.

Итакъ, мы до сихъ поръ не нашли удовлетворительнаго опредѣленія понятія соціализма. Причины этого страннаго положенія дѣлъ—мощнаго соціалистическаго движенія и неясности его теоретическихъ отправныхъ пунктовъ—лежатъ довольно глубоко. Творцами положительнаго ученія современнаго соціализма слѣдуетъ скорѣе всего признать такъ называемыхъ «великихъ утопистовъ» начала прошлаго вѣка: Оуэна, Сенъ-Симона и его школу и Фурье. Эти люди совершили большую часть той умственной работы, которая потребовалась для созданія новаго соціальнаго идеала. Но ихъ соціализмъ имѣлъ вполнѣ сектантскій характеръ. Были секты овенистовъ, сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, каждая изъ которыхъ отвергала остальныя, но не было ничего похожаго на сознаніе общности соединявшихъ ихъ всѣхъ цѣлей и стремленій.

Второстепенныя различія между отдѣльными направленіями соціалистической мысли совершенно скрывали отъ соціалистическихъ сектантовъ ихъ общую принципіальную близость. Самый терминъ «соціализмъ», какъ обобщающее понятіе для всѣхъ соціалистическихъ направленій безъ различія, появился значительно позже. Во Франціи, по словамъ Вейля, автора превосходной монографіи о сенъ-симонизмѣ, слово это впервые было употреблено въ одномъ сенъ-симонистскомъ журналѣ въ 1832 г., съ нѣсколько инымъ значеніемъ, чѣмъ то, которое ему придается нынѣ. Въ 1836 г. послѣдователи Оуэна на конгрессѣ въ Манчестерѣ приняли для своей партіи названіе соціалистовъ. Въ 40-хъ годахъ, благодаря, главнымъ образомъ, очень распространенной, хотя и поверхностной книгѣ Луи Рейбо, терминъ «соціализмъ» въ современномъ смыслѣ слова вошелъ въ общее употребленіе.

Первоначальный соціализмъ былъ вполнѣ продуктомъ умозрѣнія, какъ любая философская система или научная теорія. Отвергая существующій общественный строй и предлагая его замѣнить новымъ, великіе соціалисты начала прошлаго вѣка возлагали всѣ свои надежды на силу убѣжденія. Они обращались къ разуму человѣчества и поступали такъ, какъ поступалъ бы архитекторъ, предлагающій сломать существующую неудачную постройку и выстроить на ея мѣстѣ новую по новому плану.

Въ этомъ методѣ дѣйствій заключалась и сила и слабость первоначальнаго соціализма. Сила потому, что методъ этотъ имѣлъ въ себѣ, несомнѣнно, нѣчто правильное и разумное. Правда, соціальный строй не есть всецѣло продуктъ сознательной воли человѣка; ему присущи стихійные элементы, не поддающіеся сознательному воздѣйствію. Но все же сознательная человѣческая воля всегда оказывала и оказываетъ—и при томъ въ возрастающей степени—извѣстное вліяніе на характеръ устройства человѣческаго общежитія. Если существующее историческое право и не есть всецѣло продуктъ человѣческаго искусства, все же оно, по мѣрѣ хода исторіи, болѣе и болѣе становится таковымъ. И потому первоначальные творцы современнаго соціализма отнюдь не были неправы въ своемъ убѣжденіи, что, доказавши огромныя преимущества

созданнаго ихъ воображеніемъ новаго соціальнаго строя и распространивши это убѣжденіе въ народныхъ массахъ, они рано или поздно побудятъ людей перестроить свою жизнь по новому плану.

Убѣжденіе въ возможности соціальнаго творчества путемъ логическихъ аргументовъ имѣло также и ту хорошую сторону, что оно поощряло первоначальныхъ соціалистовъ къ логическому усовершенствованію ихъ доктрины. Какую упорную вѣру въ непобѣдимость доводовъ разсудка долженъ былъ имѣть какой-нибудь Фурье, чтобы на десяткахъ и сотняхъ страницъ, пунктъ за пунктомъ, перечислять всѣ безчисленныя выгоды организаціи труда въ своемъ фаланстерѣ. Онъ не боялся тривіальности и мелочности многихъ своихъ расчетовъ, для которыхъ ему приходилось спускаться въ сферы, величественно игнорируемыя современной наукой: кухня, прачешная, курятникъ, кладовыя, —вообще вся область незамѣтнаго домашняго хозяйства казалась ему такимъ же важнымъ полемъ изслѣдованія, какъ и тѣ пункты современнаго хозяйства, гдѣ сталкиваются и перекрещиваются могучія силы мірового экономическаго оборота. Фурье хотѣлъ убѣдить людей, что имъ будетъ лучше жить во дворцѣ будущаго, фаланстерѣ, чѣмъ въ общественномъ зданіи современнаго типа; а такъ какъ жизнь обыкновеннаго человѣка слагается изъ мелочей, то ни одна мелочь не казалась Фурье слишкомъ ничтожной.

Подобные расчеты очень легко высмѣять—и, дѣйствительно, они высмѣивались много разъ. Однако, въ результатѣ всѣхъ этихъ умственныхъ усилій—придумать новое совершенное устройство общества и доказать преимущества придуманнаго передъ существующимъ—получилось дѣло огромной важности.

Вѣдь, соціальный идеалъ, подъ знаменемъ котораго рабочіе борются въ настоящее время, созданъ не кѣмъ инымъ, какъ этими чудаками, дерзнувшими противопоставить свою мечту грубой реальности окружавшаго ихъ міра. Вѣдь, соціализмъ, какъ положительное ученіе, какъ представленіе объ опредѣленномъ общественномъ строѣ будущаго, созданъ всецѣло этими странными людьми и никѣмъ больше. Именно они указали человѣчеству великую цѣль, къ которой оно теперь стремится.

Но, съ другой стороны, методъ придумыванія, изобрѣтенія новаго соціальнаго строя и мирной пропаганды придуманнаго заключалъ въ себѣ источникъ неустранимой слабости первоначальнаго соціализма. Средній человѣкъ отнюдь не такое разсудочное существо, какимъ его часто представляютъ: его духовный міръ окутанъ плотною тканью интересовъ, привычекъ, традицій, предвзятыхъ взглядовъ, предразсудковъ, которыхъ не разсѣкутъ самые сильные логическіе аргументы. Сколько бы ни убѣждали людей въ прелестяхъ будущаго соціальнаго строя, большинство останется глухо къ этимъ убѣжденіямъ, если его ближайшіе реальные интересы не потребуютъ отъ него разрыва съ существующимъ и смѣлаго шага впередъ. Въ представленіи раннихъ соціалистовъ міръ будущаго отдѣлялся цѣлой бездной отъ міра настоящаго. И народная масса обнаружила мало интереса къ ихъ проповѣди, несмотря на всю ея убѣдительность и внутреннюю силу.

Чтобы вліять на массы, соціализмъ долженъ былъ сблизиться съ насущными интересами этихъ массъ. Эту задачу и выполнилъ марксизмъ. Благодаря тактикѣ, созданной Марксомъ, соціалистическое движеніе стало рабочимъ движеніемъ. Борьба за соціалистическій идеалъ приняла характеръ борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса. И только благодаря этой новой тактикѣ соціализмъ сталъ такой крупной политической силой нашего времени.

Но чѣмъ больше центръ тяжести соціалистическаго движенія перемѣщался въ область практической политики, ближайшихъ нуждъ рабочаго класса, тѣмъ болѣе отступала на задній планъ конечная цѣль движенія. Интересъ къ будущему соціалистическому строю замѣнился интересомъ къ немедленно осуществимымъ частичнымъ реформамъ существующаго обществен-

наго строя. Вопросы рабочаго законодательства, профессіональной организаціи рабочихъ, борьба съ политической реакціей и пр. стали центромъ вниманія дѣятелей соціализма. Что же касается соціалистическаго идеала, то онъ оставался лишь знаменемъ движенія, но не реальнымъ его содержаніемъ.

Марксизмъ ничего не прибавилъ къ этому идеалу въ томъ видѣ, какъ онъ былъ созданъ ранними соціалистами. Однако, очевидно, что лишь этотъ идеалъ дѣлаетъ современное рабочее движеніе соціалистическимъ движеніемъ. Иначе говоря, соціализмъ, какъ ученіе, есть ученіе прежде всего о новомъ соціальномъ идеалѣ.

Такимъ образомъ, тактика марксизма, увѣнчавшаяся столь блестящимъ успѣхомъ въ практической жизни, сказалась въ области теоріи ослабленіемъ интереса къ конечнымъ цѣлямъ соціализма. Вотъ почему не можетъ быть ошибочнѣе обычнаго мнѣнія, что теорія соціализма содержится цѣликомъ въ работахъ Маркса и его школы. Въ трудахъ автора «Капитала», значенія которыхъ я отнюдь не склоненъ уменьшать, содержится теорія не соціализма, но капитализма, капиталистическаго развитія, ведущаго къ соціализму. Что касается соціализма—строя будущаго,—то теоріи этого строя Марксъ почти и не касался. Онъ получилъ соціалистическій идеалъ въ готовомъ видѣ отъ своихъ предшественниковъ и, какъ сказано, ничего къ этому идеалу не прибавилъ. Остается даже неяснымъ, что именно изъ этого идеала сохранилъ Марксъ и что отбросилъ, хотя по отрывочнымъ указаніямъ и намекамъ можно догадываться, что, по отношенію къ строю будущаго, идеализмъ Маркса нисколько не уступалъ идеализму его предшественниковъ.

Этимъ и объясняется отмѣченный мною странный фактъ, что въ то самое время, какъ знамя соціализма все больше и больше становится знаменемъ рабочаго класса всего міра, самое понятіе соціализма, какъ опредѣленнаго общественнаго идеала, остается туманнымъ, расплывчатымъ и неяснымъ.

Соціалистическій идеалъ не можетъ быть понятъ внѣ связи съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое его породило. Первымъ провозвѣстникомъ этого идеала въ законченной, систематической формѣ можетъ считаться авторъ «Утопіи» Томасъ Моръ. Но идеи Мора слишкомъ опередили его время и остались въ сторонѣ отъ жизни. Современный соціализмъ ведетъ свое начало отъ болѣе поздняго времени, отъ эпохи великой французской революціи, въ столь различныхъ и многообразныхъ отношеніяхъ являющейся гранью, съ которой начинается новѣйшая исторія человѣчества.

Въ эту эпоху окончательно сложилось и окрѣпло новое міровоззрѣніе, краеугольнымъ камнемъ котораго явилась идея равноцѣнности человѣческой личности. Лучшимъ выразителемъ и обоснователемъ этого міровоззрѣнія я считаю того, кто стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни, но своей свѣтлой и мощной мыслью глубже всѣхъ проникъ въ тайны человѣческаго духа—величайшаго философа новаго времени, Канта.

Кантъ далъ въ своихъ работахъ о морали и правѣ теорію того міросозерцанія, которое на практикѣ выразилось въ знаменитомъ революціонномъ требованіи «свободы, равенства и братства». Изъ этой тріады для соціализма особенно важенъ второй принципъ, принципъ равенства, который и является идейнымъ корнемъ всего соціализма.

Между тѣмъ, именно этотъ принципъ обосновать всего труднѣе. Желательность свободы и братства не нуждается въ доказательствахъ. Отсутствіе свободы ощущается человѣкомъ, какъ положительное страданіе. Точно такъ же братство—иначе говоря, любовь—есть положительное благо. Другое дѣло, равенство. Почему и въ какомъ смыслѣ равенство есть благо, а неравенство—зло? Неравенство коренится въ самой природѣ вещей: люди рождаются неравными—неравными по своимъ физическимъ силамъ, умственнымъ способностямъ, нравственнымъ наклонностямъ, вкусамъ, потребностямъ и т. д., и т. д. Никакой

соціальный строй не можетъ устранить этого естественнаго неравенства. И для чего нужно стремиться къ его устраненію? Развѣ всеобщее равенство гарантируетъ всеобщее счастье?

Всѣ эти соображенія такъ естественны и убѣдительны, что и понынѣ неизмѣнно выдвигаются противниками соціализма. И только стройная, строгая, неумолимо-послѣдовательная и логичная теорія Канта даетъ прочное, какъ гранитъ, обоснованіе требованія равенства.

Сознательная дѣятельность человѣка направлена на достиженіе разнообразныхъ цѣлей. Все, что является для насъ цѣлью, имѣетъ для насъ и опредѣленную цѣнность. Наши цѣли бываютъ относительными въ томъ случаѣ, когда мы сами, произвольно, по своему усмотрѣнію, ставимъ ихъ себѣ—ибо цѣнность этихъ цѣлей произвольно опредѣляется каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ, не представляя собой ничего общеобязательнаго для другихъ людей. Но не существуетъ ли въ природѣ чего-либо, что должно имѣть абсолютную, общеобязательную цѣнность для всѣхъ людей? Да, нѣчто такое въ природѣ существуетъ. «Въ природѣ все, что угодно, надъ чѣмъ мы имѣемъ власть, можетъ служить намъ средствомъ,—говоритъ Кантъ,—и только человѣкъ, и съ нимъ всякое разумное существо—есть цѣль въ себѣ... Человѣкъ и вообще всякое разумное существо существуетъ, какъ цѣль въ себѣ, не какъ средство для той или другой воли, но всегда долженъ разсматриваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, направленныхъ какъ на него самого, такъ и на другія разумныя существа, какъ цѣль».

Конечно, Кантъ не утверждаетъ, что это основное правило морали всегда осуществляется на практикѣ. Таковъ, однако, общеобязательный моральный идеалъ, лежащій въ основѣ гуманическаго міросозерцанія, выразившагося въ революціонномъ требованіи свободы и равенства.

Это революціонное міросозерцаніе, ниспровергшее столько святынь, нашло и утвердило одну верховную святыню—человѣческую личность. Оно преклонилось передъ человѣкомъ, какъ таковымъ. Достоинства людей различны: нѣкоторые люди внушаютъ намъ уваженіе, къ другимъ мы относимся съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Но въ каждомъ человѣкѣ, даже самомъ низкомъ, есть нѣчто имѣющее абсолютную цѣнность, цѣнность превыше всего: это—его человѣческая природа. Каковъ бы ни былъ человѣкъ, мы всегда должны относиться къ нему, не какъ къ средству, а какъ къ верховной цѣли. Всякій человѣкъ можетъ требовать такого отношенія къ себѣ, какъ своего прирожденнаго неотъемлемаго права.

Такимъ путемъ Кантъ приходитъ къ идеѣ «царства цѣлей»—господства разумныхъ цѣлей, которыя ставятъ себѣ разумныя существа, каждое изъ которыхъ видитъ въ другомъ не средство, но цѣль. Идеальное человѣческое общество и должно быть такимъ царствомъ цѣлей.

Античное міросозерцаніе легко мирилось съ рабствомъ. Самые возвышенные философы древности—какъ Платонъ—отрицали за варварами, не эллинами, права требовать къ себѣ со стороны эллиновъ мягкаго, человѣческаго отношенія. Новое міровоззрѣніе, признавшее человѣческую личность абсолютной и безконечной цѣнностью, не можетъ дѣлать такихъ различій между людьми. Ибо всѣ люди, каковы бы они ни были, обладаютъ человѣческой личностью.

Вотъ, слѣдовательно, точка зрѣнія, съ которой всѣ разумныя существа должны быть признаны абсолютно равными. Самый ничтожный человѣкъ равенъ въ этомъ смыслѣ самому великому—ибо они въ равной мѣрѣ люди, носители святыни человѣческой личности.

Отсюда вытекаетъ кантовское ученіе о прирожденныхъ правахъ человѣка. «Прирожденное право человѣка существуетъ только одно. Свобода (независимость отъ принудительнаго воздѣйствія чужого произвола), поскольку таковая совмѣстима, согласно общему закону, со свободой другихъ людей, есть

это единственное, первоначальное право, присущее каждому человѣку въ силу того, что онъ человѣкъ. Прирожденное равенство, т. е. право каждаго не нести большихъ обязательствъ по отношенію къ другому, чѣмъ сколько это послѣднее лицо несетъ обязательствъ по отношенію къ первому; далѣе, право человѣка быть своимъ собственнымъ господиномъ,—всѣ эти права лежатъ уже въ принципѣ прирожденной свободы и не могутъ быть въ дѣйствительности отъ него отдѣлены (какъ подраздѣленія высшаго правового принципа).»

Итакъ, вотъ въ какомъ смыслѣ всѣ люди равны отъ природы, какъ бы они ни были различны по своимъ свойствамъ и достоинствамъ. Они равны по своимъ правамъ на жизнь и счастье, они равны по тому уваженію, съ какимъ мы должны относиться къ интересамъ ихъ всѣхъ,—они равны по безконечной цѣнности, которой обладаетъ личность каждаго изъ нихъ. Только съ этой точки зрѣнія можно признавать принципъ равенства основаніемъ правильнаго общежитія людей. Отбросьте ученіе объ абсолютной цѣнности человѣческой личности—и всѣ демократическія требованія нашего времени окажутся пустымъ разглагольствованіемъ. Поэтому необходимо признать идею равноцѣнности человѣческой личности основной этической идеей современнаго соціализма.

Правда, самъ Кантъ, давшій такимъ образомъ теоретическое обоснованіе соціализму, отнюдь не былъ соціалистомъ. Въ своей «Метафизикѣ нравовъ» онъ защищаетъ право частной собственности на землю и другія средства производства и пытается вывести его изъ основного прирожденнаго права человѣка на свободу. Но если есть какое-либо положеніе, твердо установленное научной критикой нашего времени, то это то, что право частной собственности на средства производства, по неумолимымъ законамъ хозяйства, неизбѣжно превращается въ право эксплоатаціи одними людьми другихъ, неизбѣжно ограничиваетъ свободу личности трудящагося человѣка, обращаетъ въ юридическую фикцію прирожденное равенство всѣхъ. Иными словами, частная собственность на средства производства несовмѣстима съ равенствомъ.

Кантъ не былъ, какъ сказано, соціалистомъ. Однако, только въ идеѣ равноцѣнности человѣческой личности,—а эта идея нашла свое самое систематическое выраженіе въ философіи Канта,—заключается теоретическое обоснованіе соціалистическаго міровоззрѣнія, поскольку таковое опирается на этическіе принципы. Соціализмъ есть стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни всѣ тѣ права, которыя нынѣ теоретически признаются неотъемлемымъ достояніемъ человѣка. Пока одни классы общества будутъ присваивать трудъ другихъ классовъ, пока сохранится эксплоатація трудящихся классовъ имущими, до тѣхъ поръ фактическая равноправность всѣхъ, къ которой стремится соціализмъ, не будетъ достигнута. Поэтому соціализмъ требуетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества, и мы можемъ опредѣлить соціализмъ, какъ *такое хозяйственное устройство общества, при которомъ, благодаря равной обязанности и равному праву всѣхъ участвовать въ общественномъ трудѣ и таковому же праву всѣхъ участвовать въ пользованіи плодами этого труда, невозможна эксплоатація однихъ членовъ общества другими.*

Такова сущность и цѣль соціализма, какъ представленія о новомъ хозяйственномъ строѣ, въ противоположность господствующему нынѣ строю хозяйства—капиталистическому. Это опредѣленіе охватываетъ собой всѣ направленія соціализма, которыя въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько группъ. Группы эти входятъ въ составъ общаго понятія соціализма въ широкомъ смыслѣ слова, такъ какъ всѣмъ имъ общи указанныя въ моемъ опредѣленіи характеристическіе признаки. Соціализмъ въ широкомъ смыслѣ можетъ быть подраздѣленъ на: 1) соціализмъ въ узкомъ смыслѣ, или коллективизмъ, и 2) коммунизмъ.

Обыкновенно, отличіе соціализма въ узкомъ смыслѣ (коллективизма) отъ коммунизма видятъ въ томъ, что соціализмъ въ узкомъ смыслѣ требуетъ перехода въ общественную собственность только средствъ производства допуская частную собственность на предметы потребленія, между тѣмъ, какъ коммунизмъ требуетъ совершеннаго уничтоженія частной собственности какъ на средства производства, такъ и на предметы потребленія. Но это не совсѣмъ вѣрно. Нельзя, прежде всего, строго разграничить средства производства отъ предметовъ потребленія. Стулъ, на которомъ я сижу, есть предметъ потребленія, если я сижу для отдыха, и средство производства, если я на немъ работаю. Экипажъ, въ которомъ я ѣду, есть предметъ потребленія, если я катаюсь для собственнаго удовольствія, и средство производства, если я ѣду по дѣлу, и т. д. и т. д. Невѣрно затѣмъ, что соціализмъ требуетъ обобществленія всѣхъ орудій труда (средствъ производства). Свою книгу объ «Аграрномъ вопросѣ» Каутскій заканчиваетъ очень краснорѣчивымъ и искреннимъ описаніемъ прелестей домашняго очага, жизни у себя дома. Въ соціалистическомъ обществѣ Беллами каждая семья живетъ въ особомъ домѣ. Съ этимъ неизбѣжно связывается и сохраненіе въ большей или меньшей степени домашняго хозяйства—а, слѣдовательно, и индивидуальное владѣніе средствами производства этого хозяйства. Принятіе пищи дома требуетъ своихъ орудій труда—посуды, столовыхъ принадлежностей и пр. Бумага, перья, чернила, книги, читаемыя не для развлеченія, все это—орудія умственнаго труда, по отношенію къ которымъ должно быть допущено индивидуальное владѣніе и при соціалистическомъ устройствѣ общества.

Итакъ, и при господствѣ коллективизма извѣстная часть средствъ производства останется въ частномъ владѣніи. Съ другой стороны, по отношенію къ очень многимъ предметамъ потребленія частное владѣніе въ коллективистическомъ обществѣ ни въ какомъ случаѣ допущено быть не можетъ. Уже и теперь очень многое, служащее для непосредственнаго наслажденія и пользы, находится въ свободномъ и общемъ пользованіи всѣхъ — напр., общественные музеи, картинныя галлереи, городскіе парки и пр. Въ соціалистическомъ обществѣ такое свободное пользованіе различными источниками наслажденія должно чрезвычайно возрасти. Другіе предметы потребленія, какъ, напр., жилые дома, должны перейти въ собственность всего общества, и только пользованіе ими должно быть предоставлено за извѣстную плату отдѣльнымъ лицамъ. Такимъ образомъ, въ коллективистическомъ обществѣ будутъ три группы предметовъ потребленія: одни предметы будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ свободно предоставлено всѣмъ; другіе будутъ принадлежать обществу, и пользованіе ими будетъ предоставлено отдѣльнымъ лицамъ за извѣстную плату, и, наконецъ, третьи будутъ находиться въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ.

Но и коммунизмъ отнюдь не характеризуется тѣмъ, что при этомъ строѣ индивидуальная собственность совершенно исчезнетъ. Главнымъ апостоломъ коммунизма въ новѣйшее время былъ Кабэ. Въ своей «Икаріи» онъ стремился все сдѣлать общимъ и уничтожить всякое индивидуальное владѣніе. Но это ему удалось далеко не въ полной мѣрѣ. Икарійцы, живущіе въ деревнѣ и ведущіе сельское хозяйство, имѣютъ, по описанію Кабэ, особыя фермы, съ которыхъ они поставляютъ государству заранѣе опредѣляемое количество сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. За этимъ вычетомъ, они свободно располагаютъ всѣми продуктами своихъ фермъ и не подлежатъ въ потребленіи ихъ никакому общественному контролю. Очевидно, икарійцы являются фактически собственниками продуктовъ своего труда (безъ права, разумѣется, ихъ отчужденія). Въ этомъ случаѣ индивидульное производство естественно влечетъ за собой и индивидуальное владѣніе продуктомъ труда. Но и при общественномъ производствѣ, какъ бы широко оно ни было проведено, остается много пред-

метовъ потребленія, которые по самой своей природѣ должны быть въ единоличномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ. Сюда относится, напр., одежда. Какъ бы далеко ни были проведены принципы коммунизма, но однимъ сюртукомъ одновременно одѣть двухъ не удастся, и каждый сюртукъ будетъ силою вещей фактическою собственностью того, кто его носитъ.

Принципіальное отличіе собственно соціализма отъ коммунизма не можетъ быть, такимъ образомъ, пріурочено къ указанному признаку.

Въ виду этого многіе склонны отождествлять соціализмъ съ коммунизмомъ или же усматривать различіе между тѣмъ и другимъ въ степени, въ которой проводится принципъ общественной собственности на предметы хозяйства. Однако, возможно установить ясный и точный признакъ, по которому соціализмъ рѣзко отличается отъ коммунизма. Признакомъ этимъ, по моему мнѣнію, является слѣдующее.

Среди различныхъ соціалистическихъ системъ, въ широкомъ смыслѣ слова, легко отличить два основныхъ типа. Въ однѣхъ системахъ нормируются тѣмъ или другимъ способомъ доходы отдѣльныхъ лицъ, т. е. устанавливается общая сумма цѣнности, которой данное лицо можетъ располагать для своего потребленія; согласно другимъ системамъ доходы отдѣльныхъ лицъ совершенно не нормируются, и даже устраняется самое понятіе дохода, какъ опредѣленной суммы цѣнности, а нормируется непосредственно потребленіе, или же потребленіе признается совершенно свободнымъ. При системахъ перваго типа распредѣленіе продуктовъ обязательно совершается при помощи той или иной системы денегъ, хотя бы только идеальныхъ: каждая отдѣльная личность расходуетъ свой доходъ—потребляетъ въ предѣлахъ цѣнности, которою располагаетъ, для чего требуется, въ свою очередь, точное сравненіе цѣнности потребляемой вещи съ общей цѣнностью дохода потребляющаго лица и расходованіе этой послѣдней цѣнности даннымъ лицомъ для пріобрѣтенія предметовъ потребленія. Поэтому, при системахъ этого типа предметы потребленія должны имѣть свою цѣну, цѣна же должна быть выражена въ единицахъ цѣнности. Иными словами, деньги, какъ мѣрило цѣнности и какъ покупательное средство, являются въ системахъ этого типа необходимымъ орудіемъ распредѣленія. Напротивъ, въ системахъ второго типа, предоставляющихъ полную свободу потребленію или же нормирующихъ не доходы, но непосредственно потребленіе, деньги совершенно не нужны въ качествѣ орудія распредѣленія. Общественное хозяйство въ системахъ перваго типа есть денежное хозяйство, въ системахъ второго типа—натуральное хозяйство.

Различіе это очень глубоко и принципіально, и именно къ нему слѣдуетъ пріурочить дѣленіе соціализма и коммунизма. Гдѣ имѣется категорія личнаго дохода, тамъ мы имѣемъ дѣло съ соціалистической системой; гдѣ этой категоріи нѣтъ, тамъ передъ нами коммунизмъ. Обычное пониманіе соціализма, какъ системы, допускающей личную собственность на предметы потребленія, и коммунизма, какъ системы, отвергающей такую собственность, есть смутное выраженіе указаннаго основного и принципіальнаго отличія обѣихъ системъ. Ибо категорія личнаго дохода логически предполагаетъ свободу распоряженія доходомъ, свободу расходованія дохода по своему вкусу; а такое свободное расходованіе предполагаетъ и личныя права расходующаго лица на пріобрѣтенные предметы потребленія. Иными словами, категорія личнаго дохода предполагаетъ и личное владѣніе предметами потребленія.

Напротивъ, отсутствіе категоріи личнаго дохода предполагаетъ и отсутствіе личныхъ правъ на предметы потребленія. Поэтому системы этого типа отрицаютъ частную собственность на всѣ предметы хозяйства безъ различія.

Такимъ образомъ, исходя изъ указаннаго признака, можно съ полной опредѣленностью разграничить соціализмъ (въ узкомъ смыслѣ) и комму-

низмъ. При соціалистическомъ строѣ потребленіе регулируется доходомъ, при коммунистическомъ—потребленіе или совершенно свободно, или же регулируется непосредственнымъ распредѣленіемъ продуктовъ въ натуральномъ видѣ между отдѣльными лицами.

При коммунистическомъ строѣ экономическая равноправность (составляющая существо всякой системы соціализма) выражается или въ равной свободѣ потребленія каждаго, или же въ равенствѣ потребленія (въ зависимости, конечно, отъ возраста, пола, здоровья и т. д.). Отказываясь отъ нормированія дохода отдѣльныхъ личностей, коммунизмъ отрицаетъ и необходимость пропорціональности между тѣмъ, что каждое лицо даетъ обществу, и что оно отъ послѣдняго получаетъ.

Напротивъ, системы соціализма (въ узкомъ смыслѣ) могутъ быть двоякаго рода. Однѣ (Пекеръ, Беллами) такъ же строго стоятъ на почвѣ фактическаго равенства, какъ и системы коммунизма. Нормированіе дохода принимаетъ въ этомъ случаѣ видъ полнаго равенства доходовъ всѣхъ членовъ общества: за каждымъ признается право на равную сумму дохода. Но, въ отличіе отъ уравнительнаго коммунизма, это равенство доходовъ не превращается въ одинаковость потребленія по роду и качеству потребляемыхъ продуктовъ. Каждый расходуетъ свой доходъ согласно своимъ личнымъ вкусамъ и потребностямъ. Въ другихъ системахъ коллективизма экономическая равноправность понимается какъ равное право каждаго рабочаго на создаваемый имъ трудовой продуктъ, а такъ какъ трудовые продукты различныхъ рабочихъ могутъ — и даже неибѣжно должны — быть неравны, ибо люди обладаютъ фактически различными силами и способностями, то коллективизмъ этого типа отнюдь не требуетъ равенства доходовъ. Такое равенство многіе соціалисты считаютъ даже нежелательнымъ, ибо при немъ у рабочаго отпадаютъ побудительные мотивы повышать производительность своего труда. Такъ, напр., формула сенъ-симонистовъ гласитъ: «отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ». Иными словами, каждый долженъ исполнять ту работу, къ которой онъ наиболѣе способенъ, и получать вознагражденіе въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что даетъ обществу его работа.

II.

Соціализмъ усматриваетъ корень соціальнаго зла въ современномъ устройствѣ хозяйства. Все вниманіе соціалистовъ сосредоточено на вопросахъ общественнаго хозяйства, и ихъ требованія сводятся къ требованію ряда экономическихъ преобразованій. Отсюда легко вывести заключеніе, что соціализмъ видитъ въ хозяйственномъ благополучіи вѣнецъ человѣческаго счастія и, слѣдовательно, по самой своей природѣ враждебенъ идеализму. «То существенное обстоятельство,—говоритъ нашъ философъ В. Соловьевъ,—что соціализмъ ставитъ нравственное совершенство общества въ прямую зависимость отъ его экономическаго строя и хочетъ достигнуть нравственнаго преобразованія путемъ экономической революціи, ясно показываетъ, что онъ, въ сущности, стоитъ на одной и той же почвѣ со враждебнымъ ему мѣщанскимъ царствомъ, именно на почвѣ господства матеріальнаго интереса. Если для представителя плутократіи значеніе человѣка зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ въ качествѣ пріобрѣтателя, то для соціалиста точно такъ же человѣкъ имѣетъ значеніе лишь какъ обладатель вещественнаго благосостоянія, но только въ качествѣ производителя; и здѣсь и тамъ человѣкъ разсматривается, прежде всего, какъ экономическій дѣятель, и здѣсь и тамъ послѣднею цѣлью и верховнымъ благомъ признается вещественное благосостояніе—принципіальной разницы между ними нѣтъ. Соціализмъ лишь про-

водитъ принципъ плутократіи съ большей послѣдовательностью и полнотой... И если преобладаніе вещественныхъ интересовъ, хозяйственнаго и промышленнаго элементовъ, составляетъ характеристическую черту буржуазіи или мѣщанскаго царства, то въ томъ соціализмѣ, который хочетъ ограничить человѣчество исключительно этими низшими интересами, мы находимъ крайнее выраженіе, послѣднее заключеніе мѣщанства».

Вотъ, поистинѣ, тяжкое обвиненіе, выдвинутое противъ соціализма мыслителемъ, искренность и благородство котораго выше всякихъ подозрѣній! Что можетъ быть отвратительнѣе мѣщанства? И если освобожденіе человѣка отъ экономическаго гнета равносильно превращенію его въ пошлое, успокоившееся существо, въ сытую свинью, грѣющуюся на солнцѣ, то не лучше ли экономическое рабство съ его ужасными спутниками, голодомъ и нищетой? Рабство не убило человѣческаго духа—античная культура и теперь сохраняетъ свою мраморную красоту. Ну, а мѣщанство—это смерть духа, смерть всего, что есть прекраснаго въ человѣкѣ. Такой цѣной нельзя заплатить даже за всеобщее довольство.

Соловьевъ формулировалъ въ сжатой и сильной формѣ одно изъ самыхъ распространенныхъ обвиненій противъ соціализма. Но, къ счастью, человѣчество не стоитъ передъ роковой дилеммой—страданія или пошлости. Насиліе и гнетъ не представляютъ собой необходимаго условія духовной культуры.

Совершенно вѣрно, что соціалисты сосредоточиваютъ свое вниманіе на экономическихъ вопросахъ. Но не потому, чтобы имъ было недоступно пониманіе высшихъ интересовъ человѣческой жизни. Соціалисты борются, прежде всего, съ бѣдностью. А бѣдность—это не только физическія страданія, но и приниженіе духа. Духовная культура неизбѣжно должна опираться на матеріальную. Наука и искусство требуютъ своихъ матеріальныхъ средствъ, которыя создаются хозяйствомъ. Извѣстный досугъ, свобода отъ хозяйственнаго труда есть необходимое условіе успѣховъ цивилизаціи. Обобществленіе труда должно во много разъ повысить его производительность. Но такъ какъ необходимыя потребности жизни не испытаютъ перемѣны, то на удовлетвореніе ихъ въ соціалистическомъ обществѣ будетъ затрачиваться несравненно меньше труда, чѣмъ нынѣ. Иными словами, свобода человѣчества отъ хозяйственнаго труда значительно возрастетъ—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ увеличившійся досугъ будетъ заполненъ дѣятельностью высшаго порядка. Ибо всѣ обычные мотивы, которые въ настоящее время побуждаютъ людей къ этой дѣятельности, пріобрѣли бы особенную силу въ обществѣ будущаго.

Милліонеръ, успѣшный государственный дѣятель, полководецъ, пользуются въ наше время большимъ почетомъ и встрѣчаютъ больше людей, готовыхъ передъ ними преклоняться, чѣмъ великій мыслитель или художникъ. Не то было бы въ соціалистическомъ обществѣ. Въ немъ не было бы ни милліонеровъ, ни полководцевъ, ни государственныхъ дѣятелей. Да, даже и послѣднихъ не было бы, ибо съ паденіемъ современнаго хозяйственнаго строя пали бы и современный политическій строй. Въ обществѣ будущаго роль правительства сократится до такихъ скромныхъ размѣровъ, что участіе въ правительствѣ не будетъ требовать особыхъ талантовъ, не будетъ доставлять особаго почета и, слѣдовательно не будетъ представлять собой ничего особо замавчиваго для честолюбія. Вообще, исчезнетъ грубая, физическая власть человѣка надъ человѣкомъ, а, слѣдовательно, и исчезнетъ все то обаяніе, которое теперь связано съ этой властью. Исчезнетъ физическая борьба людей другъ съ другомъ—мирная ассоціація будущаго сдѣлаетъ эту борьбу невозможной, по отсутствію всякихъ поводовъ къ ней.

Но не значитъ ли это, что соціалистическое общество будетъ царствомъ скуки и посредственности? Да, это было бы такъ, если бы въ жизни человѣка не было ничего болѣе высокаго, чѣмъ борьба за власть и за угнетеніе

себѣ подобныхъ. Конечно, для людей такого душевнаго склада царство будущаго показалось бы прѣснымъ и пошлымъ. Но человѣческая душа знаетъ болѣе высокіе мотивы и интересы. Освободившись отъ пригуплающаго, чрезмѣрнаго хозяйственнаго труда, человѣчество преобразится и одухотворится. Попрежнему надъ нашей головой будетъ простираться звѣздное небо, попрежнему будетъ шумѣть лѣсъ, природа сохранитъ свою прежнюю прелесть и всѣ свои тайны: для познанія навсегда обезпеченъ неисчерпаемый матеріалъ, такъ же, какъ и для воспріятія красоты.

Слѣдовательно, нечего бояться, что съ исчезновеніемъ грубыхъ и низменныхъ интересовъ, наполняющихъ теперь жизнь, она лишится всякаго интереса. Интересы останутся, но ихъ характеръ и направленіе измѣнятся, они станутъ одухотвореннѣе и тоньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ, глубже, сложнѣе, длительнѣе и сильнѣе. Произойдетъ полная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Слава и почетъ будутъ доставаться въ удѣлъ тѣмъ, кто принесъ людямъ всего болѣе пользы, открылъ имъ новые источники познанія и эстетическаго наслажденія. Мыслители и художники станутъ героями и вождями будущаго человѣчества. Интересъ къ познанію и эстетической дѣятельности возрастетъ въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и заполнитъ собой всю жизнь людей, возвышающихся надъ уровнемъ посредственности.

А число такихъ людей въ обществѣ будущаго должно во много разъ увеличиться. Искусство и наука за все время существованія человѣчества были достояніемъ ничтожной кучки имущихъ классовъ. Огромное большинство людей стояло совершенно въ сторонѣ отъ умственныхъ и эстетическихъ интересовъ образованной части общества. Изрѣдка, благодаря случайному стеченію особо благопріятныхъ обстоятельствъ, тому или другому даровитому человѣку изъ среды простого народа удавалось выдвинуться изъ сѣрой и безыменной рабочей массы, мимо которой идетъ исторія, и примкнуть къ тѣмъ немногимъ счастливцамъ, имена которыхъ остаются въ памяти людей. Но это были единичныя исключенія. Новая организація хозяйства покончитъ съ этимъ порядкомъ вещей. Умственная культура станетъ всеобщимъ достояніемъ; не случайность рожденія въ той или иной общественной средѣ, а способности и талантъ будутъ выдѣлять человѣка надъ толпой, слѣдствіемъ чего долженъ явиться необычайный подъемъ человѣческаго генія, необычайный расцвѣтъ цивилизаціи, въ которой будутъ принимать дѣятельное участіе не тысячи, какъ теперь, а милліоны людей.

Въ настоящее время общественное вниманіе сосредоточено, преимущественно, на вопросахъ хозяйства. Паденіе или поднятіе биржевого курса ходкой бумаги или рыночной цѣны распространеннаго товара составляютъ великое событіе, о которомъ телеграфируютъ во всѣ концы міра и которое повсюду распространяетъ тревогу или радость. Міръ будущаго не будетъ знать этихъ волненій и этихъ радостей; его исторія будетъ слагаться изъ другихъ событій. Мнѣ кажется, что можно составить себѣ представленіе о строѣ интересовъ людей общества будущаго по описаніямъ жизни итальянскихъ городовъ эпохи Возрожденія. Свѣтлое, радостное и гармоничное міросозерцаніе этой эпохи, со своимъ глубокимъ и захватывающимъ интересомъ къ искусству и познанію должно вновь возродиться въ будущемъ. Опять появятся люди той поразительной душевной красоты и той умственной мощи, которые характеризуютъ эту чудную раннюю весну современной исторіи,—люди вродѣ Леонардо да-Винчи или Микель Анджело, передъ которыми наше время кажется такимъ грубымъ, варварскимъ и жалкимъ. Кстати же, типичнымъ человѣкомъ эпохи Возрожденія былъ и великій творецъ современнаго соціалистическаго идеала Томасъ Моръ.

Англійскій антропологъ и соціологъ Гальтонъ совершенно серьезно утверждаетъ, что передовыя европейскія націи современной капиталистической

эпохи по своимъ умственнымъ способностямъ стоятъ настолько же ниже, напр., древнихъ эллиновъ, насколько негры стоятъ ниже насъ. И въ этой неблагопріятной оцѣнкѣ ученымъ изслѣдователемъ капиталистической цивилизаціи, которой мы такъ гордимся, нельзя усмотрѣть никакого преувеличенія. Правда, наше время создало удивительныя машины, а также орудія разрушенія людей. Но умственная сила измѣряется не этимъ. Машину можетъ построить и варваръ; но изваять Медицейскую Венеру можетъ только человѣкъ съ совершенно исключительной способностью къ воспріятію красоты.

Между тѣмъ, не нужно забывать, что произведенія античнаго искусства, которыя составляютъ для насъ недостижимый образецъ совершенства пластической красоты, были созданы, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, совершенно неизвѣстными художниками. И вѣдь только ничтожная, случайная доля этихъ произведеній уцѣлѣла и дошла до нашей эпохи. Если бы не была раскопана Помпея, то мы бы почти ничего не знали о стѣнной живописи древнихъ. Что такое была Помпея?—маленькій, ничтожный заурядный провинціальный римскій городокъ, въ которомъ почти не было богатыхъ людей! И, однако, стѣнная живопись Помпеи была однимъ изъ источниковъ вдохновенія великаго художника нашего времени—Беклина. Кто бывалъ въ Помпеѣ, тотъ знаетъ, сколько красоты было въ домашнемъ быту античнаго міра, сколько артистическаго изящества было вложено во всякую принадлежность хозяйства древнихъ: кухонную утварь, меблировку, устройство комнатъ и пр. Обычный помпеянскій домъ со своими бронзовыми и мраморными статуями и бюстами, стѣнами, покрытыми богатымъ и разнообразнымъ рисункомъ, съ красками удивительной яркости, мраморными колоннами и бассейнами, кажется намъ теперь чудомъ искусства, не обыкновеннымъ жилищемъ людей, а художественнымъ музеемъ. И, однако, въ немъ жили обыкновенные люди и, очевидно, не могли представить себѣ жизни въ другой, менѣе прекрасной обстановкѣ, какъ мы не можемъ представить себѣ жизни въ грязной обстановкѣ жалкой негритянской хижины.

Не менѣе красивъ былъ въ своемъ родѣ и средневѣковый городъ или городъ временъ Возрожденія. Флоренція и Венеція всегда будутъ привлекать посѣтителей со всѣхъ концовъ міра—не даромъ паденіе знаменитой колокольни св. Марка почувствовалось по всей Европѣ, какъ общее несчастье цивилизованнаго человѣчества.

Холодный духъ капитализма сдѣлалъ все, чтобы уничтожить эту красоту. Въ прежнее время человѣческое жилище, связанное съ человѣческой личностью такими интимными узами и такъ могущественно вліяющее своей повседневной обстановкой на его психику, строилось для жизни, а не для наживы; и потому люди вкладывали въ эту постройку свою душу, свой вкусъ и пониманіе изящнаго. Домъ былъ одухотвореннымъ произведеніемъ человѣческаго искусства. Надъ иными средневѣковыми зданіями трудились цѣлыя поколѣнія художниковъ-архитекторовъ; постройка иногда продолжалась цѣлыя столѣтія, но зато и получались такія созданія, какъ миланскій или флорентійскій соборы. Но даже какая-нибудь деревянная великорусская изба, со своими затѣйливыми коньками и причудливой рѣзьбой обнаруживаетъ бездну вкуса, имѣетъ свой особый, оригинальный стиль. Капитализмъ все это убилъ. Дома стали строиться для барыша, какъ строятся заводы или желѣзнодорожные мосты. Архитектурный стиль исчезъ и всѣ попытки возсоздать его оказались безуспѣшны. Исчезло что-то неуловимое, что было присуще людямъ прежнихъ эпохъ и что давало имъ удивительное пониманіе архитектурной красоты. Получилось общее паденіе архитектурнаго вкуса.

Нѣчто подобное, хотя и въ не такихъ размѣрахъ, произошло подъ вліяніемъ господства капиталистическаго духа и въ другихъ областяхъ искусства. Послѣдовало одичаніе и огрубѣніе человѣческой толпы, истинное царство-

мѣщанства. Интересы капиталистической промышленности подавили всѣ остальные, и внѣшняя обстановка нашей жизни стала поражать своею неэстетичностью.

Дѣйствительно, что можетъ быть безобразнѣе современнаго города? Нужно побывать въ Лондонѣ, подышать лондонскимъ воздухомъ, насквозь пропитаннымъ угольной копотью, покрывающей толстымъ чернымъ налетомъ стѣны домовъ и опускающейся во время тумана непроницаемой завѣсой на лондонскія улицы, посмотрѣть на бурую жидкость, которая вмѣсто воды струится въ Темзѣ (въ своемъ соціалистическомъ романѣ Моррисъ рисуетъ, какъ одно изъ чудесъ новаго общественнаго строя, возвращеніе водѣ въ Темзѣ былой прозрачности), чтобы понять, во что превращаетъ городъ капитализмъ. Не менѣе уродуетъ капитализмъ и деревню, уничтожая лѣса, загрязняя рѣки, стирая мѣстный колоритъ, національныя черты быта и подгоняя все подъ однообразный и пошлый капиталистическій шаблонъ.

Неудивительно, что среди болѣе мыслящихъ художниковъ нашего времени, понимающихъ тѣсную связь искусства съ общимъ строемъ соціальной жизни, возникло теченіе особаго рода, которое можно назвать эстетическимъ соціализмомъ—протестомъ противъ капиталистическаго строя по соображеніямъ преимущественно эстетическаго характера. Этотъ эстетическій соціализмъ всего сильнѣе въ Англіи, гдѣ его самымъ извѣстнымъ представителемъ является Рескинъ. Соціализмъ Морриса—отчасти такого же происхожденія: всѣхъ этихъ людей съ тонко-развитымъ вкусомъ возмущаетъ столь характерное для нашей эпохи эстетическое огрубѣніе человѣчества, которое принесъ съ собою капитализмъ.

Еще обычнѣе другой упрекъ соціализму—въ стремленіи уничтожить свободу личности. Назвавъ соціализмъ «грядущимъ рабствомъ», Спенсеръ лишь повторилъ то, что говорятъ всѣ противника соціализма. Спенсеру и другимъ государство будущаго рисуется чѣмъ-то въ родѣ исполинской тюрьмы, въ которой люди будутъ, быть можетъ, и сыты, но зато лишены лучшаго и драгоцѣннѣйшаго блага—свободы.

Но и этотъ упрекъ лишенъ основанія. Дѣйствительно, господствующее направленіе соціализма требуетъ принудительной организаціи общественнаго труда. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и теперь хозяйственный трудъ для огромнаго большинства рабочихъ имѣетъ принудительный характеръ, съ тѣмъ весьма существеннымъ различіемъ, что при капиталистической системѣ рабочіе подчинены чуждому имъ лицу—капиталисту, а при соціализмѣ ихъ собственная коллективная воля будетъ ихъ единственнымъ господиномъ.

Да и вообще капиталистическая свобода всеобщей конкуренціи есть только фикція свободы, скрывающая за собой въ дѣйствительности болѣе или менѣе полное порабощеніе личности. Возьмемъ привилегированное лицо капиталистическаго міра—предпринимателя. Юридически онъ крайне мало ограниченъ въ своей дѣятельности. Законъ ему не запрещаетъ выбирать любое дѣло, производить любой товаръ, назначать любую цѣну за продаваемые продукты и оплачивать любой цѣной нужный ему трудъ. Однако, его свобода во всѣхъ этихъ отношеніяхъ является въ значительной мѣрѣ мнимой. Онъ не стѣсненъ юридическимъ закономъ, но зато тѣмъ неумолимѣе его сдавливаютъ желѣзные экономическіе законы капиталистическаго строя.

Онъ можетъ назначить любую цѣну за свой товаръ, но проданъ товаръ будетъ лишь по той цѣнѣ, которая принудительно диктуется условіями капиталистическаго рынка и т. д. и т. д. Въ условіяхъ капиталистической конъюнктуры предприниматель находитъ себѣ своего суроваго и деспотическаго владыку, власть котораго особенно болѣзненно чувствуется въ эпохи промышленныхъ кризисовъ.

Еще болѣе мнимой является свобода выбора занятій при господствѣ

капиталистическаго режима въ другихъ сферахъ умственнаго труда. Условія спроса и предложенія, а также власти и зависимости самымъ дѣйствительнымъ образомъ ограничиваютъ эту свободу, ибо, если въ капиталистическомъ обществѣ и отсутствуетъ руководящая сознательная власть, зато ея мѣсто заступаютъ не менѣе принудительныя, но стихійныя силы всеобщей экономической борьбы. И потому не только пролетарій, эксплоатируемый капиталистомъ и находящійся въ полной зависимости отъ него, лишенъ свободы,— даже и представители умственнаго труда, выходящіе, преимущественно, изъ рядовъ имущихъ классовъ, ученые, артисты, писатели, вообще люди либеральныхъ профессій, далеко не обладаютъ той свободой дѣятельности, которая является именно для этихъ родовъ труда столь необходимымъ условіемъ успѣшности и плодотворности работы.

Свободы бездѣлья въ обществѣ будущаго, конечно, не будетъ, ибо свобода бездѣлья есть свобода эксплоатаціи чужого труда. Но свобода всякаго полезнаго и, въ особенности, умственнаго труда въ обществѣ будущаго должна не сократиться, а чрезвычайно расшириться.

Соціализмъ отнюдь не задается безумной мыслью подчинить общественной организаціи всѣ виды человѣческаго труда. Только по отношенію къ хозяйственному труду существующая принудительная капиталистическая организація должна быть замѣнена при наступленіи новаго строя такой же общественной организаціей. Но всѣ виды высшаго, творческаго труда должны получить въ будущемъ обществѣ самую широкую свободу, не стѣсненную, какъ теперь, условіями рынка. Было бы нелѣпо регулировать какими-либо внѣшними правилами свободное творчество художника или мыслителя. Какъ и теперь, люди будутъ подъ вліяніемъ непреодолимаго внутренняго влеченія искать истины и красоты. Но, въ отличіе отъ нашего времени, люди не будутъ придавлены къ землѣ хозяйственной нуждой и заботой; они будутъ избавлены отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, отъ постояннаго страха за будущее, который теперь такимъ свинцовымъ гнетомъ тяготѣетъ надъ человѣчествомъ и такъ губительно дѣйствуетъ на творческую работу.

Сокращеніе хозяйственнаго труда само по себѣ равносильно расширенію области свободы. Но можно стремиться къ большему—къ приданію привлекательнаго характера и самому хозяйственному труду. Великой заслугой Фурье является опроверженіе обычнаго мнѣнія, будто всякій хозяйственный трудъ, по самому существу, долженъ быть непріятенъ для человѣка. Таковъ характеръ хозяйственнаго труда въ современномъ обществѣ, — это вѣрно. Трудъ чрезмѣрно продолжительный, въ ужасной гигіенической обстановкѣ, въ результатахъ котораго рабочій нисколько не заинтересованъ, конечно, не можетъ быть пріятенъ. Но при другой обстановкѣ, когда вся изобрѣтательность людей будетъ направлена на то, чтобы увеличить привлекательность труда, хозяйство перестанетъ быть тяжелымъ бременемъ для человѣка, какимъ оно является теперь. И тогда, дѣйствительно, исчезнетъ всякое внѣшнее принужденіе и настанетъ свѣтлое царство полной свободы.

Противопоставленіе соціализма индивидуализму есть одно изъ наиболѣе укоренившихся заблужденій, въ которомъ, къ тому же, повинны всего болѣе сами соціалисты. Этимологически слово соціализмъ, дѣйствительно, естественно противопоставляется слову индивидуализмъ. Слово «соціализмъ» возникло въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, при чемъ творцы его этимъ новымъ терминомъ хотѣли охарактеризовать новое общественное направленіе, выдвигавшее значеніе общественнаго сотрудничества, въ противоположность господствовавшей экономической школѣ, признававшей идеаломъ хозяйственнаго строя неограниченную свободу единоличнаго предпринимательства. Пьеръ Леру утверждалъ,—хотя и безъ достаточныхъ основаній,—что терминъ «соціализмъ» былъ созданъ имъ, въ противоположность понятію «индивидуализма», при чемъ подъ

соціализмомъ онъ понималъ такую общественную организацію, «въ которой индивидуализмъ приносится въ жертву цѣлому, именуемому обществомъ». Противопоставленіе соціализма индивидуализму прочно утвердилось въ литературѣ и въ настоящее время является почти общепринятымъ какъ среди сторонниковъ, такъ и среди противниковъ соціализма.

Съ другой стороны, исторія происхожденія современнаго соціализма указываетъ на совершенно иное соотношеніе между индивидуализмомъ и соціализмомъ. Такъ, англійскій соціализмъ въ лицѣ Оуэна и Томпсона въ своей философской части непосредственно примыкаетъ къ философіи Бентама, одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ и яркихъ выразителей философскаго индивидуализма. Знаменитая книга Томпсона о принципахъ распредѣленія богатства, являющаяся самымъ замѣчательнымъ теоретическимъ продуктомъ англійской соціалистической мысли, представляетъ собой не что иное, какъ систематическое приложеніе къ экономической наукѣ бентамовскаго принципа «наибольшаго счастья». Послѣдователемъ Бентама былъ и учитель Томпсона — Оуэнъ.

Что касается французскаго соціализма, то онъ былъ духовнымъ дѣтищемъ великой революціи. Индивидуалистическое міровоззрѣніе XVIII вѣка, достигшее въ революціи своего громоноснаго практическаго выраженія, окрашиваетъ всѣ работы Морелли, Мабли, Бабефа, Фурье, сенъ-симонистовъ, Кабе, Луи Блана и другихъ представителей соціалистической мысли Франціи.

Шеффле сдѣлалъ какъ-то парадоксальное на первый взглядъ замѣчаніе, что соціализмъ есть не что иное, какъ «доведенный до крайней степени индивидуализмъ». Во всемъ этомъ вопросѣ коренится, очевидно, нѣкоторое недоразумѣніе. Вл. Соловьевъ опредѣляетъ практическій индивидуализмъ, какъ «утвержденіе и отстаиваніе человѣческой индивидуальности противъ различныхъ естественныхъ и историческихъ группъ и учрежденій, могущихъ ее подавлять». Что же такое представляетъ собой историческій соціализмъ — стремленіе къ утвержденію или къ угнетенію человѣческой индивидуальности?

Книга Лоренца Штейна о французскомъ соціализмѣ и коммунизмѣ, вышедшая въ 1842 г., представляетъ собой первую по времени научную характеристику различныхъ направленій французскаго соціализма. Интересно, какъ обосновываетъ Штейнъ соціализмъ. Идея человѣческой личности, — говоритъ онъ,—имѣетъ абсолютный характеръ. Эта идея требуетъ, чтобы каждой человѣческой личности были доступны высшія блага цивилизаціи. Однако, пользованіе этими благами возможно лишь подъ условіемъ обладанія извѣстными матеріальными средствами. Индивидуальное же обладаніе матеріальными средствами имѣетъ, по необходимости, исключительный характеръ: принадлежность вещи одному лицу дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе ею другимъ лицомъ. Слѣдовательно, если матеріальныя средства будутъ находиться въ индивидуальномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ, то возможно, что нѣкоторыя лица не будутъ обладать этими средствами, а слѣдовательно и не будутъ имѣть доступа къ благамъ цивилизаціи, чего требуетъ идея абсолютной личности. Иначе говоря, право частной собственности несовмѣстимо съ идеей абсолютной личности, и, такимъ образомъ, идея личности, естественно, приводитъ къ отрицанію права частной собственности. «Для мыслящаго человѣка возникаетъ задача,—говоритъ Штейнъ, — найти такую форму общества, при которой сохранилось бы личное владѣніе, и все же это владѣніе не становилось бы абсолютнымъ препятствіемъ для полнаго развитія личности. Это и есть общая идея, къ которой стремится соціализмъ, и въ этомъ заключается глубокое значеніе соціализма для внутренней исторіи цивилизаціи». Верховной цѣлью соціализма является, по словамъ Штейна, «законченное развитіе личности».

Итакъ, Штейнъ приходитъ къ заключенію, что соціализмъ есть завершеніе индивидуализма. Великій германскій ученый совершенно правильно разсмотрѣлъ истинную сущность новаго общественнаго ученія, которое выступало столь рѣзкимъ противникомъ экономическаго либерализма. По своимъ средствамъ соціализмъ является антиподомъ экономическаго либерализма. Первые провозвѣстники свободы торговли искренно вѣрили, что экономическая борьба, всеобщее свободное соперничество, есть лучшее средство достигнуть всеобщаго благосостоянія и всесторочняго развитія человѣческой личности. Оптимизмъ Кенэ и Адама Смита, возлагавшихъ такія радужныя надежды на соціальныя послѣдствія экономической свободы, былъ вполнѣ естественнымъ результатомъ соціально-политическихъ условій ихъ эпохи. Подавленная человѣческая личность протестовала противъ гнета, которому она подвергалась со стороны историческаго государства, опиравшагося на насиліе,—и выраженіемъ этого протеста былъ либерализмъ XVIII вѣка, выступившій въ защиту личности подъ знаменемъ политической и экономической свободы.

Но событія очень скоро доказали, что экономическая свобода, свобода частно-хозяйственнаго предпринимательства, не только не равносильна фактической свободѣ личности, а имѣетъ обратный смыслъ—порабощенія труда капиталомъ, иначе говоря, порабощенія огромнаго большинства народа. И вотъ, во имя тѣхъ же цѣлей защиты и утвержденія правъ личности новое ученіе отвергло мнимую капиталистическую свободу и вмѣсто нея развернуло новое знамя—общественной организаціи труда. Средства радикально измѣнились, но цѣли остались тѣ же. И потому, какъ совершенно вѣрно указываетъ Дитцель, либерализмъ и коммунизмъ, по своему идеальному содержанію, находятся въ самомъ тѣсномъ родствѣ. «Либеральная программа школы Смита и физіократовъ,—говоритъ Дитцель,—есть первый продуктъ, въ области соціальной практики, индивидуалистической теоріи права; въ различныхъ коммунистическихъ программахъ отражается та же основная идея, но лишь въ болѣе послѣдовательной формѣ... Либерализмъ—старшій, а коммунизмъ—младшій братъ индивидуалистической теоріи права... Коммунизмъ есть не что иное, какъ продуктъ индивидуализма, его крайнее послѣдствіе въ матеріально-хозяйственной области».

Правда, Дитцель противополагаетъ индивидуалистическій коммунизмъ соціализму, въ которомъ онъ усматриваетъ логическую противоположность индивидуалистическому принципу. Представителемъ такого соціализма онъ считаетъ Родбертуса. Мнѣ кажется попытка Дитцеля найти какой-то особый, не индивидуалистическій соціализмъ совершенно неудавшейся. Соціализмъ Родбертуса содержитъ въ себѣ такіе же индивидуалистическіе элементы, какъ и соціализмъ Маркса. Во всякомъ случаѣ, реальный соціализмъ,—тотъ соціализмъ, который теперь волнуетъ человѣчество и который Дитцель называетъ коммунизмомъ,—вполнѣ индивидуалистиченъ. Съ этомъ согласенъ и Дитцель. «Современный коммунизмъ,—говоритъ онъ,—движущій массы и безпокоящій государственную власть, есть, за малыми исключеніями, не что иное, какъ доведенный до крайности индивидуализмъ».

На то же указываютъ и другіе авторы. «Основная идея, налагающая свой отпечатокъ на всю классическую эпоху отъ Клопштока до Канта,—замѣчаетъ Францъ Штаудингеръ,—это идея разумно самоопредѣляющагося человѣка. Съ этой идеей вся указанная эпоха вступаетъ съ болѣе или менѣе яснымъ сознаніемъ въ принципіальное противорѣчіе съ предшествовавшими періодами феодализма и абсолютизма, связывавшими мысль, волю и дѣятельность человѣка извнѣ обязывающими нормами. Эта основная идея послѣ долгой внѣшней реакціи и глубокаго духовнаго сна вновь становится въ послѣднія десятилѣтія жизненнымъ принципомъ современнаго духовнаго движенія. И она, что бы

противъ этого ни говорили, составляетъ жизненный принципъ и истинный внутренній исходный пунктъ соціализма».

Внутренняя связь индивидуализма съ соціализмомъ сознается и руководящимъ теоретикомъ марксизма—Каутскимъ. «Только капиталистическому способу производства,—говоритъ онъ,—удалось уничтожить въ широкихъ кругахъ населенія стадное начало, превратить индивидуума, «сверхчеловѣка», изъ аристократическаго существа въ болѣе демократическое... Но индивидуализмъ, стремленіе къ свободному развитію своей личности, долженъ стать въ соціалистическомъ обществѣ еще несравненно шире и сильнѣе».

Обычное противопоставленіе индивидуализма соціализму основывается, такимъ образомъ, на чистомъ недоразумѣніи. Отчасти оно находится въ связи съ неопредѣленностью самого понятія индивидуализма. Только въ условномъ смыслѣ личность можетъ быть противопоставляема обществу; все то, что составляетъ реальное содержаніе человѣческой личности, есть продуктъ общества, которое не есть простое скопленіе или сумма личностей, но нѣкоторое высшее единство. Общественность есть необходимое условіе индивидуальной жизни человѣка. Соціализмъ, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ игнорированіи значенія общественнаго элемента въ развитіи человѣческой личности. Для соціалистическаго міровоззрѣнія именно и характерно глубокое пониманіе безпомощности отдѣльнаго человѣка, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ, внѣ связи съ себѣ подобными. Принципъ братства, солидарности людей въ достиженіи ихъ общихъ цѣлей, есть естественное основаніе соціалистической этики.

Въ отличіе отъ существующихъ системъ хозяйства, соціализмъ стремится перенести возможно большую часть хозяйственныхъ заботъ отъ индивидуальнаго человѣка на все общество. Но именно это и равносильно освобожденію личности человѣка, всестороннее развитіе которой составляетъ, съ соціалистической точки зрѣнія, конечную и верховную цѣль общественнаго союза.

ГЛАВА 1.

Эксплоатація трудящихся классовъ нетрудящимися.

Соціализмъ стремится къ уничтоженію какой бы то ни было эксплоатаціи человѣка человѣкомъ и признаетъ первороднымъ грѣхомъ всѣхъ бывшихъ донынѣ системъ хозяйства (кромѣ первобытнаго хозяйства, имѣвшаго отчасти коммунистическій характеръ) эксплоатацію трудящихся классовъ нетрудящимися. Поэтому въ самомъ корнѣ соціалистической критики существующаго капиталистическаго строя лежитъ ученіе объ эксплоатаціи труда собственниками земли и капитала. Въ своемъ историческомъ развитіи названное ученіе прошло двѣ фазы, существенно различающіяся тѣмъ, что въ первомъ своемъ фазисѣ оно не находилось ни въ какой связи съ какой бы то ни было теоріей цѣнности, во второмъ же оно вступило въ самую тѣсную связь съ опредѣленной теоріей цѣнности, а именно—съ трудовой теоріей цѣнности.

I.

Въ первоначальной формѣ ученіе объ эксплоатаціи труда такъ же старо, какъ самъ соціализмъ, или даже еще старше. Достаточно было сколько-нибудь критически отнестись къ окружающему міру, чтобы замѣтить бросающійся въ глаза фактъ распаденія современнаго общества на богатыхъ, избавленныхъ отъ всякаго труда, и неимущихъ рабочихъ. Не менѣе было очевидно, что богатство однихъ, равно какъ и бѣдность другихъ, суть послѣдствія исторически

сложившагося соціальнаго строя, но отнюдь не личныхъ достоинствъ, заслугъ или недостатковъ представителей того или иного общественнаго класса. Случайность рожденія въ средѣ даннаго класса помѣщаетъ одного на вершину общественной лѣстницы и даетъ ему возможность жить въ полномъ довольствѣ, безъ личнаго труда, а другого обрекаетъ на существованіе голоднаго или полуголоднаго рабочаго. А такъ какъ для созданія богатства необходимо приложеніе человѣческаго труда, то ясно, что богатство праздныхъ классовъ покупается цѣной усиленнаго труда рабочихъ классовъ. Противорѣчіе такого порядка вещей съ правосознаніемъ, признающимъ принципъ равенства всѣхъ людей, не менѣе очевидно. И, такимъ образомъ, естественно получается выводъ, что существующая система хозяйства безповоротно осуждается нашимъ моральнымъ сознаніемъ, что въ самомъ корнѣ ея заложено неустранимое противорѣчіе съ идеей равенства,—иными словами, что принципъ равенства требуетъ измѣненія существующаго строя хозяйства.

Всѣ эти соображенія такъ просты и естественны, что для формулированія ихъ не требовалось никакой теоретической дисциплины мысли. И, дѣйствительно, они высказывались разными лицами и по разнымъ поводамъ задолго до того, какъ соціализмъ сложился въ законченную научную систему. Вотъ, напр., какъ ярко и опредѣленно выразилъ это ученіе англійскій францисканскій монахъ Джонъ Болль, одинъ изъ вождей лоллардовъ—коммунистической секты, принявшій участіе въ великомъ англійскомъ крестьянскомъ возстаніи XIV вѣка. „Друзья мои,—говорилъ Болль въ одной изъ своихъ проповѣдей,—положеніе въ Англіи не улучшится до тѣхъ поръ, пока все не станетъ общимъ, пока не исчезнутъ господа и слуги, пока мы не станемъ всѣ равны и господа не перестанутъ составлять для насъ что-то высшее. Какъ обращаются они съ нами? Почему они держатъ насъ въ рабствѣ? Мы всѣ происходимъ отъ тѣхъ же предковъ, отъ Адама и Евы. Чѣмъ могутъ наши господа доказать, что они лучше насъ? Быть можетъ, тѣмъ, что мы зарабатываемъ и трудимся, а они только ѣдятъ и пьютъ? Они одѣваются въ бархатъ, шелкъ и мѣха, а мы—въ грубый холстъ. Ихъ участь—праздность въ роскошныхъ замкахъ, наша—тягостный трудъ въ полѣ, среди вѣтра и дождя,—и, однако, вся пышность ихъ жизни создается нашимъ трудомъ“.

Въ этомъ взрывѣ негодованія противъ бьющей въ глаза соціальной несправедливости съ полной ясностью выражено все то, что и понынѣ составляетъ основную идею соціалистической критики капиталистическаго строя. Идея эта получала въ разное время различную форму, но суть ея оставалась одна и та же. Было бы излишне перечислять всѣхъ авторовъ, выражавшихъ ее съ большей или меньшей опредѣленностью. Въ XVIII вѣкѣ указаніе на несправедливость нетрудового дохода было весьма обычнымъ. Съ большой силой формулировалъ теорію эксплоатаціи труда Ленге въ своей книгѣ „Théorie des lois civiles“ (1767). Онъ указываетъ, что богатые завладѣли всѣми средствами производства. «Истинная сущность общественнаго устройства заключается въ освобожденіи богатыхъ отъ труда. Благодаря этому богатый получаетъ новые органы, принимающіе на себя всѣ утомительныя работы, плоды которыхъ онъ присваиваетъ. Рабство позволяло богатому безъ нужды достигать этой цѣли. Когда рабство было отмѣнено, богатство и его преимущества остались во всей ихъ силѣ. И все осталось въ прежнемъ видѣ, перемѣнилось только имя. Попрежнему большая часть людей принуждена жить въ зависимости отъ небольшой кучки, присваивающей себѣ всѣ плоды труда... Цѣпи рабовъ и наемныхъ рабочихъ сдѣланы изъ одного матеріала, только выкрашены онѣ въ разную краску. Цѣпи рабовъ чернаго цвѣта и кажутся тяжелыми; цѣпи наемныхъ рабочихъ болѣе свѣтлаго цвѣта и кажутся легче; но взвѣсьте ихъ безпристрастно, и вы убѣдитесь, что въ вѣсѣ ихъ нѣтъ никакой разницы“.

Весьма систематично разработана теорія эксплоатаціи труда сенъ-симо-

нистами и, въ особенности, теперь мало извѣстнымъ, но выдѣлявшимся среди всѣхъ современныхъ ему соціалистовъ ясностью и силой мысли Пекеромъ.

Въ рукахъ сенъ-симонистовъ ученіе объ эксплоатаціи труда принимаетъ форму грандіознаго историко-философскаго построенія. Во всѣхъ исторически смѣнявшихъ другъ друга системахъ хозяйства сенъ-симонисты находятъ одну общую черту, одинъ общій признакъ—эксплоатацію человѣка человѣкомъ и, какъ слѣдствіе этого, неустранимый антагонизмъ интересовъ. У наиболѣе первобытныхъ племенъ плѣнникъ прямо убивается: здѣсь антагонизмъ побѣдителя и побѣжденнаго, сильнаго и слабаго, выступаетъ въ своей самой грубой формѣ. Затѣмъ грубость формы смягчается, но антагонизмъ интересовъ и эксплоатація человѣка человѣкомъ остается. Плѣнника уже не убиваютъ, но обращаютъ въ рабство. Затѣмъ слѣдуетъ крѣпостное состояніе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ эксплоатація рабочаго собственникомъ такъ очевидна, что не можетъ не сознаваться обѣими заинтересованными сторонами. „Но эксплоатація человѣка человѣкомъ,—читаемъ въ главномъ трудѣ сенъ-симонистовъ „Exposition de la doctrine Saint-Simonienne“, которая въ прошломъ выступала въ наиболѣе прямой, наиболѣе грубой формѣ, рабствѣ, продолжается въ высокой степени и въ отношеніяхъ собственниковъ къ рабочимъ, хозяевъ къ слугамъ: конечно, относительное положеніе этихъ обоихъ классовъ въ наше время далеко не таково, каковымъ было въ прежнее время относительное положеніе рабовладѣльцевъ и рабовъ, патриціевъ и плебеевъ, сеньоровъ и крѣпостныхъ. Съ перваго взгляда можно даже подумать, что между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго; однако, въ дѣйствительности, первое есть продолженіе второго. Взаимныя отношенія хозяина и наемнаго рабочаго представляютъ собой послѣднее преобразованіе рабства. Если эксплоатація человѣка человѣкомъ и не имѣетъ нынѣ того грубаго характера, какой она имѣла въ древности, если она и стала мягче по формѣ, то отъ этого она не стала менѣе дѣйствительной. Рабочій болѣе не составляетъ, подобно рабу, простой собственности хозяина; его экономическое положеніе, имѣющее временный характеръ, устанавливается свободнымъ договоромъ между нимъ и хозяиномъ: но этотъ договоръ есть ли дѣйствительно свободный актъ со стороны рабочаго? Несомнѣнно, нѣтъ, ибо рабочій принужденъ соглашаться на него подъ угрозой голодной смерти, не имѣя другихъ источниковъ пропитанія, кромѣ ежедневной работы“.

Въ области политическихъ правъ уже давно признано, что всѣ привилегіи рожденія несовмѣстимы съ господствующими нравственными и правовыми идеями. Но самая важная соціальная привилегія—привилегія богатства—сохраняетъ свой прежній характеръ и попрежнему присваивается человѣку въ силу его рожденія. Наслѣдственности богатства естественно противостоитъ наслѣдственность бѣдности—существованіе въ современномъ обществѣ класса прирожденныхъ пролетаріевъ. «Въ настоящее время масса рабочихъ эксплоатируется людьми, собственность которыхъ оплодотворяется трудомъ рабочихъ; даже предприниматели являются предметомъ эксплоатаціи въ своихъ отношеніяхъ къ собственникамъ, но въ несравненно болѣе слабой степени, и, въ свою очередь, они участвуютъ въ привилегіи эксплоатаціи, падающей всей своей тяжестью на рабочій классъ, т. е. на огромное большинство работающихъ людей. При такомъ положеніи дѣла рабочій можетъ считаться прямымъ потомкомъ раба и крѣпостного; его личность свободна, онъ не прикрѣпленъ болѣе къ землѣ, но въ этомъ и весь его выигрышъ, ибо, освободившись юридически, онъ не получилъ возможности существовать иначе, какъ на условіяхъ, предписываемыхъ ему немногочисленнымъ классомъ людей, которымъ законодательство, возникшее изъ права завоеванія, даровало монополію богатства, т. е. право распоряжаться по своему усмотрѣнію, даже пребывая въ праздности, орудіями труда».

Всѣ революціи, бывшія донынѣ, имѣли своей цѣлью ослабить эксплоатацію

человѣка человѣкомъ. Въ настоящее же время могла бы вызвать энтузіазмъ въ людяхъ только такая революція, которая окончательно и навсегда покончила бы со всѣми формами эксплоатаціи.

Въ чемъ же она должна состоять? Въ коренномъ преобразованіи права собственности, «ибо собственность есть основа политическаго строя»; эксплоатація человѣка человѣкомъ непосредственно вытекаетъ изъ права частной собственности. Въ силу этого права всякій собственникъ можетъ передавать по наслѣдству своимъ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, имущество, которымъ онъ владѣетъ. Одни родятся, благодаря этому, богатыми, другіе—бѣдными, а такъ какъ богатые живутъ трудами бѣдныхъ, то, слѣдовательно, самое право частной собственности порождаетъ эксплоатацію труда. Всѣ различныя формы дохода, вытекающія изъ права частной собственности, какъ бы онѣ ни назвались—ссуднымъ процентомъ, прибылью на капиталъ, арендной или наемной платой,—суть не что иное «какъ дань, которую трудъ платитъ праздности».

Еще болѣе систематическое развитіе тѣ же мысли получили въ великомъ трудѣ Пекера «Théorie nouvelle d'économie sociale» (1842). Отправнымъ пунктомъ всѣхъ разсужденій Пекера является идея равенства. Но онъ всего менѣе повиненъ въ смѣшеніи субъективно-этической и объективно-научной точки зрѣнія. Идея равенства всѣхъ людей является путеводной звѣздой его этически-правовыхъ построеній, но не мѣшаетъ ему быть самымъ строгимъ реалистомъ въ дѣлѣ изученія причинныхъ отношеній и зависимостей соціальнаго міра. «Всякое матеріальное богатство,—говоритъ Пекеръ,—предполагаетъ два условія, есть продуктъ двухъ соединенныхъ элементовъ: труда и матеріала для труда.. Каждый изъ этихъ элементовъ богатства безсиленъ безъ помощи другого и совершенно неспособенъ къ созданію богатства. Потенціальный трудъ не можетъ поддерживать жизни человѣка. Для дѣйствительной работы человѣкъ долженъ располагать извѣстнымъ количествомъ матеріи, къ которой онъ прилагаетъ свою полезную дѣятельность. Точно такъ же и матеріалъ для труда не можетъ превратиться безъ помощи труда въ богатство». Продукты, создаваемые дѣятельностью человѣка, приложенной къ матеріи, распадаются на двѣ группы: одни идутъ на потребленіе человѣка, другіе – на дальнѣйшее производство, образуя, на ряду съ первичнымъ матеріаломъ труда, вторичный матеріалъ труда (капиталъ). «Но при существующемъ положеніи вещей множество людей не располагаетъ матеріаломъ для труда на основаніи того же права, на какомъ располагаютъ имъ другіе, или же располагаетъ имъ лишь съ согласія себѣ подобныхъ и можетъ быть потому совершенно лишено необходимаго матеріала труда. Отсюда слѣдуетъ, что богатство не получается въ равной мѣрѣ, на тѣхъ же условіяхъ, всѣми людьми; что многіе изъ нихъ находятся въ полной зависимости отъ другихъ, поскольку дѣло идетъ о второмъ элементѣ всякаго богатства, о матеріалѣ для труда». Это основное экономическое неравенство есть источникъ «всевозможнаго неравенства, неравенства благосостоянія, просвѣщенія, моральнаго, интеллектуальнаго и физическаго развитія, неравенства, замѣчаемаго въ самыхъ передовыхъ обществахъ, въ которыхъ легальное и прямое порабощеніе личности упразднено».

Лица, лишенныя средствъ производства, не могутъ существовать иначе, какъ отдавая за извѣстную плату свой трудъ въ распоряженіе владѣльцевъ средствъ производства или же получая отъ нихъ средства производства въ свое распоряженіе подъ условіемъ уплаты собственникамъ извѣстной платы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ собственники средствъ производства извлекаютъ изъ своей собственности опредѣленный доходъ, который уплачивается дѣйствительными производителями—рабочими. Но получать или уплачивать этотъ доходъ—значитъ «или заставлять другого работать вмѣсто себя, или самому работать вмѣсто другого,—въ чемъ и заключается роковой гор-

діевъ узелъ политической экономіи... Все сводится къ двумъ отношеніямъ — отдавать въ наемъ свой трудъ или же свой матеріалъ для труда; но какая разница между этими двумя родами отдачи въ наемъ! Отдавать въ наемъ свой трудъ—это значитъ утверждать свое рабство; отдавать же въ наемъ свой матеріалъ для труда—это значитъ утверждать свою свободу. Ибо трудъ человѣка есть самъ человѣкъ. Матеріалъ же для труда не образуетъ собой части человѣка и, тѣмъ не менѣе, въ указанномъ актѣ отдачи въ наемъ играетъ такую же роль, какъ трудъ человѣка, ибо человѣкъ, владѣющій матеріаломъ для труда, въ силу закона получаетъ свою долю въ создаваемомъ богатствѣ, какъ если бы онъ самъ лично принималъ участіе въ трудѣ производства».

Благодаря этому «въ великомъ процессѣ производства богатства люди замѣщаютъ свой трудъ чужимъ и обогащаются, не работая лично. Достаточно имѣть для этого матеріалъ для труда. Такимъ образомъ, матеріалъ для труда, который, самъ по себѣ, безъ помощи труда, не способенъ создать никакого богатства, пріобрѣтаетъ волшебную способность давать доходъ своему владѣльцу, какъ если бы этотъ послѣдній вкладывалъ свой собственный трудъ. Но трудъ вмѣсто другого и въ пользу другого есть источникъ всѣхъ бѣдствій, всѣхъ лишеній неимущаго человѣка».

Частная собственность на средства производства есть истинный корень нищеты массы населенія. Кто съ этимъ несогласенъ, тому можно предложить простые вопросы. «Рабочіе и вообще пролетарія, потому ли они въ бѣдственномъ положеніи, что они лишены собственности, да или нѣтъ? Потому ли они невѣжественны, несвободны, грубы и некультурны, изнурены и болѣзненны, угнетены и несчастны, что они не имѣютъ на свою долю средствъ производства и не обладаютъ властью, подобно собственникамъ, распоряжаться средствами производства въ своихъ интересахъ? Да или нѣтъ? Не принуждены ли они работать ежедневно двѣнадцать, шестнадцать и восемнадцать часовъ для поддержанія жизни своей и своей семьи, какъ бы она многочисленна ни была, между тѣмъ какъ другіе живутъ въ избыткѣ, никогда сами не работая; и это различіе не зависитъ ли отъ того, что семья пролетарія устранена отъ свободнаго пользованія средствами производства, между тѣмъ какъ семья собственника монополизируетъ всю ту долю средствъ производства, которая соотвѣтствуетъ потребляемому ими богатству?.. Собственники потому ли они богаты, цивилизованы, культурны, воспитаны, наслаждаются хорошимъ здоровьемъ и относительнымъ счастьемъ, что они обладаютъ средствами производства, иначе говоря, внѣшними условіями созданія полезныхъ вещей; потому, что они получаютъ ренту, т. е. потому, что тысячи подобныхъ имъ принуждены господствующимъ хозяйственнымъ устройствомъ работать въ пользу ихъ?»

На всѣ эти вопросы единственно возможный отвѣтъ утвердительный. Такимъ образомъ, Пекеръ приходитъ къ выводу, что причина существующаго неравенства и бѣдности большинства коренится не въ чемъ иномъ, какъ въ частной собственности на средства производства, приводящей къ эксплоатаціи рабочихъ владѣльцами средствъ производства. Но весьма характерно для Пекера, что, отрицая самымъ категорическимъ образомъ правомѣрность какихъ бы то ни было формъ нетрудового дохода и даже какого бы то ни было различія въ оплатѣ различныхъ родовъ труда (въ зависимости отъ различія ихъ производительности), онъ отнюдь не стоитъ на почвѣ абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Не только въ настоящее время цѣнность продуктовъ далеко не опредѣляется исключительно трудомъ производства, но и въ будущемъ идеальномъ государствѣ, планъ котораго Пекеръ набрасываетъ съ удивительной ясностью и отчетливостью, съ поразительнымъ проникновеніемъ во всѣ детали общественнаго устройства, трудъ не можетъ и не долженъ быть

единственнымъ опредѣлителемъ цѣнности. «Такъ какъ спросъ на извѣстные предметы можетъ далеко превосходить возможность ихъ производства и такъ какъ принципъ равенства и свободы не позволяетъ оказывать какое бы то ни было предпочтеніе нѣкоторымъ изъ потребителей извѣстнаго рода продуктовъ, которыхъ не хватаетъ на всѣхъ желающихъ, то власть, руководящая распредѣленіемъ продуктовъ этого рода, должна руководствоваться правиломъ, что цѣна такихъ продуктовъ должна опредѣляться соотношеніемъ спроса и предложенія, потребностей и возможности производства».

Цѣнность, создаваемая рабочими, по самому своему существу должна быть строго отличаема отъ труда, затрачиваемаго на производство, ибо при одинаковой затратѣ труда полезность, создаваемая трудомъ различной производительности, различна. Въ будущемъ государствѣ Пекера всѣ роды труда вознаграждаются одинаково. «Не говорите,— восклицаетъ онъ,—что продуктъ болѣе талантливаго рабочаго вамъ нравится больше и потому имѣетъ для васъ большую цѣнность; дѣло не въ томъ, какова для васъ цѣнность этого продукта, а какова для меня цѣнность вложеннаго мною труда. Я знаю, что я вложилъ въ продуктъ одинаковое количество пота и усилій, какъ и ты, и что я равенъ тебѣ; мы оба знаемъ, что соціальный законъ долженъ дѣйствовать по отношенію ко мнѣ и тебѣ на основаніи принципа самаго строгаго равенства. И потому часъ моего труда стоитъ часа вашего, если наша добрая воля одинакова». Всѣ люди равноцѣнны, и потому равныя усилія каждаго изъ нихъ должны быть признаны равноцѣнными по отношенію къ вознагражденію, которое эти люди имѣютъ право требовать отъ общества; но полезность этихъ усилій для общества, цѣнность, извлекаемая обществомъ изъ этихъ усилій, различна, ибо цѣнность трудового продукта опредѣляется не трудомъ, который человѣкъ вложилъ въ продуктъ, а пользой, которую общество извлекаетъ изъ этого продукта.

Въ работахъ сенъ-симонистовъ и Пекера ученіе объ эксплоатаціи труда достигло полной ясности. Легко замѣтить, что оно заключаетъ въ себѣ два различныхъ элемента: съ одной стороны, оно опирается на реальные факты общественной жизни и является строго логическимъ обобщеніемъ причинныхъ отношеній объективнаго соціальнаго міра; съ другой же стороны, въ немъ присутствуютъ субъективные, этически-правовые моменты, логически вполнѣ независимые отъ элементовъ перваго рода и по своей природѣ принадлежащіе къ совершенно иному логическому порядку. Чрезвычайно важно не смѣшивать оба эти элемента, такъ какъ только путемъ строгаго различія ихъ возможно достигнуть дѣйствительно научнаго построенія теоріи соціализма, къ чему стремится, но далеко не всегда успѣшно, марксизмъ.

Что касается моментовъ перваго рода, образующихъ собой объективно-научную часть ученія, то ихъ соотвѣтствіе объективной истинѣ не можетъ возбуждать сомнѣнія. Существованіе въ современномъ обществѣ работающихъ и неработающихъ классовъ есть объективный фактъ; такъ же фактически вѣрно, что неработающіе классы могутъ существовать и получать доходъ лишь благодаря тому, что рабочіе вынуждены отсутствіемъ у нихъ средствъ производства и существованія работать въ пользу неработающихъ классовъ. Причинная зависимость между трудомъ рабочихъ классовъ и полученіемъ доходовъ неработающими классами доказывается тѣмъ, что при прекращеніи труда первыхъ прекращаются и доходы вторыхъ. Слѣдовательно, нетрудовой доходъ богатыхъ есть слѣдствіе труда бѣдныхъ.

Не менѣе очевидно, что всѣ эти соображенія совершенно въ одинаковой мѣрѣ приложимы ко всѣмъ многообразнымъ видамъ и формамъ, въ которыхъ нетрудовой доходъ появлялся въ исторіи. Несмотря на полную противоположность, по юридической формѣ, отношеній рабовладѣльца къ рабу и капиталиста къ наемному рабочему, отношенія эти вполнѣ тождественны съ

разсматриваемой стороны. Доходъ капиталиста точно такъ же, какъ и доходъ рабовладѣльца, получается имъ лишь въ силу внѣшней необходимости для рабочаго работать не на себя, а на другое чуждое ему лицо. Правда, при рабовладѣніи эта внѣшняя необходимость является въ видѣ непосредственнаго внѣшняго, физическаго насилія—плети; а при капиталистическомъ наймѣ мѣсто физическаго насилія заступаетъ экономическое насиліе—угроза голодной смерти. Но внѣшнее насиліе отъ этого не перестаетъ быть внѣшнимъ насиліемъ.

Итакъ, въ своей объективно-научной части разсматриваемое ученіе можетъ требовать дополненій, но ни въ какихъ поправкахъ или измѣненіяхъ не нуждается. Въ этой части оно—сама истина, отъ которой можно отворачиваться, но не видѣть ея, если посмотрѣть ей прямо въ лицо, нельзя. И хотя теорія эксплоатаціи труда далеко не пользуется всеобщимъ признаніемъ среди ученыхъ,—все же она является наиболѣе прочнымъ достояніемъ общественной науки нашего времени. И лишь могущественная сила враждебныхъ классовыхъ интересовъ заставляетъ буржуазныхъ ученыхъ игнорировать ее.

Но кромѣ этой объективной научной своей части разсматриваемое ученіе содержитъ въ себѣ субъективные, этическіе моменты. Послѣдніе неизбѣжно должны входить въ его составъ уже по одному тому, что самое понятіе эксплоатаціи труда имѣетъ этическій характеръ. Понятіе это, какъ сказано, лежитъ въ корнѣ всей соціалистической критики существующаго строя. Поэтому полная ясность его существенно необходима для пониманія сущности соціализма.

Понятіе эксплоатаціи чего-либо въ широкомъ смыслѣ совершенно равнозначуще понятію использованія этого самаго въ опредѣленныхъ внѣшнихъ цѣляхъ. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ объ эксплоатаціи почвы, желѣзной дороги, нагрѣвательной силы топлива и т. п. Само собою разумѣется, что понятіе эксплоатаціи не заключаетъ въ себѣ въ этомъ случаѣ никакихъ этическихъ элементовъ; однако, не подлежитъ сомнѣнію, что совершенно опредѣленное моральное осужденіе неразрывно связано съ понятіемъ эксплоатаціи человѣка человѣкомъ.

Подъ эксплоатаціей человѣка человѣкомъ мы понимаемъ точно такъ же использованіе личности человѣка въ опредѣленныхъ внѣшнихъ для нея цѣляхъ въ ущербъ ея интересамъ. Такое использованіе осуждается нашимъ моральнымъ сознаніемъ. Почему же? Очевидно, потому, мы признаемъ личность человѣка священной и верховной цѣлью въ себѣ; потому, что человѣкъ никогда не долженъ служить въ чьихъ-либо рукахъ средствомъ для чего-либо, для себя посторонняго. Идея равенства, равноцѣнности человѣческой личности лежитъ въ основѣ понятія эксплоатаціи человѣка человѣкомъ.

Теорія эксплоатаціи труда доказываетъ, что при современномъ устройствѣ общества цѣлые классы населенія—и при томъ составляющіе огромное большинство его—обречены постоянно служить средствомъ для увеличенія благосостоянія другихъ общественныхъ классовъ, несравненно менѣе многочисленныхъ. Такое положеніе вещей противорѣчитъ этической идеѣ равноцѣнности человѣческой личности.

Идея равноцѣнности человѣческой личности составляетъ, такимъ образомъ, неустранимый этическій элементъ теоріи эксплоатаціи труда. Античному міру идея эта была вообще чужда; и потому самые возвышенные философы древности не усматривали въ институтѣ рабства ничего позорнаго и непріемлемаго морально. Въ этомъ смыслѣ весьма поучительно сравненіе соціальнаго идеала Платона съ современнымъ соціалистическимъ идеаломъ. Нерѣдко считаютъ Платона первымъ провозвѣстникомъ соціализма нашихъ дней. Но это—глубокая ошибка. Правда, великій философъ древности требовалъ въ своемъ государствѣ будущаго уничтоженія частной собственности, но лишь для одного

правящаго класса общества. Въ этомъ отношеніи государство Платона представляетъ собою современное государство наоборотъ: теперь правящіе классы богаты и обладаютъ собственностью, а подчиненные классы лишены ея; Платонъ же хотѣлъ, чтобы правящіе классы были бѣдны и лишены собственности, а подчиненные богаты и обладали собственностью. Уничтоженіе частной собственности было для творца идеалистической философіи средствомъ сдѣлать изъ правящаго класса, воиновъ, самыхъ совершенныхъ защитниковъ отечества, убить въ нихъ всѣ своекорыстные чувства, побужденія и интересы, превративъ ихъ въ подобіе «тощихъ, благородныхъ собакъ—оберегателей стада». Но всѣ остальные классы населенія, кромѣ воиновъ и правителей, сохраняютъ въ государствѣ Платона частную собственность; сохраняется въ немъ и эксплоатація человѣка человѣкомъ, вплоть до самой грубой ея формы—рабства: только эллины не должны быть обращаемы въ рабство, что же касается варваровъ, то обращеніе ихъ въ рабство кажется Платону естественнымъ удѣломъ побѣжденныхъ. Государство Платона имѣетъ вполнѣ аристократическій характеръ и этимъ, какъ небо отъ земли, отличается отъ идеала современнаго соціализма.

Отнимите отъ теоріи эксплоатаціи труда этическую идею равноцѣнности личности, и вся теорія утратитъ свое практическое значеніе. Конечно, никому не придетъ въ голову отрицать, что однимъ изъ условій богатства праздныхъ классовъ является трудъ неимущихъ. Но усматривать въ этомъ какую-либо несправедливость можно лишь въ томъ случаѣ, если признавать равноцѣнность тѣхъ и другихъ, если видѣть въ рабочемъ такого же человѣка, какъ и въ его хозяинѣ.

Однако, наличность этическаго элемента въ ученіи объ эксплоатаціи труда отнюдь не уменьшаетъ силы и значенія этого ученія. Наоборотъ, именно въ силу этого разсматриваемое ученіе пріобрѣтаетъ свой центральный характеръ для всего теоретическаго построенія соціализма. Ибо соціализмъ есть не только наука, но и идеалъ, не только анализъ существующей соціальной системы, но и призывъ къ соціальному творчеству, не только сѣрая теорія, но и живая практика. Этотъ двойственный характеръ неизбѣженъ во всякомъ соціальномъ ученіи, которое преслѣдуетъ практическія, а, слѣдовательно, и этическія цѣли и не замыкается въ кругъ безстрастной объективной науки. Важно только то, чтобы этическія идеи, привносимыя нами въ соціальную науку, во-первыхъ, ясно сознавались нами, какъ таковыя (т. е., чтобы мы не приписывали имъ несвойственнаго имъ значенія выраженія объективной дѣйствительности), и, во-вторыхъ, были общеобязательны, т. е. представляли собой не наши субъективныя и произвольныя построенія, но неизбѣжный выводъ нормальнаго нравственнаго сознанія, обязательнаго для каждаго нормальнаго человѣка. И этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ основная этическая идея ученія объ эксплоатаціи труда, ибо идея равноцѣнности человѣческой личности представляетъ собой, какъ доказалъ Кантъ, общеобязательный постулатъ нашего практическаго разума.

II.

Въ разсмотрѣнной формѣ ученіе объ эксплоатаціи труда было лишено связи съ какой бы то ни было теоріей цѣнности. Проблема цѣнности есть центральная проблема экономической науки. Надъ разрѣшеніемъ этой проблемы сосредоточивались усилія руководящихъ экономическихъ мыслителей съ самаго начала того времени, когда экономическая мысль стала складываться въ научную систему. И вполнѣ понятно, что при первыхъ же попыткахъ обобщить основные моменты цѣнности, экономисты должны были признать огромное

вліяніе на цѣнность товаровъ труда производства. Подъ флагомъ трудовой теоріи цѣнности политическая экономія одержала свои первыя побѣды. Адамъ Смитъ считается однимъ изъ создателей этой теоріи (хотя, въ дѣйствительности, онъ былъ и въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, эклектикомъ и лишь съ большими ограниченіями примыкалъ къ названной теоріи). Зато не подлежитъ сомнѣнію, что величайшій теоретикъ политической экономіи— Рикардо—твердо стоялъ на почвѣ трудовой теоріи цѣнности и исходилъ изъ нея во всѣхъ своихъ построеніяхъ. Правда, геніальный экономистъ отнюдь не раздѣлялъ мнѣнія, будто трудъ есть единственный опредѣляющій моментъ цѣнности; но по соображеніямъ методологическаго свойства онъ находилъ удобнымъ отправляться именно отъ этого допущенія, какъ если бы оно вполнѣ соотвѣтствовало объективной экономической дѣйствительности.

Между тѣмъ, легко понять, какіе соціальные выводы съ логической неизбѣжностью вытекаютъ изъ трудовой теоріи цѣнности въ ея наиболѣе строгой и послѣдовательной, абсолютной формѣ. Если цѣнность всецѣло создается трудомъ, значитъ цѣнность, поступающая въ доходъ собственниковъ земли и капитала, есть вычетъ изъ цѣнности, созданной рабочими, занятыми производствомъ. Теорія эксплоатаціи труда получила, такимъ образомъ, характеръ логическаго вывода изъ общепризнанной въ наукѣ теоріи цѣнности, и при томъ,—что особенно важно,—изъ теоріи, выдвинутой и разработанной именно сторонниками существующаго, капиталистическаго строя. Дѣло получало такой видъ, какъ будто враги соціализма безсознательно для себя сами дали въ руки соціалистовъ несокрушимое теоретическое оружіе для борьбы съ существующимъ хозяйственнымъ строемъ. Въ борьбѣ за новый идеалъ борцамъ приходится напрягать всѣ усилія ума и воли, чтобы сломить твердыню существующаго, опирающуюся не только на классовые интересы господствующихъ классовъ, но и на искреннее убѣжденіе множества людей въ правомѣрности и справедливости господствующихъ общественныхъ отношеній. Борьба съ предразсудками— а въ данномъ случаѣ имѣется несомнѣнный предразсудокъ—всего труднѣе; неудивительно, что теоретики соціализма поспѣшили воспользоваться выгоднымъ положеніемъ, которое было создано для нихъ буржуазной наукой, и съ чрезвычайной энергіей стали бить врага его же оружіемъ.

Вскорѣ вслѣдъ за выходомъ въ свѣтъ великаго творенія Рикардо стали появляться и попытки соціалистически использовать развитую имъ теорію цѣнности. Среди этихъ попытокъ выдѣляется книга Вилльяма Томпсона «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth most conductive to Human Happiness» (первое изд. 1824 г.), въ которой содержатся самые существенные элементы той теоріи нетрудового дохода, которая впослѣдствіи подъ названіемъ теоріи прибавочной цѣнности получила въ трудахъ Маркса такую громкую извѣстность и такое широкое распространеніе.

Исходнымъ пунктомъ всего изслѣдованія Томпсона является положеніе, что «трудъ есть естественный элементъ, превращающій предметы нашего желанія въ богатство. Простая полезность предмета, какъ бы она ни была велика, еще не дѣлаетъ предмета богатствомъ, пока трудъ въ той или иной формѣ не соединится съ предметомъ. Только въ этомъ случаѣ предметъ выдѣляется среди всѣхъ другихъ предметовъ нашего желанія, среди всѣхъ другихъ источниковъ счастья, и становится богатствомъ».

Въ современномъ обществѣ рабочій не владѣетъ средствами производства, которыя принадлежатъ лицамъ, не участвующимъ въ трудѣ производства. Рабочій, желающій заняться производительнымъ трудомъ, долженъ заимствовать средства производства у владѣльцевъ послѣднихъ. Но чѣмъ можетъ заплатить рабочій за пользованіе средствами производства? Очевидно, не чѣмъ инымъ, какъ частью своего же труда. «И доля его труда, уплачиваемая за

пользованіе предметами, необходимыми для производства, ихъ владѣльцу, капиталисту,—замѣчаетъ Томпсонъ,—обыкновенно такъ велика, что значительно большая часть продуктовъ труда рабочаго изъемлется изъ его распоряженія и потребляется тѣми, участіе которыхъ въ производствѣ выразилось лишь въ томъ, что они накопили въ своихъ рукахъ названные предметы и ссудили ихъ дѣйствительному производителю. Праздный собственникъ этихъ средствъ производства пріобрѣтаетъ благодаря обладанію ими не только столько же наслажденія, какъ и самый трудолюбивый и искусный дѣйствительный производитель, но, въ зависимости отъ размѣровъ своего накопленія, каковъ бы ни былъ его источникъ, онъ обезпечиваетъ себѣ изъ произведеннаго трудомъ богатства несравненно больше, чѣмъ можетъ получить дѣйствительный производитель при помощи самаго напряженнаго труда».

Такіе вычеты изъ цѣнности, произведенной рабочимъ, въ пользу владѣльца средствъ производства, достигаютъ въ разныхъ странахъ и въ разное время различной высоты; но Томпсонъ полагаетъ, что, по крайней мѣрѣ, половины своего трудового продукта производитель лишается даже тамъ, гдѣ капиталъ имѣется въ наибольшемъ изобиліи. И Томпсонъ подробно перечисляетъ, во чью пользу и на что идутъ вычеты изъ трудового продукта рабочаго.

Такъ, рабочій долженъ прежде всего заплатить за свое жилище. Въ пользу домовладѣльца онъ уступаетъ часть своего трудового продукта; затѣмъ предъявляетъ ему свои требованія предприниматель, которому принадлежитъ рабочее помѣщеніе, сырой матеріалъ, орудія труда и который уплачиваетъ рабочему заработную плату. На весь этотъ израсходованный капиталъ капиталистъ требуетъ прибыли. Эта прибыль не можетъ имѣть другого источника, кромѣ той цѣнности, которую трудъ, оплодотворенный искусствомъ, прибавилъ къ необработанному матеріалу. Сырой матеріалъ, постройки, инструменты и заработная плата не могутъ сами по себѣ ничего прибавить къ своей цѣнности. Приростъ цѣнности создается только трудомъ.

На это можно возразить, что рабочій не могъ бы ничего произвести безъ помощи инструментовъ, сырого матеріала и т. д., и что рабочій долженъ оплатить полезное дѣйствіе капитала. Совершенно вѣрно, но въ чемъ должна заключаться эта оплата? Съ точки зрѣнія рабочаго —въ отчисленіи изъ полученнаго продукта всей той цѣнности, которая требуется для возстановленія израсходованной части капитала и для оплаты труда собственника средствъ производства въ такой же мѣрѣ, какъ и всякаго рабочаго, поскольку собственникъ съ своей стороны затрачивалъ полезный трудъ. Но капиталистъ требуетъ въ свою пользу «всю прибавочную цѣнность»,—весь приростъ цѣнности, остающійся за покрытіемъ всѣхъ необходимыхъ расходовъ производства. Изъ-за прибавочной цѣнности идетъ борьба между капиталистомъ и рабочимъ. Борьба эта разрѣшается тѣмъ, что капиталистъ присваиваетъ себѣ большую часть прибавочной цѣнности, лишь небольшая доля которой остается въ рукахъ рабочихъ. Борьба эта продолжается въ теченіе всей исторіи, и прогрессъ исторіи заключается въ томъ, что рабочему удается отстоять въ свою пользу все большую часть цѣнности своего трудового продукта.

Послѣ Томпсона представленіе о прибыли и землевладѣльческой рентѣ, какъ о доляхъ трудовой цѣнности, присваиваемыхъ капиталистами и землевладѣльцами, стало обычнымъ въ англійской соціалистической литературѣ, а вслѣдъ затѣмъ и на континентѣ. Теорія эксплоатаціи труда вступила, такимъ образомъ, въ самую тѣсную связь съ трудовой теоріей цѣнности и стала логической частью ея.

Это казалось долгое время чрезвычайно важнымъ усовершенствованіемъ теоріи эксплоатаціи, какъ бы ея верховной научной санкціей, ибо съ этого времени научная судьба теоріи эксплоатаціи тѣсно связалась съ судьбой тру-

довой теоріи цѣнности, за которую высказались высшіе авторитеты экономической науки.

Свое окончательное развитіе, до послѣднихъ логическихъ предѣловъ, теорія прибавочной цѣнности получила въ «Капиталѣ» Маркса. Съ первыхъ же страницъ своего геніальнаго труда Марксъ твердо устанавливаетъ свое исходное теоретическое положеніе, которое онъ признавалъ постулатомъ всей экономической науки: что общественно-необходимый трудъ производства есть не важнѣйшій опредѣляющій моментъ цѣнности, но самая субстанція цѣнности, которая есть не что иное, какъ овеществленное рабочее время, сгустокъ или кристаллъ труда.

Какъ и Томпсонъ, Марксъ отмѣчаетъ, что новая цѣнность, возникающая въ процессѣ производства и образующая собой прибыль капиталиста (а также и всѣ другія формы нетрудового дохода) не можетъ быть созданіемъ затраченныхъ въ процессѣ производства средствъ производства — сырого матеріала, машинъ и проч., ибо капиталъ лишь переноситъ на продуктъ свою цѣнность, но новой цѣнности не создаетъ. Единственнымъ возможнымъ источникомъ этой новой цѣнности можетъ быть трудъ. Но, вѣдь, капиталистъ недаромъ получилъ рабочую силу—онъ заплатилъ за нее по рыночной цѣнѣ. Какимъ же образомъ можетъ возникнуть избыточная цѣнность, поступающая въ распоряженіе капиталиста? Для этого, очевидно, необходимо, чтобы рабочій работалъ въ пользу капиталиста болѣе продолжительное время, чѣмъ то, которое требуется для возсозданія полученной имъ заработной платы. Все рабочее время, весь рабочій день рабочаго распадается, такимъ образомъ, на двѣ части: одна идетъ на возстановленіе цѣнности его заработной платы—это *необходимый* трудъ, другая идетъ на созданіе новой прибавочной цѣнности, присваиваемой капиталистами, а также и всѣми другими общественными классами, извлекающими нетруловой доходъ; это—*прибавочный* трудъ. Нетрудовой доходъ есть, такимъ образомъ, не что иное, какъ неоплаченный трудъ рабочаго, прибавочная цѣнность, созданная рабочимъ и присвоенная въ свою пользу собственниками средствъ производства.

Такова знаменитая теорія прибавочной цѣнности въ своей наиболѣе упрощенной, схематической формѣ, или, говоря точнѣе, такова основная идея этой теоріи, ибо самая теорія представляетъ собой чрезвычайно сложное и громоздкое научное построеніе, всего менѣе отличающееся простотой. Но лежащая въ основѣ теоріи мысль, дѣйствительно, чрезвычайно проста, ясна и легко усвояема. Именно благодаря этому теорія прибавочной цѣнности и пріобрѣла такую огромную популярность въ рабочихъ массахъ: для ея пониманія не требуется никакой предварительной научной дисциплины мысли, и самый неинтеллегентный рабочій можетъ въ короткое время стать вполнѣ сознательнымъ и убѣжденнымъ ея сторонникомъ и пропагандистомъ.

Этимъ я отнюдь не хочу сказать, что поразительный успѣхъ теоріи прибавочной цѣнности и ея мощное вліяніе на умы въ теченіе уже многихъ десятилѣтій основывались только на простотѣ ея основной идеи. Идея эта была формулирована Томпсономъ и другими задолго до Маркса—и, однако, особаго впечатлѣнія на современниковъ не произвела. Оригинальность и сила Маркса заключались въ томъ, что онъ изъ столь простой мысли сумѣлъ извлечь такое поразительное богатство выводовъ. Вѣдь, и идея теоріи всемірнаго тяготѣнія также чрезвычайно проста, что не мѣшаетъ быть Principia Ньютона, быть можетъ, величайшимъ произведеніемъ человѣческаго ума.

Теорія прибавочной цѣнности является центральнымъ фокусомъ всѣхъ экономическихъ и соціологическихъ построеній «Капитала». А такъ какъ «Капиталъ» есть, въ общемъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, безспорно, замѣчательнѣйшее произведеніе общественной мысли второй половины XIX вѣка, сыгравшее въ исторіи соціалистическаго движенія совершенно единственную,

исключительную роль, то неудивительно, что и теорія прибавочной цѣнности стала для милліоновъ людей рабочаго класса предметомъ не только убѣжденія, но и самой пламенной фанатичной вѣры. Посягательство на научныя права этой теоріи стало разсматриваться, какъ посягательство на верховную святыню соціалистическаго идеала.

И все же, несмотря на всю силу ума, затраченную Марксомъ на созданіе свое научной системы, и на все величіе достигнутыхъ имъ результатовъ въ области практической политики, теорія прибавочной цѣнности, въ томъ видѣ, какъ ее формулировалъ Марксъ, должна быть безусловно отвергнута наукой. Она и невѣрна, и не нужна.

Невѣрна она потому, что вся покоится на ложномъ основаніи. Какъ бы ни пытались марксисты доказать противное, трудъ не есть субстанція цѣнности. Признавъ субстанціей цѣнности трудъ, Марксъ поставилъ себя въ совершенно неразрѣшимое противорѣчіе съ фактами. Соціалистическая теорія не только ничего не выиграла, связавши свою судьбу съ судьбою абсолютной трудовой теоріи цѣнности, но чрезвычайно много проиграла.

И, прежде всего, теорія цѣнности Томпсона и Маркса отнюдь не есть теорія цѣнности классической школы. Различіе обѣихъ теорій въ слѣдующемъ.

Классическая теорія цѣнности, которую я называю относительной трудовой теоріей цѣнности, достигшая своего завершенія въ трудахъ Рикардо, вовсе не утверждаетъ, что цѣнность товаровъ есть овеществленный трудъ. Трудъ производства есть, для Рикардо, правда, важнѣйшій, но лишь одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности. И лишь по методологическимъ соображеніямъ, для удобства научнаго изслѣдованія, Рикардо исходитъ въ своемъ анализѣ законовъ распредѣленія изъ предположенія, что цѣнность товаровъ пропорціональна труду производства. Подобнымъ образомъ вся дедуктивная политическая экономія покоится на такъ называемой посылкѣ эгоизма—на предположеніи, что люди руководствуются въ своей хозяйственной дѣятельности только хозяйственными мотивами. Конечно, всякій экономистъ знаетъ, что реальный человѣкъ не есть только хозяинъ. Но для простоты анализа удобно исходить изъ этой фикціи, и потому экономистъ кладетъ ее въ основаніе всѣхъ своихъ построеній.

Точно такъ же и Рикардо вполнѣ сознательно рѣшилъ игнорировать въ извѣстной части своихъ теоретическихъ построеній всѣ другіе факторы цѣнности, кромѣ труда. Имѣлъ ли онъ на это право—вопросъ другой; но не подлежитъ сомнѣнію, что свое условное допущеніе Рикардо никогда не разсматривалъ, какъ выраженіе дѣйствительнаго положенія вещей въ объективномъ экономическомъ мірѣ. Онъ всегда сознавалъ и опредѣленно указывалъ, что кромѣ труда многіе другіе моменты вліяютъ на цѣнность товаровъ и что даже среднія цѣны товаровъ далеко не вполнѣ пропорціональны относительнымъ трудовымъ стоимостямъ.

Напротивъ, для Маркса пропорціональность цѣнности труду не есть условное субъективное допущеніе. Трудъ есть самая субстанція цѣнности, представляющей собой не что иное, какъ застывшій общественный трудъ, кристаллъ труда, какъ образно выражается Марксъ. Эта теорія, которую я называю теоріей абсолютной трудовой цѣнности, только по имени можетъ быть сближена съ теоріей Рикардо. На самомъ же дѣлѣ между ними существуетъ непримиримое противорѣчіе. Ибо если трудъ, какъ утверждаетъ Рикардо, есть одинъ изъ многихъ опредѣляющихъ моментовъ цѣнности, значитъ трудъ не составляетъ субстанціи цѣнности.

Но всѣ эти тонкія, хотя и глубокія различія легко ускользаютъ отъ вниманія; и потому неудивительно, что теорія цѣнности Маркса была признана почти всѣми, какъ сторонниками, такъ и противниками ея, дальнѣйшимъ вполнѣ логическимъ развитіемъ взглядовъ Рикардо. Такъ же разсматривалъ

свою теорію и самъ авторъ «Капитала». Въ результатѣ, теорія прибавочной цѣнности, составляющая, какъ указано, логическій выводъ абсолютной теоріи трудовой цѣнности, была признана почти всѣми неизбѣжнымъ выводомъ теоріи цѣнности классической школы. А эта послѣдняя теорія, несмотря на всѣ попытки поколебать ея значеніе, можетъ считаться прочнымъ достояніемъ экономической науки. Лишь по чистому недоразумѣнію теорія предѣльной полезности—послѣднее слово экономической мысли нашего времени—противопоставляется ученію о цѣнности Рикардо. На самомъ же дѣлѣ, какъ мною указано въ другомъ мѣстѣ, теорія предѣльной полезности вполнѣ согласуется съ теоріей Рикардо и даже образуетъ съ ней одно неразрывное логическое цѣлое.

Однако, согласно сказанному, нужно рѣшительно отвергнуть, что теорія прибавочной цѣнности стоитъ на почвѣ ученія о цѣнности классической школы. Ея логическая основа совершенно иная. Она исходитъ изъ абсолютной теоріи трудовой цѣнности; эта же послѣдняя теорія находится въ безусловномъ противорѣчіи съ фактами дѣйствительности.

Никакими логическими ухищреніями нельзя доказать, что трудъ производства образуетъ субстанцію цѣнности, когда есть множество предметовъ, имѣющихъ цѣнность, хотя на производство ихъ не затрачено ни малѣйшаго труда, или имѣющихъ цѣнность, далеко превосходящую трудовую стоимость ихъ производства. Примѣромъ вещей перваго рода можетъ служить хотя бы дѣвственная почва, примѣромъ вещей второго рода—всѣ предметы рѣдкости, естественной или искусственной монополіи. Правда, можно называть цѣнность земли мнимой, или ирраціональной, какъ это и дѣлаетъ Марксъ. Но, вѣдь, это—одни слова, которыя могутъ дѣйствовать лишь на людей, отказавшихся отъ права самостоятельнаго сужденія. Можно называть цѣнность земли ирраціональной или какъ-либо иначе—это, въ концѣ концовъ, дѣло личнаго вкуса; важно то, что, какъ бы цѣнность эта ни называлась, она вполнѣ реальна, что прекрасно знаетъ всякій землевладѣлецъ, получающій при продажѣ своего имѣнія отнюдь не мнимую сумму звонкой монеты. Точно такъ же всякій покупатель старинной картины или рѣдкаго вина прекрасно знаетъ, какъ реальна высокая цѣнность этихъ предметовъ, не находящаяся ни въ какомъ соотношеніи съ трудомъ, затраченнымъ на ихъ производство.

И это—еще только очень немногіе, наиболѣе очевидные примѣры несоотвѣтствія реальныхъ цѣнъ и трудовыхъ затратъ. Списокъ противорѣчій дѣйствительности, а также и логическихъ грѣховъ абсолютной теоріи трудовой цѣнности имѣетъ весьма внушительные размѣры, и мнѣ пришлось бы посвятить ему много времени, если бы я пожелалъ развернуть его въ полномъ объемѣ. Но въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Объ этомъ достаточно постарались буржуазные противники соціализма, теоретическая борьба которыхъ съ соціализмомъ, благодаря Марксу, чрезвычайно упростилась. Съ тѣхъ поръ, какъ соціалистическая критика существующаго хозяйственнаго строя стала опираться на теорію прибавочной цѣнности, теоретическія защитники историческихъ несправедливостей почувствовали себя господами положенія.

Кто съ этимъ несогласенъ, тому я совѣтую ознакомиться съ новѣйшей критической литературой о Марксѣ, исходящей изъ буржуазнаго лагеря. Всякому безпристрастному человѣку бросается въ глаза, что, если есть область, въ которой буржуазные экономисты чувствуютъ себя полными побѣдителями, то это именно область теоріи цѣнности. Здѣсь борьба практически кончилась: марксисты, правда, далеко не сложили еще оружія, но уже отбиваются почти только для вида и для защиты своихъ позицій дѣлаютъ такія крупныя уступки противникамъ, при которыхъ почти исчезаетъ предметъ спора.

Итакъ, попытка связать теорію эксплоатаціи съ трудовой теоріей цѣнности и использовать въ интересахъ соціализма господствующія ученія буржуазной науки повела къ совершенно неожиданному результату: вмѣсто

теоретическаго упроченія соціализма получилось его теоретическое ослабленіе. Подарокъ буржуазныхъ ученыхъ оказался подаркомъ данайцевъ.

Это положеніе вещей было бы мало утѣшительнымъ, если бы теорія прибавочной цѣнности въ смыслѣ Маркса, т. е. какъ теорія, усматривающая въ трудѣ субстанцію цѣнности, была, дѣйствительно, необходима для соціализма, если бы отказъ отъ нея былъ равносиленъ отказу отъ теоріи эксплоатаціи труда. Къ счастью, дѣло обстоитъ не такъ. Теорія прибавочной цѣнности, какъ я сказалъ выше, не только невѣрна, но она и совершенно не нужна для цѣлей соціализма.

Ненужна потому, что главная цѣль ея,—то, въ силу чего она была такъ дорога Марксу и всей его школѣ,—обоснованіе и научное доказательство теоріи эксплоатаціи труда—легко достигается безъ ея помощи. Для доказательства наличности эксплоатаціи труда въ капиталистическомъ обществѣ, равно какъ и въ предшествовавшихъ историческихъ обществахъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ помощи какой бы то ни было теоріи цѣнности. Сенъ-симонисты и Пеккеръ безъ помощи теоріи цѣнности вполнѣ доказали неизбѣжность такой эксплоатаціи при существованіи частной собственности на средства производства. Они доказали, что по своему экономическому содержанію отношеніе капиталиста къ наемному рабочему тождественно съ отношеніемъ рабовладѣльца къ рабу, несмотря на все неизмѣримое различіе этихъ отношеній съ точки зрѣнія правовой формы. И это остается вѣрнымъ, какова бы ни была природа цѣнности. Высокая цѣнность шампанскаго зависитъ не отъ труда, а отъ рѣдкости этого вина сравнительно со спросомъ на него, что, въ свою очередь, находится въ связи съ рѣдкостью тѣхъ почвъ, на которыхъ растутъ лозы этого вина. Однако, рента, извлекаемая собственниками земли, пригодной для культуры этихъ лозъ, является такимъ же нетрудовымъ доходомъ и, слѣдовательно, такимъ же результатомъ эксплоатаціи труда, какъ и всякая другая рента.

Эксплоатація труда коренится не въ области создавія цѣнности, не въ области производства, а въ области распредѣленія произведеннаго продукта, чѣмъ бы ни опредѣлялась цѣнность послѣдняго. Эксплоатація труда заключается въ томъ, что произведенный продуктъ достается не произведшему его работнику, не всему обществу, какъ таковому, а праздному владѣльцу средствъ производства.

Въ этомъ, и только въ этомъ—въ возможности путемъ власти надъ вещами пріобрѣтать власть надъ людьми—и заключается источникъ эксплоатаціи труда.

Итакъ, теорія прибавочной цѣнности въ томъ видѣ, какъ ее развили Томпсонъ и Марксъ, т. е. какъ слѣдствіе теоріи абсолютной трудовой теоріи цѣнности, безусловно несостоятельна. Но въ ней содержится нѣкоторая плодотворная и важная мысль, которая можетъ и должна быть использована соціалистической теоріей. Трудъ, конечно, не составляетъ абсолютной субстанціи *цѣнности*; но трудъ, дѣйствительно, можно считать абсолютной субстанціей *стоимости*. Чтобы понять это различіе, нужно, прежде всего, усвоить себѣ существенное различіе обѣихъ основныхъ категорій экономической науки—цѣнности и стоимости. Подъ цѣнностью хозяйственнаго предмета мы понимаемъ хозяйственное значеніе этого предмета, какъ средства удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей; цѣнность есть нѣчто положительное, то, къ чему мы стремимся, чего мы желаемъ. Напротивъ, стоимость хозяйственнаго предмета есть необходимая для его полученія затрата; стоимость есть нѣчто отрицательное, то, чего мы избѣгаемъ, чего мы не желаемъ.

Съ чисто логической стороны оба понятія различаются безъ всякаго труда, и только благодаря неудовлетворительности русской экономической тер-

минологіи они до такой степени смѣшались въ представленіи русскаго читателя, что стали многими употребляться, какъ понятія равнозначущія.

Мы видѣли, что цѣна хозяйственнаго предмета (а цѣнность есть основа цѣны) зависитъ не только отъ труда производства. Но чѣмъ опредѣляется стоимость предмета хозяйства? Земля не произведена трудомъ человѣка и все-таки имѣетъ цѣну, а слѣдовательно, и цѣнность. Обладаетъ ли земля вмѣстѣ съ тѣмъ и стоимостью? Такъ какъ стоимость, согласно сказанному, есть хозяйственная затрата, требующаяся для пріобрѣтенія извѣстнаго предмета нашего хозяйства, и такъ какъ для пріобрѣтенія земли человѣчество ничего затрачивать не должно, то, значитъ, земля и не имѣетъ стоимости.

Единственная абсолютная затрата, которую дѣлаетъ человѣкъ въ процессѣ производства, это его трудъ. Правда, для производства требуется затрата не только труда, но и внѣшнихъ средствъ производства. Однако, эти послѣднія не составляютъ части личности человѣка, и, затрачивая ихъ, человѣкъ не затрачиваетъ самого себя. Но трудъ человѣка есть самъ человѣкъ; поэтому, затрачивая свой трудъ, человѣкъ затрачиваетъ самого себя. Подобныя соображенія, болѣе подробно развитыя мною въ моей книгѣ «Теоретическія основы марксизма», приводятъ къ заключенію, что только трудъ человѣка и ничего больше есть абсолютная субстанція стоимости.

Признавши трудъ единственной субстанціей абсолютной стоимости, мы тѣмъ самымъ признали трудъ единственнымъ активнымъ дѣятелемъ производства, признали, что весь продуктъ производства является созданіемъ только труда. Конечно, съ точки зрѣнія технической, съ точки зрѣнія матеріальныхъ перемѣнъ въ процессѣ производства, человѣкъ есть такая же механическая сила, какъ и всякая другая; съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между человѣческимъ трудомъ и трудомъ животнаго или работой машины. Но для экономиста, разсматривающаго хозяйственный процессъ съ точки зрѣнія интересовъ человѣка, человѣческій трудъ не можетъ быть приравненъ къ другимъ механическимъ процессамъ, ибо только затрата человѣческаго труда есть затрата личности человѣка. Поэтому, съ этой точки зрѣнія, мы должны признавать производительнымъ только трудъ человѣка, иными словами, относить полезное дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ производства на счетъ единственнаго фактора производства — человѣческаго труда.

Итакъ, мы приходимъ къ выводу, что богатство создается трудомъ человѣка и больше ничѣмъ. Всѣ предметы богатства мы можемъ разсматривать съ этой точки зрѣнія, какъ опредѣленныя количества застывшаго въ нихъ общественно-необходимаго рабочаго времени, какъ кристаллы труда, по выраженію Маркса. Конечно, мы не повторимъ ошибки автора «Капитала» и не станемъ утверждать, будто только трудъ опредѣляетъ цѣнность товаровъ; нѣтъ, цѣнность есть въ высшей степени сложный соціальный феноменъ, только отчасти зависящій отъ труда производства. Но каково бы ни было соотношеніе между трудомъ и цѣнностью, самый-то трудъ человѣка сохраняетъ свое реальное и самостоятельное значеніе, и мы имѣемъ научное право разсматривать всѣ предметы человѣческаго хозяйства по отношенію къ затраченному на ихъ производство человѣческому труду. Съ этой точки зрѣнія мы скажемъ, что дѣвственная почва, какую бы цѣнность она ни имѣла, лишена всякой стоимости для человѣчества, такъ какъ въ ней не заключено человѣческаго труда.

Теорію исключительной производительности человѣческаго труда никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ теоріей исключительной способности труда создавать цѣнность, на почвѣ каковой теоріи стоялъ Марксъ. Обѣ теоріи логически совершенно различны. Что касается Маркса, то онъ рѣшительно отвергалъ первую теорію, какъ это видно, между прочимъ, изъ его «Критики Готской программы», гдѣ онъ рѣзко критикуетъ, какъ буржуазное заблужденіе, именно эту теорію. Съ другой стороны, многіе авторы, далеко не стоящіе

на почвѣ абсолютной трудовой теоріи цѣнности, признаютъ трудъ единственнымъ активнымъ факторомъ производства. Изъ новѣйшихъ экономистовъ сюда нужно отнести, напр., Лексиса.

Исходя изъ понятія трудовой стоимости, можно преобразовать и теорію прибавочной цѣнности такимъ образомъ, что она перестанетъ противорѣчить дѣйствительнымъ фактамъ жизни и пріобрѣтетъ вполнѣ реальное значеніе. Конечно, общественный продуктъ распредѣляется между различными классами общества далеко не пропорціонально долямъ каждаго класса въ трудовой стоимости продукта. Это слѣдуетъ безповоротно признать: трудовая стоимость не выступаетъ на поверхности капиталистическаго міра, ибо распредѣленіе продуктовъ непосредственно управляется не трудовой стоимостью, но цѣной — экономической категоріей, принципіально отличной отъ трудовой стоимости. Тѣмъ не менѣе, категорія трудовой стоимости необходима для экономической науки. Ибо затрата труда при производствѣ, а, слѣдовательно, и трудовая стоимость производимыхъ продуктовъ есть фактъ вполнѣ реальный. При оцѣнкѣ результатовъ извѣстной хозяйственной системы представляется существенно важнымъ установить не только, какъ велико создаваемое этой системой общественное богатство, но также и какъ велика трудовая стоимость этого богатства, цѣной какой затраты труда оно куплено. Единственно точнымъ и опредѣленнымъ мѣриломъ экономическаго прогресса является достигнутый обществомъ уровень производительности труда. Прогрессъ выражается въ повышеніи производительности общественнаго труда, и это послѣднее понятіе принадлежитъ къ общепринятымъ въ экономической наукѣ. Но что такое производительность труда? Это есть та же категорія трудовой стоимости, только выраженная въ обратной формѣ: производительностью труда мы называемъ отношеніе количества произведеннаго продукта къ количеству затраченнаго на производство этого продукта труда, а трудовая стоимость продукта есть отношеніе количества затраченнаго на производство продукта труда къ количеству произведеннаго продукта. Иными словами, постоянно прибѣгая къ понятію производительности труда, экономисты безсознательно для себя пользуются понятіемъ трудовой стоимости.

Если же трудовая стоимость есть необходимая категорія политической экономіи, то столь же необходима для нея и категорія прибавочнаго труда. Марксъ былъ совершенно правъ, утверждая, что въ рабочемъ днѣ рабочаго слѣдуетъ различать двѣ части: необходимый и прибавочный трудъ. Необходимый трудъ—это тотъ трудъ, который требуется для возстановленія трудовой стоимости предметовъ потребленія рабочаго, вся же остальная часть труда рабочаго—прибавочный трудъ — затрачивается въ интересахъ нетрудящихся классовъ общества и присваивается ими въ ущербъ интересамъ рабочихъ классовъ.

Понятіе прибавочнаго и необходимаго труда существенно дополняетъ и улучшаетъ ученіе объ эксплоатаціи труда. Ибо только благодаря этому понятію названное ученіе достигаетъ полной точности и опредѣленности. Сенъ-симонисты убѣдительно доказали наличность эксплоатаціи труда въ капиталистическомъ хозяйствѣ; но съ той точки зрѣнія, на которой они стояли, они не имѣли никакой возможности установить степень этой эксплоатаціи. Они не могли доказать, велика эта эксплоатація или нѣтъ, уменьшается она или увеличивается по мѣрѣ общественнаго прогресса, въ какихъ отрасляхъ труда и въ какихъ странахъ она больше и въ какихъ меньше и т. д., и т. д. На все это можно дать точный и ясный количественный отвѣтъ лишь исходя изъ понятія необходимаго и прибавочнаго труда.

Еще важнѣе другое существенное улучшеніе теоріи эксплоатаціи труда, благодаря приведенію ея въ связь съ теоріей абсолютной трудовой стоимости. Трудовая затрата и достигнутая степень производительности труда есть основ-

ной и рѣшающій соціальный фактъ; какъ бы мы ни относились къ матеріалистическому пониманію исторіи, ни одинъ историкъ или соціологъ не станетъ отвергать огромнаго значенія хозяйственнаго момента въ опредѣленіи характера общественнаго строя. Отношенія соціальной эксплоатаціи въ многообразныхъ формахъ, составляющія столь существенную черту всѣхъ бывшихъ доселѣ формъ историческаго общежитія людей, суть сами по себѣ производный моментъ, въ основѣ котораго лежатъ условія производства. Понятія производительности общественнаго труда или, что одно и то же, понятіе общественной трудовой стоимости, есть мостъ, связывающій теорію эксплоатаціи съ общей теоріей соціальнаго развитія на основѣ роста производительныхъ силъ. Иными словами, теорія абсолютной трудовой стоимости необходима для того, чтобы теорія эксплоатаціи не висѣла въ воздухѣ; первая теорія есть необходимое соціологическое основаніе второй. И въ этомъ — еще болѣе важное значеніе того понятія трудовой затраты, которое Марксъ положилъ въ основу своей соціальной системы, и которое сохраняетъ все свое значеніе и въ томъ случаѣ, если мы откажемся отъ теоріи абсолютной трудовой цѣнности и признаемъ, что трудъ не есть субстанція цѣнности.

Но не утрачиваетъ ли благодаря этому завершенію — связи съ теоріей абсолютной трудовой стоимости—теорія эксплоатаціи своего этическаго характера? Не становится ли она объективнымъ построеніемъ экономической науки? Нисколько, ибо самое понятіе трудовой стоимости, лежащее въ основаніи понятія прибавочнаго труда, содержитъ въ себѣ этическіе элементы. Дѣйствительно, вѣдь въ процессѣ производства принимаетъ участіе не только человѣкъ, но и средства производства. Работа лошади, которая тянетъ плугъ, не менѣе необходима для обработки почвы, чѣмъ и работа человѣка, который идетъ за плугомъ. Почему же мы разсматриваемъ весь продуктъ, какъ созданіе только человѣческаго труда? почему мы признаемъ только трудъ человѣка активнымъ дѣятелемъ производства? И почему, съ другой стороны, мы приравниваемъ въ этомъ отношеніи между собой всѣ виды человѣческаго труда безъ различія, почему мы считаемъ всѣ виды труда человѣка сравнимыми между собой и соединяемъ ихъ въ одну общую массу, въ одно общее понятіе общественнаго труда?

Безъ сомнѣнія, потому, что мы молчаливо исходимъ изъ руководящей этической идеи соціализма—верховной цѣнности и потому равноцѣнности человѣческой личности. Только эта идея даетъ намъ право, съ одной стороны, отрицать производительность работы лошади или паровой машины, а съ другой стороны,—разсматривать всѣ виды человѣческаго труда, какъ одно цѣлое общественнаго труда. Стоя на почвѣ античнаго міросозерцанія, чуждаго идеѣ равноцѣнности человѣческой личности, нельзя было бы проводить никакого различія между работой раба или лошади и слѣдовало бы, съ другой стороны, принципіально отличать трудъ свободнаго человѣка, эллина, господина, и трудъ раба или варвара.

Итакъ, въ основѣ категоріи абстрактной трудовой стоимости лежитъ та же великая идея равенства всѣхъ людей, ихъ этической равноцѣнности. Теорія эксплоатаціи труда, лежащая въ корнѣ всего критическаго построенія соціализма, является лишнимъ подтвержденіемъ того, что этическіе элементы насквозь проникаютъ теорію соціализма.

ГЛАВА II.

Концентрація производства и доходовъ и обнищаніе рабочихъ классовъ.

Конецъ XVIII и первыя десятилѣтія XIX вѣка извѣстны въ экономической исторіи Англіи подъ названіемъ «промышленной революціи».

За все время исторіи Англіи не было періода, когда въ экономическихъ условіяхъ жизни массы населенія произошла бы столь глубокая перемѣна. Въ эпоху Адама Смита Англія еще была страной мелкаго производства. Даже въ началѣ XIX вѣка въ главныхъ центрахъ англійской промышленности господствовало ремесло и работа на дому; суконный ткачъ Іоркшира въ это время еще не имѣлъ никакого представленія о фабрикѣ.

Въ деревняхъ процвѣтали всевозможные кустарные промыслы, дававшіе порядочный доходъ земледѣльцу въ зимнее время. Весьма значительная часть территоріи страны состояла изъ общинныхъ земель, которыми пользовались всѣ жители деревни. Крестьянское самостоятельное хозяйство, хотя уже и сильно поколебалось, но все еще играло большую роль въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ страны. Вообще же экономическое положеніе массы рабочихъ классовъ было таково, что Смитъ могъ съ полнымъ оптимизмомъ смотрѣть на будущее. Въ своемъ знаменитомъ трудѣ онъ формулировалъ, какъ экономическій законъ, что успѣхи промышленности и торговли неизбѣжно улучшаютъ положеніе рабочаго класса, благосостояніе котораго растетъ по мѣрѣ экономическаго прогресса, роста національнаго богатства.

Трудно представить себѣ большій контрастъ между ожиданіемъ и дѣйствительностью, чѣмъ то, что послѣдовало въ Англіи послѣ великаго промышленнаго переворота, предвидѣннаго Смитомъ и вызваннаго ростомъ крупнаго производства въ промышленности и земледѣліи. Самый переворотъ далеко превзошелъ по своимъ размѣрамъ ожиданія. За нѣсколько десятилѣтій Англія превратилась въ совершенно другую страну. Повсюду выросли фабричныя трубы. Мелкое производство—ремесло и домашняя работа—отступило на задній планъ, ручная прялка совершенно исчезла, а число ручныхъ ткачей, которыхъ въ началѣ закончившагося столѣтія насчитывалось въ Англіи болѣе милліона, спустилось къ 50-мъ годамъ къ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ. Крупное фабричное производство заняло господствующее положеніе въ промышленности, машина вытѣснила ручной трудъ изъ цѣлаго ряда отраслей производства и неустанно продолжала свои завоеванія. Гордость старой Англіи—зажиточный крестьянинъ, іоменъ—исчезъ окончательно, и даже самая память о немъ почти умерла въ народѣ. Мелкія формы замѣнились крупными. Общинныя земли были подѣлены между крупными землевладѣльцами.

Эта быстрая концентрація производства сопровождалась удивительнымъ ростомъ производительности труда. Въ руководящихъ отрасляхъ промышленности количество вырабатываемыхъ продуктовъ увеличилось во много разъ, и соотвѣтственно этому увеличилось національное богатство страны. Но, вопреки ожиданіямъ Смита, промышленный прогрессъ не только не вызвалъ общаго подъема уровня жизни рабочихъ классовъ, но привелъ къ обратному результату: чѣмъ богаче становились господствующіе классы, тѣмъ глубже погружалась въ нищету народная масса. Заработная плата обширныхъ группъ населенія,—напр., ручныхъ ткачей,—падала изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Парламентъ учреждалъ цѣлый рядъ комиссій, чтобы выяснить размѣры и причины этого явленія, и комиссіи констатировали поразительные факты. Ручные ткачи жили на краю голодной смерти, среди полнаго отсутствія какихъ-бы то ни было удобствъ жизни. Въ такомъ же положеніи находились и земледѣльческіе рабочіе.

Ростъ фабричной промышленности повелъ къ привлеченію на фабрики женщинъ и дѣтей, нерѣдко самаго малаго возраста. Развилась настоящая торговля дѣтьми. Особые предприниматели поставляли фабрикантамъ за умѣренную плату огромныя партіи дѣтей пауперовъ, и фабриканты обращались съ этими дѣтьми, какъ со своими рабами. Удлиненіе рабочаго дня на фабрикахъ встрѣчало единственную границу въ физіологическихъ предѣлахъ работоспособ-

ности человѣка и нерѣдко переходило эту границу, заставляя рабочаго зарабатываться на смерть.

Нѣчто подобное, хотя и въ значительно болѣе слабыхъ размѣрахъ, происходило въ первую половину XIX вѣка и въ другихъ странахъ Европы, въ которыхъ развивалась фабричная промышленность и происходила концентрація производства. Вездѣ эта концентрація сопровождалась ростомъ національнаго богатства и бѣдности широкихъ массъ народа.

I.

Соціалистическая критика признала это положеніе дѣла неизбѣжнымъ результатомъ капиталистической системы хозяйства. Уже въ самомъ началѣ закончившагося вѣка Фурье указалъ на возникновеніе новаго вида феодализма—«промышленнаго, финансоваго и торговаго феодализма»,—который является, по его словамъ, не меньшимъ зломъ, чѣмъ феодализмъ стараго режима. Неоднократно отмѣчалъ Фурье и то, что «бѣдность народа повсемѣстно растетъ параллельно росту національнаго богатства и успѣхамъ промышленности». Но главная заслуга построенія законченной теоріи концентраціи производства и народнаго обнищанія принадлежитъ не столько самому Фурье, сколько его ученикамъ и, прежде всего, самому выдающемуся изъ нихъ—Консидерану. Въ книгѣ Консидерана «Destinée sociale» эта теорія развита въ наиболѣе полной формѣ.

Однимъ изъ наиболѣе грандіозныхъ теоретическихъ построеній Фурье является его схема историческаго развитія человѣчества. Современная эпоха, называемая имъ презрительно эпохой цивилизаціи, имѣетъ,—говоритъ онъ,—переходный характеръ; въ ней можно замѣтить два фазиса—восходящій и нисходящій. Мы находимся въ нисходящемъ фазисѣ, въ періодѣ отживанія господствующаго соціальнаго строя и нарожденія новаго. Въ своемъ восходящемъ фазисѣ цивилизація характеризовалась паденіемъ аристократическаго феодализма; въ нисходящемъ фазисѣ цивилизація характеризуется ростомъ новаго промышленнаго феодализма. Свобода конкуренціи—основной хозяйственный принципъ новаго строя—неизбѣжно приводитъ къ побѣдѣ сильныхъ надъ слабыми, къ монополіямъ всякаго рода. И это потому, говоритъ Консидеранъ, что «капиталы неудержимо слѣдуютъ закону взаимнаго притяженія. Тяготѣя другъ къ другу пропорціонально своимъ массамъ, общественныя богатства все больше концентрируются въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Иначе и быть не можетъ, при общей раздробленности интересовъ, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика не могутъ бороться съ крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледѣліе, все болѣе раздробляясь, не можетъ бороться съ крупнымъ земледѣліемъ, съ его орудіями производства, его капиталами, его единствомъ хозяйственнаго плана; потому что всѣ открытія наукъ и искусствъ суть, фактически, монополія богатыхъ классовъ и постоянно увеличиваютъ могущество этихъ классовъ; потому что, наконецъ, капиталы увеличиваютъ силу того, кто обладаетъ ими, и раздавливаютъ того, кто ими не обладаетъ. И не только въ области производства современныя условія чрезвычайно выгодны крупнымъ предпринимателямъ, крупнымъ собственникамъ, и чрезвычайно разорительны для мелкихъ предпринимателей, мелкихъ собственниковъ; тѣ же выгоды повторяются и въ области покупки, продажи и потребленія... Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ трехъ сферахъ хозяйства—производствѣ, обмѣнѣ и потребленіи—конкуренція между тѣмъ, кто имѣетъ крупную собственность, и кто имѣетъ лишь небольшую собственность или совсѣмъ ея не имѣетъ, гибельна для этого послѣдняго».

Концентрація производства совершается не только путемъ роста отдѣль-

ныхъ крупныхъ предпріятій, но и путемъ образованія ассоціацій капитала. Особенное значеніе въ этомъ смыслѣ имѣютъ акціонерныя компаніи. «Сила капитала увеличивается во много разъ благодаря режиму финансовыхъ компаній. Эта система концентраціи даетъ возможность финансовымъ баронамъ собирать въ своихъ рукахъ огромные капиталы и предпринимать съ ихъ помощью операціи, умножающія въ сотни разъ ихъ силы». Возникаютъ разнообразныя монополіи, привилегированныя корпораціи капитала. Во главѣ этихъ корпорацій стоятъ бароны, графы и герцоги капитала, а подъ ихъ предводительствомъ идутъ мелкіе капиталисты, изъ которыхъ слагаются капиталы акціонерной компаніи. Съ помощью этихъ вассаловъ крупный капиталъ завоевываетъ желѣзныя дороги, каналы, рудники, заводы и пр. крупныя позиціи промышленнаго міра, подобно тому, какъ средневѣковые бароны съ помощью своихъ вассаловъ завоевывали села и города.

Новая денежная знать должна въ будущемъ образовать не менѣе могучую общественную силу, чѣмъ была знать стараго режима. «Этотъ новый феодализмъ окончательно утвердится, когда большая часть промышленной и земельной собственности націи перейдетъ въ руки меньшинства, которое будетъ извлекать всѣ выгоды этого положенія, между тѣмъ, какъ огромное большинство населенія, осужденное на промышленную и земледѣльческую каторгу, будетъ существовать скуднымъ заработкомъ, который ему соблаговолятъ удѣлить. Тогда вся Франція явится какъ бы огромнымъ помѣстьемъ, эксплоатируемымъ и воздѣлываемымъ народными массами въ интересахъ небольшой кучки всемогущихъ собственниковъ».

Вмѣстѣ съ концентраціей производства растетъ и народная нищета. «Могущество крупныхъ капиталовъ, умноженное сліяніемъ ихъ въ акціонерныя компаніи, раздавливаетъ при помощи машинъ и пріемовъ крупнаго производства среднихъ и мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ. Пролетаріатъ и пауперизмъ идутъ впередъ гигантскими шагами. И такъ какъ капиталисты живутъ въ городахъ, то въ городахъ раньше всего и достигаетъ господства промышленный феодализмъ и обнаруживаются раньше всего его гибельныя послѣдствія: въ городахъ скопляются массы пролетаріевъ, живущихъ изо дня въ день безъ всякой связи съ хозяиномъ, соединявшей въ былыя времена сеньора и вассала. Батальоны нищеты угрожаютъ цивилизаціи».

Въ тѣхъ странахъ, которыя всего выше стоятъ по своей цивилизаціи и промышленному развитію, какъ, напримѣръ, въ Англіи, Франціи и Бельгіи, наблюдается и наибольшее развитіе пролетаріата. Въ Соединенныхъ Штатахъ бѣдность еще не принимаетъ угрожающаго характера, благодаря избытку свободной, незанятой земли; но и Америка идетъ по тому же пути. Въ каждой отдѣльной странѣ можно замѣтить, что чѣмъ крупнѣе и богаче городъ, тѣмъ больше въ немъ и нищеты. Именно въ такихъ цвѣтущихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ,—говоритъ Консидеранъ,—какъ Ліонъ, Манчестеръ, Ливерпуль, и пр., положеніе пролетаріевъ всего тягостнѣе, что и доказывается возстаніями пролетаріата въ этихъ городахъ.

Вообще, «современныя націи неизбѣжно слагаются изъ двухъ враждебныхъ лагерей; каждый шагъ впередъ науки и промышленности, каждый успѣхъ цивилизаціи увеличиваетъ противоположность интересовъ и враждебность антагонистическихъ классовъ... Современное соціальное движеніе экспропріируетъ все болѣе и болѣе низшіе и бѣднѣйшіе классы въ интересахъ высшихъ и богатыхъ классовъ... Конкуренція рабочихъ связываетъ пролетарія по рукамъ и по ногамъ и передаетъ его во власть новыхъ владыкъ (капиталистовъ); народныя массы становятся новыми крѣпостными». И потому мы стоимъ наканунѣ величайшей революціи, передъ которой революція 93 года покажется ничтожной.

Всѣ эти мысли очень скоро стали общимъ достояніемъ соціализма 30-хъ и 40-хъ годовъ. Онѣ были изложены и въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» Маркса и Энгельса. Эта небольшая брошюра, имѣвшая такой исключительный успѣхъ, представляетъ собой, во многихъ своихъ наиболѣе повліявшихъ частяхъ, воспроизведеніе обычныхъ ученій фурьеристовъ.

Теорія концентраціи производства и доходовъ, которую обычно связываютъ съ именемъ Маркса, несомнѣнно, заимствована Марксомъ у фурьеристовъ, тщательно разработавшихъ эту теорію во всѣхъ ея подробностяхъ на страницахъ своихъ органовъ «La Phalange» и «La Démocratie Pacifique». И только незнакомствомъ со старой литературой соціализма можно объяснить то, что излюбленное ученіе школы Фурье получило всеобщую извѣстность, какъ ученіе Маркса.

Интересно, что даже самое названіе марксизма «научнымъ соціализмомъ», въ отличіе отъ утопическаго, заимствовано не у кого иного, какъ у фурьеристовъ; именно они постоянно называли свое направленіе «научнымъ соціализмомъ» и противопоставляли его, въ качествѣ таковаго, ученіямъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ школъ. Фурье они именовали почетнымъ титуломъ «отца научнаго соціализма», совершенно такъ же, какъ марксисты именуютъ Маркса.

Впрочемъ, для формулированія теоріи концентраціи не требовалось никакой особой геніальности и глубины мысли; достаточно было сколько-нибудь внимательно присмотрѣться къ окружающему экономическому міру, чтобы замѣтить эту выдающуюся черту капиталистическаго развитія. Поэтому и помимо фурьеристовъ множество писателей первой половины XIX вѣка, какъ соціалистовъ, такъ и не-соціалистовъ, указывали на ростъ крупнаго производства, какъ на характернѣйшій фактъ промышленной революціи.

Еще болѣе общимъ для всѣхъ экономистовъ того времени, безъ различія направленій, было представленіе о неизбѣжности бѣдности и нищеты рабочихъ классовъ. Ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія выражено съ полной отчетливостью уже въ XVIII вѣкѣ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей французской экономической мысли, Тюрго. Того же взгляда держались и главные представители англійской экономической науки начала закончившагося вѣка—Мальтусъ и Рикардо. Для Мальтуса бѣдность массы населенія была естественнымъ закономъ существованія человѣчества. Весьма пессимистически смотрѣлъ на возможность улучшенія положенія рабочихъ классовъ и Рикардо. Ученики Смита не могли удержаться на оптимистической позиціи учителя: слишкомъ ужъ очевидно было народное обнищаніе, послѣдовавшее за промышленной революціей. Ученіе объ обнищаніи, точно такъ же, какъ и ученіе о растущей концентраціи производства, цѣликомъ вошло въ составъ марксизма. Но Марксъ въ «Капиталѣ» существенно дополнилъ и развилъ оба эти ученія.

Ростъ крупнаго капиталистическаго производства совершается,—указываетъ Марксъ,—двумя путями: путемъ *аккумуляціи и централизаціи* капитала. Подъ аккумуляціей капитала Марксъ понимаетъ увеличеніе размѣра капиталистическаго предпріятія путемъ накопленія капитала. Отъ аккумуляціи средствъ производства слѣдуетъ отличать ихъ централизацію—сліяніе нѣсколькихъ или многихъ самостоятельныхъ капиталовъ въ одинъ общій капиталъ. Въ первомъ случаѣ каждый капиталъ растетъ собственными средствами—одинъ капиталъ не поглощаетъ другого. Во второмъ случаѣ происходитъ уничтоженіе индивидуальной самостоятельности отдѣльныхъ капиталовъ, «превращеніе многихъ мелкихъ капиталовъ въ небольшое число крупныхъ. Этотъ процессъ тѣмъ отличается отъ перваго, что онъ предполагаетъ лишь измѣненіе въ распредѣленіи имѣющихся уже и функціонирующихъ капиталовъ, и что его поле дѣйствія не ограничено, слѣдовательно, абсолютнымъ ростомъ обществен-

наго богатства или абсолютными границами накопленія. Капиталъ нарастаетъ въ однѣхъ рукахъ *здѣсь*, потому что *тамъ* онъ исчезъ изъ многихъ рукъ».

Централизація капиталовъ вызывается конкуренціей капиталистическихъ предпріятій между собою. Капиталистическій міръ не знаетъ мира—въ немъ кипитъ неустанная ожесточенная борьба, въ которой сильный экспропріируетъ слабаго, и капиталъ побѣжденнаго становится прекраснѣйшимъ трофеемъ побѣдителя. «Независимо отъ этого, съ развитіемъ капиталистическаго производства создается новая сила—кредитъ,—который вначалѣ робко прокрадывается въ видѣ скромнаго пособника накопленія, невидимыми путями стягиваетъ въ руки индивидуальныхъ капиталистовъ или ассоціацій капиталистовъ денежныя средства, разсѣянныя на поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ; но вскорѣ становится новымъ и страшнымъ орудіемъ конкуренціи и, наконецъ, превращается въ громадный соціальный механизмъ для централизаціи капиталовъ».

Конкуренція капиталовъ и кредитъ являются двумя могущественными рычагами централизаціи. „Централизація довершаетъ дѣло накопленія, давая возможность промышленнымъ капиталистамъ расширять размѣры ихъ операцій. Будетъ ли этотъ послѣдній результатъ слѣдствіемъ накопленія или централизаціи, произойдетъ ли централизація насильственнымъ путемъ присоединенія, при которомъ нѣкоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяженія для другихъ, что побѣждаютъ ихъ индивидуальное сцѣпленіе и притягиваютъ къ себѣ ихъ разрозненные куски, или же сліяніе массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталовъ произойдетъ болѣе гладкимъ путемъ, посредствомъ образованія акціонерныхъ обществъ—экономическое дѣйствіе отъ этого не измѣнится».

Безъ помощи централизаціи образованіе очень крупныхъ капиталистическихъ предпріятій было бы почти невозможно. «Міръ оставался бы еще и до сихъ поръ безъ желѣзныхъ дорогъ, если бы ему пришлось ждать, пока накопленіе поставитъ отдѣльные капиталы въ возможность построить желѣзную дорогу. Централизація же, напротивъ, произвела это сразу посредствомъ акціонерныхъ компаній».

Этотъ процессъ централизаціи и аккумуляціи производства сопровождается, по мнѣнію Маркса, сосредоточеніемъ все большей части богатствъ въ рукахъ сокращающейся кучки капиталистовъ—магнатовъ и, въ то же время, ростомъ нищеты массы населенія. Чѣмъ выше поднимается общественное богатство, тѣмъ ниже падаетъ тотъ, кто создаетъ это богатство—рабочій. Ухудшеніе положенія рабочаго есть необходимое слѣдствіе основного закона капиталистическаго накопленія,—того, что по мѣрѣ успѣховъ техники все меньшая доля капитала превращается въ заработную плату и все большая — въ средства производства. Заработная плата образуетъ все меньшую долю всего общественнаго капитала, а такъ какъ спросъ на рабочія руки опредѣляется лишь этой долей капитала, то, слѣдовательно, и спросъ на рабочія руки, по отношенію ко всему общественному капиталу, долженъ падать (абсолютно онъ возрастаетъ, но возрастаетъ, согласно сказанному, гораздо медленнѣе роста общественнаго капитала и общественнаго богатства).

«Капиталистическое накопленіе постоянно создаетъ, пропорціонально своей энергіи и своимъ размѣрамъ, относительное, т. е., для потребностей капитала въ самовозрастаніи, излишнее рабочее населеніе».

«Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе нищеты, мукъ, труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія на противоположномъ полюсѣ т. е. на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала». Законы капиталистическаго

производства вызываютъ образованіе избыточнаго населенія, которое, какъ свинцовая гиря, все глубже и глубже затягиваетъ рабочаго въ безвыходную трясину нищеты. «Рабочее населеніе, вмѣстѣ съ производимымъ имъ же самимъ накопленіемъ капитала, создаетъ въ возрастающихъ размѣрахъ средства, дѣлающія часть населенія избыточною. Это есть законъ народонаселенія, характерный для капиталистическаго способа производства; вообще, всякому особенному историческому способу производства свойственны особые законы народонаселенія, имѣющіе историческое значеніе. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растеній и животныхъ до тѣхъ поръ, пока они не подвергаются историческому вліянію человѣка».

Капиталистическое хозяйство по неизмѣннымъ экономическимъ, соціальнымъ (но не естественнымъ, физіологическимъ) законамъ порождаетъ избыточное населеніе, для котораго нѣтъ мѣста ни въ общественномъ трудѣ, ни въ общественномъ потребленіи, совершенно независимо отъ того, какимъ темпомъ идетъ размноженіе населенія. Это избыточное населеніе образуетъ промышленную резервную армію капитализма, безъ которой капиталистическій способъ производства, со свойственными ему періодическими сокращеніями и расширеніями производства, не могъ бы существовать. «Чѣмъ больше общественное богатство, чѣмъ значительнѣе функціонирующій капиталъ, размѣры и энергія его возрастанія, а, слѣдовательно, чѣмъ больше и абсолютная величина пролетаріата и производительная сила труда, тѣмъ больше промышленная резервная армія. Рабочая сила, готовая къ услугамъ капитала, развивается вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, что и сила расширенія капитала. Относительная величина промышленной резервной арміи возрастаетъ, слѣдовательно, вмѣстѣ съ силами общественнаго богатства. Но чѣмъ больше эта резервная армія въ сравненіи съ активной рабочей арміей, тѣмъ больше устойчивое перенаселеніе, а нужда его жертвъ обратно пропорціональна бремени ихъ труда. Наконецъ, чѣмъ больше инвалидовъ и пр.,—этихъ Лазарей рабочаго населенія,—и вообще чѣмъ значительнѣе вся промышленная резервная армія, тѣмъ больше офиціальный пауперизмъ. Это—абсолютный всеобщій законъ капиталистическаго накопленія».

Приведенныя цитаты изъ «Капитала» Маркса не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Марксъ и въ своемъ главномъ произведеніи стоялъ на почвѣ той же теоріи обнищанія рабочаго класса, которая была выражена имъ и въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». Правда, Марксъ горячо поддерживалъ въ «Капиталѣ» фабричное законодательство и видѣлъ въ законодательномъ ограниченіи рабочаго дня одну изъ важныхъ цѣлей рабочаго движенія; онъ привѣтствовалъ англійскій законъ о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, какъ великую побѣду англійскаго рабочаго класса. Можно привести кое-какія цитаты изъ «Капитала», въ которыхъ допускается возможность и повышенія уровня жизни рабочаго класса. Но основная точка зрѣнія Маркса иная, и всѣ противоположныя утвержденія его только лишній разъ свидѣтельствуетъ о противорѣчіяхъ автора «Капитала».

Теорія тяготѣнія заработной платы къ минимуму средствъ существованія пользовалась общимъ признаніемъ среди соціалистовъ первой половины XIX вѣка, а также и среди лучшихъ представителей буржуазной науки. Отъ тѣхъ и другихъ теорія эта была воспринята Лассалемъ и провозглашена имъ «желѣзнымъ закономъ заработной платы». И Лассаль былъ вполнѣ правъ, утверждая, что, настаивая на существованіи этого закона, онъ находится въ единомысліи съ лучшими соціальными мыслителями его времени.

II.

Со второй половины XIX вѣка происходитъ глубокая перемѣна въ условіяхъ жизни рабочихъ классовъ. Первые шаги капитализма повели къ значи-

тельному ухудшенію положенія рабочаго класса, но дальнѣйшіе успѣхи капиталистической промышленности пошли, въ нѣкоторой своей части, на пользу рабочимъ. Причины этой перемѣны были весьма сложны. Капиталистическій способъ производства повышаетъ производительность труда, и это является, само по себѣ обстоятельствомъ, благопріятствующимъ повышенію заработной платы. Но пока фабричное производство не играетъ въ странѣ господствующей роли, до тѣхъ поръ высокая производительность труда на фабрикѣ создаетъ тенденцію не къ повышенію, а къ пониженію заработковъ трудящихся классовъ населенія. Дѣло въ томъ, что фабрики конкурируютъ въ этомъ случаѣ съ различными формами мелкаго производства—ремесломъ, кустарнымъ производствомъ, домашней капиталистической промышленностью. Всякій успѣхъ машинной техники вызываетъ паденіе цѣны фабричнаго продукта, а благодаря этому падаетъ и цѣна конкурирующихъ продуктовъ ручного труда, слѣдствіемъ чего является сокращеніе заработковъ соотвѣтствующихъ группъ мелкихъ производителей. Пока эти конкурирующіе съ фабрикой мелкіе производители численно преобладаютъ, до тѣхъ поръ ростъ производительности труда въ сферѣ крупнаго машиннаго производства оказываетъ угнетающее вліяніе на экономическое положеніе массы населенія, остающагося при прежнихъ способахъ производства. Но и въ средѣ самихъ фабричныхъ работниковъ заработная плата въ этомъ періодѣ капиталистическаго развитія не можетъ существенно повышаться, такъ какъ разореніе мелкихъ производителей вызываетъ наплывъ рабочихъ на фабрики и этимъ сбиваетъ цѣну на рабочія руки.

Все это и наблюдалось въ руководящихъ капиталистическихъ странахъ Европы въ первую половину закончившагося вѣка. Въ концѣ концовъ, фабрика рѣшительно побѣдила; въ самыхъ важныхъ отрасляхъ промышленности она стала господствующей формой производства. Тогда положеніе перемѣнилось. Дальнѣйшее повышеніе производительности труда создало тенденцію къ повышенію заработной платы, такъ какъ общая сумма продукта, вырабатывавшагося рабочимъ и подлежащаго раздѣлу между нимъ и капиталистомъ, увеличилась.

Но для того, чтобы эта тенденція осуществилась въ дѣйствительности, требовалось, чтобы рабочій обладалъ силой удержать за собой хотя бы часть своего возросшаго трудового продукта. Безъ этого условія всѣ результаты повышенія производительности труда могли бы быть цѣликомъ конфискованы въ свою пользу предпринимателемъ.

Но и въ этомъ послѣднемъ отношеніи за послѣдніе полвѣка условія стали складываться для рабочаго класса гораздо благопріятнѣе, чѣмъ раньше.

Важнѣйшими факторами въ дѣлѣ увеличенія экономической мощи рабочаго класса явилось фабричное законодательство, рабочіе союзы и кооперативныя организаціи. Благодаря законодательному ограниченію рабочаго дня, былъ положенъ предѣлъ непомѣрному удлиненію рабочаго дня взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, а также привлеченію на фабрику дѣтей, что было однимъ изъ наиболѣе вопіющихъ золъ перваго періода капиталистическаго развитія. Благодаря этому не только увеличился необходимый для рабочаго досугъ, а слѣдовательно увеличилась и возможность наполнить этотъ досугъ умственной и общественной дѣятельностью, но и возросъ самый спросъ на рабочія руки, ибо при сокращеніи времени труда количество рабочихъ, требующихся для производства опредѣленной работы, должно было увеличиться. Въ этомъ направленіи дѣйствовали и профессіональныя организаціи рабочихъ—рабочіе союзы, которые, объединяя рабочихъ данной отрасли труда, чрезвычайно увеличивали ихъ соціальную мощь, какъ продавцевъ рабочей силы. Наконецъ, кооперативное движеніе освобождало рабочихъ, какъ потребителей, отъ власти лавочника. Все вмѣстѣ создало возможность для рабочаго класса гораздо

успѣшнѣе, чѣмъ раньше, отстаивать свои интересы въ борьбѣ съ капиталистическимъ предпринимателемъ.

Въ результатѣ получилось несомнѣнное улучшеніе экономическаго положенія массы трудящагося населенія. Теорія народнаго обнищанія была, какъ я указалъ, общепринятой въ 40-хъ годахъ; отъ этой теоріи было трудно отказаться людямъ, міровоззрѣніе которыхъ окончательно сложилось въ это время, и тогда, когда факты уже давно ее опровергли. Такъ, Марксъ до конца оставался ей, въ общемъ, вѣренъ, хотя въ «Капиталѣ» совершенно ясно звучитъ уже и другая нота—признаніе возможности улучшенія положенія рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго хозяйства,—нота, находящаяся въ рѣзкомъ диссонансѣ съ общей концепціей «Капитала».

Какъ бы то ни было, жизнь брала свое. Сперва буржуазные экомомисты рѣшительно отвергли теорію обнищанія. Затѣмъ за ними послѣдовали и соціалисты. Безнадежный взглядъ на будущность рабочаго класса при капиталистическомъ строѣ хозяйства не раздѣляется въ настоящее время почти ни кѣмъ. Теоретическій глава современнаго марксизма—Каутскій—выражаетъ въ своей книгѣ о Бернштейнѣ свое полное сочувствіе нижеслѣдующей характеристикѣ измѣненія положенія рабочаго класса съ конца 30-хъ годовъ (характеристика эта принадлежитъ Сиднею Веббу): «Значительная часть рабочаго класса,—говоритъ Веббъ,—сдѣлала со времени 1837 г. большіе успѣхи, другіе же слои рабочихъ сдѣлали меньшіе успѣхи или даже совсѣмъ не приняли участія въ общемъ прогрессѣ цивилизаціи и богатства. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и работы и установимъ уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то увидимъ, что по отношенію къ заработной платѣ, рабочему времени, жилищамъ и общей культурѣ доля живущихъ ниже этого уровня теперь меньше, чѣмъ была въ 1837 г. Но мы также найдемъ, что самый низшій уровень такъ же низокъ, какъ и раньше, и что общее число тѣхъ, кто живетъ ниже установленнаго нами уровня, въ настоящее время, вѣроятно, выше по своей абсолютной величинѣ, чѣмъ въ 1837 г.».

Въ своихъ послѣднихъ работахъ Каутскій рѣшительно отказался отъ теоріи обнищанія, которая лежала въ основаніи не только «Коммунистическаго Манифеста», но и «Капитала». Но у Каутскаго не хватило мужества открыто признаться въ этомъ, и онъ замаскировываетъ свой отказъ отъ названной теоріи путемъ внесенія въ нее новаго смысла. По толкованію Каутскаго, теорію обнищанія нужно понимать лишь какъ выраженіе тенденціи, а не положительнаго факта, и при томъ тенденціи не къ абсолютному пониженію уровня экономическаго благосостоянія рабочаго класса, а лишь къ относительному ухудшенію положенія рабочихъ сравнительно съ положеніемъ капиталистовъ Хотя положеніе рабочихъ и улучшается, но еще быстрѣе растутъ доходы богатыхъ классовъ. Поэтому контрастъ богатства и бѣдности не только не сглаживается новѣйшимъ развитіемъ капитализма, но скорѣе обостряется; хотя заработная плата абсолютно и повышается, но она понижается, какъ доля общаго трудового продукта,—доля капиталиста растетъ на счетъ доли рабочаго. Иными словами, степень капиталистической эксплоатаціи растетъ.

Растетъ и то, что Каутскій называетъ соціальной нищетой—несоотвѣтствіе между запросами рабочаго человѣка и возможностью удовлетворить этимъ запросамъ. Фактъ увеличенія нищеты въ этомъ послѣднемъ смыслѣ кажется Каутскому безспорнымъ, ибо «сами буржуа признаютъ ростъ нищеты въ соціальномъ смыслѣ, давая ему лишь иное названіе—требовательности рабочихъ. Но дѣло не въ названіи. Дѣло въ томъ, что несоотвѣтствіе между потребностями рабочаго и возможностью удовлетворенія этихъ потребностей при помощи получаемой рабочимъ заработной платы постоянно возрастаетъ... Соціальное обнищаніе растетъ, выражаясь въ болѣе медленномъ повышеніи уровня жизни

пролетаріата, сравнительно съ подъемомъ жизни буржуазіи... Возрастаетъ, и постоянно, не физическая, а соціальная нищета, а именно—противорѣчіе между культурными потребностями рабочаго и имѣющимися у него средствами для удовлетворенія этихъ потребностей; иными словами, масса продуктовъ, приходящихся на одного рабочаго, можетъ становиться больше, но доля рабочаго въ создаваемомъ имъ продуктѣ становится меньше».

Всѣ эти соображенія Каутскаго очень остроумны и, въ значительной своей части, правильны. Конечно, ростъ потребностей рабочаго далеко обгоняетъ ростъ заработной платы. Рабочій сознаетъ себя такимъ же полноправнымъ членомъ общества, какъ и капиталистъ; но такъ какъ капиталистъ лично не участвуетъ въ трудѣ производства, то рабочій требуетъ въ свою пользу весь свой трудовой продуктъ и не будетъ считать себя удовлетвореннымъ до тѣхъ поръ, пока не добьется осуществленія своего требованія.

Точно такъ же весьма возможно, что Каутскій правъ и въ другомъ своемъ утвержденіи, что эксплоатація труда владѣльцами средствъ производства въ новѣйшее время не падаетъ, а растетъ,—иначе говоря, что прибавочный трудъ, присваиваемый капиталистомъ, составляетъ все большую долю трудовой затраты рабочаго,—рабочій все больше и больше работаетъ на капиталиста. Это весьма возможно, но точныхъ доказательствъ для этого нѣтъ, такъ какъ статистика доходовъ еще слишкомъ несовершенна, чтобы возможно было сколько-нибудь точно разрѣшить такіе тонкіе и трудные вопросы. Во всякомъ случаѣ, улучшеніе положенія рабочаго класса вполнѣ совмѣстимо съ ростомъ ихъ эксплоатаціи капиталистическимъ классомъ.

Но въ чемъ Каутскій безусловно неправъ—это въ своемъ утвержденіи, будто развитая имъ теорія соціальнаго обнищанія есть не что иное, какъ истинная теорія Маркса. Нищета, о которой говоритъ Марксъ, отнюдь не есть „требовательность" рабочихъ,—такъ толкуетъ теорію обнищанія Каутскій,—и ростъ нищеты, въ смыслѣ Маркса, далеко не равносиленъ росту потребностей рабочаго класса. Ни о какомъ повышеніи потребностей рабочаго класса, съ точки зрѣнія авторовъ „Коммунистическаго Манифеста", не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ рабочій „становится пауперомъ, и пауперизмъ растетъ быстрѣе населенія".

Ростъ капиталистическаго богатства признается въ „Капиталѣ" равносильнымъ „накопленію нищеты, мукъ труда, рабства, невѣжества, одичанія и нравственнаго паденія" рабочаго класса. Языкъ Маркса во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ ясенъ и выразителенъ, что никакихъ сомнѣній не допускаетъ. Авторъ „Капитала" говорилъ не о тенденціяхъ, которыя могутъ и не осуществиться въ дѣйствительности, а о конкретныхъ законахъ капиталистическаго развитія, выражающихся въ реальныхъ историческихъ фактахъ. Марксъ былъ того мнѣнія, что чѣмъ могущественнѣе производительныя силы капитализма, тѣмъ острѣе и распространеннѣе не только соціальная, но и физическая нищета; болѣе того—рабочій не только низводится капиталистическимъ развитіемъ до положенія паупера, но онъ регрессируетъ въ физическомъ, умственномъ и моральномъ отношеніяхъ, онъ „вырождается", все болѣе погружается въ невѣжество и нравственное одичаніе. И если на ряду съ этимъ Марксъ высказывался и иначе, то все же основная его точка зрѣнія именно такова.

И если эту точку зрѣнія не рѣшается въ настоящее время поддерживать даже Каутскій, то это лишь доказываетъ ея полную несовмѣстимость съ фактами новѣйшаго соціальнаго развитія. Очевидно, теорія обнищанія, въ своемъ первоначальномъ видѣ, не можетъ быть поддерживаема ни однимъ серьзнымъ экономистомъ. Даже Каутскій долженъ признать, что „нельзя констатировать общаго увеличенія физической нищеты въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ; всѣ факты скорѣе говорятъ въ пользу того, что физическая нищета въ этихъ странахъ уменьшается, хотя крайне медленно и не повсемѣстно.

Уровень жизни работающихъ классовъ въ настоящее время выше, чѣмъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ".

Дѣйствительно, врядъ ли кто-либо рѣшится въ настоящее время отстаивать теорію обнищанія въ томъ видѣ, какъ она изложена въ „Коммунистическомъ Манифестѣ" и „Капиталѣ"; врядъ ли, напр., можетъ встрѣтить сочувствіе въ настоящее время съ чьей бы то ни было стороны (кромѣ развѣ людей совершенно противоположнаго лагеря) мнѣніе Маркса о растущемъ невѣжествѣ, нравственномъ одичаніи и вырожденіи рабочаго класса. Соціалдемократія всего менѣе можетъ защищать этотъ тезисъ, ибо эта защита была бы для нея самоубійственной и равносильной признанію безнадежности своего собственнаго дѣла: побѣда въ общественной борьбѣ не можетъ принадлежать классу, регрессирующему въ умственномъ, моральномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Сильнѣйшаго вѣнчаетъ побѣда, но не численно сильнѣйшаго, а сильнѣйшаго мужествомъ, энергіей, знаніемъ, самопожертвованіемъ, героизмомъ преданностью общимъ интересамъ. Вырождающіеся, одичавшіе, невѣжественные люди, каковыми рабочіе рисуются въ „Коммунистическомъ Манифестѣ", какъ бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы въ себѣ мужества для самоосвобожденія. Если бы теорія вырожденія рабочаго класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачныя соціальныя фантазіи иныхъ соціологовъ и романистовъ, предвидящихъ распаденіе человѣческаго общества на два вида, двѣ породы: господъ, владѣющихъ волей и знаніемъ, и рабовъ, превратившихся въ тупыхъ и покорныхъ домашнихъ животныхъ,— были бы самой вѣроятной картиной соціальнаго будущаго. Но, къ счастью, вся эта безнадежная теорія вырожденія большей части человѣческаго рода опровергнута фактомъ несомнѣннаго экономическаго, моральнаго и умственнаго подъема рабочаго класса въ новѣйшее время.

Итакъ, прогнозъ соціалистовъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ—ожиданіе роста бѣдности и нищеты массы населенія по мѣрѣ роста общественнаго богатства—оказался невѣрнымъ.

Иное нужно сказать о другой экономической доктринѣ соціалистовъ этой эпохи — теоріи концентраціи производства. Всѣ новѣйшіе факты промышленнаго развитія являются блестящимъ подтвержденіемъ этой теоріи. Правда, мелкое производство въ большинствѣ случаевъ не уменьшается по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ или даже медленно растетъ. Но по своему относительному значенію въ народномъ хозяйствѣ оно быстро падаетъ. Крупное производство растетъ повсемѣстно гораздо энергичнѣе мелкаго. Этотъ ростъ совершается частью за счетъ мелкаго производства, представители котораго разоряются и опускаются въ ряды пролетаріата, частью же ростъ крупной промышленности не препятствуетъ одновременному существованію мелкой промышленности. И, наконецъ, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ крупное производство, развиваясь и расширяя свои операціи, непосредственно содѣйствуетъ и росту мелкой промышленности, поставляя послѣдней новые матеріалы для обработки и удешевляя старые, создавая спросъ на продукты мелкой промышленности, предъявляя требованія на разныя работы, исполняемыя мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д., и т. д.

Въ результатѣ получается, какъ свидѣтельствуетъ промышленная статистика всѣхъ капиталистическихъ государствъ, быстрый ростъ крупнаго производства и значительно болѣе медленный ростъ, а иногда и упадокъ мелкаго производства, которое въ однѣхъ отрасляхъ промышленности уничтожается крупнымъ, а въ другихъ, куда еще не проникла машина, растетъ и развивается. Фабрика и заводъ энергично и неудержимо подвигаются впередъ, захватываютъ одну отрасль промышленности за другой, но такъ какъ одновременно съ этимъ для мелкой промышленности открываются новыя отрасли производства, то болѣе быстрый ростъ фабрично-заводской промышленности

иногда не препятствуетъ, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе медленному росту мелкаго производства.

Все сказанное можно подтвердить промышленной статистикой любой капиталистической страны.

Характернѣйшей чертой промышленнаго развитія передовыхъ капиталистическихъ странъ за послѣднія два десятилѣтія является гигантскій ростъ разнообразныхъ союзовъ крупнаго капитала. Время ожесточенной конкуренціи отдѣльныхъ капиталистическихъ предпріятій другъ съ другомъ проходитъ. Капиталисты научились отъ рабочихъ важности взаимнаго соглашенія, дѣйствія общими сплоченными силами. Ассоціаціи и союзы капитала, извѣстные подъ самыми разнообразными названіями, представляютъ собой всѣ переходныя формы, начиная отъ временнаго соглашенія нѣсколькихъ капиталистовъ для опредѣленной цѣли (напр., временнаго соглашенія относительно цѣны продаваемаго на опредѣленномъ рынкѣ въ опредѣленный моментъ товара) до полнаго сліянія многихъ независимыхъ предпріятій въ одно новое крупное предпріятіе, руководимое и управляемое по одному общему плану. Въ особенно гигантскихъ размѣрахъ этотъ процессъ объединенія и централизаціи капиталистическаго производства идетъ за послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ нѣкоторыя отрасли промышленности на протяженіи всей огромной страны уже почти цѣликомъ слились въ одно колоссальное капиталистическое предпріятіе. Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ подверглись объединенію въ такіе капиталистическіе конгломераты (трэсты) 8.664 прежнихъ самостоятельныхъ предпріятій съ капиталомъ въ 20 милліардовъ долларовъ (т. е. почти въ 40 милліардовъ рублей).

Но если по отношенію къ промышленности теорія концентраціи производства въ общемъ вполнѣ потверждается новѣйшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать о земледѣліи. Благодаря разнообразнымъ техническимъ и экономическимъ условіямъ (большей зависимости сельско-хозяйственнаго производства отъ природы, меньшей примѣнимости къ нему машины и раздѣленія труда, большаго значенія въ области сельской промышленности натуральнаго хозяйства и пр. и пр.), крупное сельско-хозяйственное производство отнюдь не представляетъ такихъ экономическихъ преимуществъ сравнительно съ мелкимъ, какъ крупное промышленное производство. Къ этому присоединяются различнаго рода соціальныя препятствія, съ которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы, о своеобразномъ «рабочемъ вопросѣ» крупнаго землевладѣнія—о недостаткѣ сельскихъ рабочихъ, бѣгущихъ изъ деревни въ городъ) и которыхъ не существуетъ для мелкой сельско-хозяйственной промышленности. Въ силу всѣхъ этихъ причинъ, останавливаться надъ которыми я не могу, въ сельскомъ хозяйствѣ не наблюдается ничего подобнаго централизаціи производства, которая такъ характерна для эволюціи промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупнымъ капиталистическимъ землевладѣніемъ, но даже растетъ въ большинствѣ случаевъ на счетъ этого послѣдняго.

Но это только ослабляетъ, а отнюдь не уничтожаетъ значенія теоріи концентраціи производства по отношенію къ цѣлому капиталистическаго хозяйства.

Въ своей интересной и содержательной книгѣ объ аграрномъ вопросѣ Каутскій рисуетъ яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всѣхъ капиталистическихъ странахъ процессъ подчиненія сельскаго хозяйства промышленности: промышленность завоевываетъ все болѣе господствующее положеніе въ народномъ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, промышленное населеніе быстро растетъ на счетъ земледѣльческаго. Сельское хозяйство повсемѣстно даетъ занятіе все меньшей и меньшей долѣ населенія. Опытъ всѣхъ странъ указываетъ на неизбѣжность этого процесса, приводящаго къ тому, что условія

существованія и развитія промышленности къ возрастающей степени опредѣляютъ направленіе развитія всего общественнаго хозяйства. Благодаря этому, особенности сельскохозяйственнаго развитія могутъ совершенно поглощаться преобладающимъ характеромъ промышленнаго развитія. Несмотря на раздробленіе земледѣльческаго производства, все общественное производство, въ цѣломъ, концентрируется; несмотря на ростъ крестьянскаго хозяйства, общая численность пролетаріата быстро растетъ, а число самостоятельныхъ производителей относительно падаетъ; несмотря на упадокъ капиталистическаго земледѣлія, капиталистическій способъ производства все болѣе подчиняетъ себѣ общественное хозяйство.

Отъ концентраціи производства слѣдуетъ строго отличать концентрацію дохода. Послѣднее далеко не является необходимымъ спутникомъ перваго. Мы видѣли, что въ общемъ производство стягивается во все болѣе и болѣе крупныя предпріятія, число которыхъ относительно количества находящихъ въ нихъ занятія рабочихъ падаетъ. Но наблюдается ли нѣчто подобное и въ сферѣ народнаго дохода - можно ли сказать, что народный доходъ, все болѣе и болѣе стягивается въ рукахъ уменьшающейся по своей численности кучки капиталистовъ-магнатовъ, какъ это думали фурьериты и Марксъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что національный доходъ распредѣленъ въ высшей степени неравномѣрно во всѣхъ капиталистическихъ обществахъ. Англійскій статистикъ Бакстеръ сдѣлалъ въ 1867 г. попытки выразить въ точныхъ цифрахъ распредѣленіе національнаго дохода въ Соединенномъ Королевствѣ. Оказалось, что въ этой богатѣйшей капиталистической странѣ лица, доходъ которыхъ превышаетъ 100 ф. с. (т. е. около 1.000 р.) въ годъ, сосредоточивали въ своихъ рукахъ больше половины всего національнаго дохода, а именно 408 мил. изъ 814 мил. ф. с. Число же этихъ лицъ превышало 1 милліонъ, въ то время какъ число лицъ, получавшихъ меньшій доходъ достигало $12^1/_2$ милліоновъ. Пролетаріатъ составлялъ около 80% всего населенія Соединеннаго Королевства, а его общій доходъ составлялъ около 40% національнаго дохода. Кучка же землевладѣльцевъ и капиталистовъ-магнатовъ, получающихъ больше 3.000 ф. с. дохода и составлявшихъ 1,7% населенія, получала почти столько же дохода, какъ и весь пролетаріатъ.

Таково было распредѣленіе національнаго дохода въ Англіи въ концѣ 60-хъ годовъ. Контрастъ между богатствомъ небольшой кучки крупныхъ собственниковъ и бѣдностью массы населенія выступалъ съ чрезвычайной яркостью. Марксъ думалъ, что распредѣленіе дохода въ Англіи предуказываетъ собой путь, по которому роковымъ образомъ должны итти и всѣ другія страны— и въ нихъ народный доходъ долженъ сосредоточиваться все больше и больше въ рукахъ сокращающейся по своей численности группы крупныхъ собственниковъ. Средніе же классы населенія должны падать, какъ по своей численности, такъ и по суммѣ сосредоточеннаго въ ихъ рукахъ дохода.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эти ожиданія не оправдались. Повсемѣстно быстро растетъ число очень крупныхъ собственниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и по численности и по своему доходу и средніе классы. За то падаютъ по своей относительной численности обширныя группы наиболѣе нуждающагося населенія. Въ общемъ, наблюдается медленное уменьшеніе нищеты низшихъ классовъ населенія, быстрый ростъ числа крупныхъ собственниковъ и доходовъ ихъ и устойчивость среднихъ классовъ общества.

Но хотя средніе классы дохода и сохраняютъ все свое значеніе, соціальный характеръ соотвѣтствующихъ группъ населенія глубоко мѣняется. Въ прежнее время средній классъ населенія слагался, главнымъ образомъ, изъ мелкихъ капиталистовъ и собственниковъ. Теперь же средніе классы общества усиленно пополняются лучше оплачиваемыми группами рабочихъ. Капиталистическое развитіе, въ своемъ новѣйшемъ фазисѣ, выдвигаетъ рабочую ар-

стократію, которая, по своему доходу, мало отличается отъ низшихъ группъ буржуазіи. Но замѣщеніе буржуазіи высшими группами рабочихъ есть пролетаризація населенія, которая, слѣдовательно, идетъ впередъ—все большая и большая доля населенія принуждается экономическимъ развитіемъ жить продажей своего труда,—идетъ впередъ концентрація производства, и капиталъ все больше и больше подчиняетъ себѣ общественное хозяйство.

Такимъ образомъ, не взирая на устойчивость среднихъ классовъ дохода, соціальные антагонизмы въ нѣдрахъ современнаго общества не сглаживаются, а растутъ: все большая часть населенія вовлекается процессомъ капиталистическаго развитія въ ряды рабочаго класса, общество все болѣе раскалывается на капиталистовъ и пролетаріевъ. И одновремено съ ростомъ экономическаго могущества капитала растетъ соціальная и политическая мощь рабочаго класса.

ГЛАВА III.

Пороки цивилизаціи и общая оцѣнка капиталистическаго хозяйства.

Кромѣ ученія о концентраціи производства, Фурье принадлежитъ другое замѣчательное ученіе—о порокахъ цивилизаціи.

Основнымъ недостаткомъ современнаго общественнаго строя, цивилизаціи, говоритъ Фурье, является незначительность общественнаго богатства, которое можетъ быть создано этимъ строемъ. Цивилизація частью не утилизируетъ имѣющихся уже общественныхъ производительныхъ силъ, частью прямо разрушаетъ ихъ. Цивилизація не удовлетворяетъ «первому требованію, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей соціальной организаціи—требованію созданія возможно большей суммы богатства».

При господствующей организаціи общества огромное количество человѣческой рабочей силы или пропадаетъ безъ всякой пользы для общества, или же прямо направляется къ разрушенію богатства. Цивилизованное общество состоитъ не менѣе, чѣмъ на $^2/_3$ изъ паразитовъ—непроизводительныхъ элементовъ. Такими паразитами являются:

1) *Домашніе паразиты*—женщины, дѣти и прислуга. Три четверти городскихъ женщинъ и половина деревенскихъ должны считаться непроизводительными, такъ какъ рабочая сила ихъ утилизируется крайне недостаточно домашнимъ хозяйствомъ. То же слѣдуетъ сказать «о трехъ четвертяхъ дѣтей, совершенно бесполезныхъ въ городахъ и мало полезныхъ въ деревнѣ», и «трехъ четвертяхъ домашней прислуги, работа которой вызывается лишь несовершенствомъ существующей общественной организаціи».

2) *Соціальные паразиты*: 1) военные всякаго рода: «армію держатъ безъ всякаго производительнаго дѣла, пока ея не употребятъ для дѣла разрушенія»; 2) «легіоны чиновниковъ и служащихъ по сбору податей»; 3) «добрая половина промышленныхъ рабочихъ, признаваемыхъ полезными, но относительно непроизводительныхъ, въ виду плохого качества изготовляемыхъ ими продуктовъ»; 4) «$^9/_{10}$ торговцевъ и служащихъ у нихъ»; 5) «$^2/_3$ участвующихъ въ транспортѣ по сушѣ и морю»; 6) «не имѣющіе занятій или работы, по какой бы то ни было причинѣ»; 7) «софисты и пустые болтуны»; 8) люди праздные, «такъ называемые comme il faut, проводящіе жизнь въ ничегонедѣланьи; сюда же входятъ и лакеи такихъ людей и вся ихъ прислуга»; 9) заключенные въ тюрьмахъ представляютъ собою классъ людей вынужденной праздности»; 10) и, наконецъ, всѣ выброшенные современнымъ обществомъ и находящіеся въ открытой враждѣ съ нимъ—мошенники, игроки,

публичныя женщины, нищіе, воры, разбойники и другіе враги общества, «число которыхъ нисколько не уменьшается и борьба съ которыми требуетъ содержанія полиціи и администраціи, одинаково непроизводительныхъ».

Къ числу соціальныхъ паразитовъ слѣдуетъ отнести и рабочихъ «отрицательнаго производства», служащаго не для удовлетворенія естественныхъ потребностей человѣка, а вызываемаго несовершенствомъ господствующей соціальной организаціи. Такимъ отрицательнымъ производствомъ является, напр., постройка стѣны, ограждающей садъ отъ воровъ, рубка лѣса, необходимаго для страны, уничтожаемаго жаднымъ собственникомъ, не думающимъ объ общихъ интересахъ, устройство нѣсколькихъ конкурирующихъ предпріятій, когда одного достаточно для удовлетворенія данной общественной потребности и пр., и. пр.

Итакъ, большую часть населенія современнаго государства Фурье относитъ къ числу непроизводительныхъ классовъ, нисколько не содѣйствующихъ, а иногда и препятствующихъ созданію общественнаго богатства. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе, что непроизводительными Фурье признаетъ почти всѣхъ служителей торговли.

Истинное назначеніе торговца должно было бы заключаться въ томъ, чтобы сближать производителя съ потребителемъ. Но исполняетъ ли торговецъ это свое назначеніе? играетъ ли онъ роль подчиненнаго агента производителя и потребителя? Далеко нѣтъ. Торговецъ эксплоатируетъ въ своихъ интересахъ господствующую хозяйственную анархію, дезорганизованность производства и подчиняетъ своему игу, какъ производство, такъ и потребленіе. Торговецъ, говоритъ Фурье, вредитъ обществу, облагая его въ свою пользу непомѣрной данью; онъ вредитъ обществу, отвлекая своихъ агентовъ отъ производительнаго труда; онъ вредитъ обществу, фальсифицируя продукты производства, чтобы такимъ путемъ устоять въ ожесточенной борьбѣ со своими собратьями— конкурентами. Торговецъ непосредственно разрушаетъ общественное богатство, умышленно задерживая продажу продуктовъ, съ цѣлью повышенія ихъ цѣны, или даже просто уничтожая эти продукты, чтобы сдѣлать ихъ болѣе рѣдкими. «Основной принципъ коммерческой системы — замѣчаетъ Фурье — принципъ предоставленія полной свободы торговцамъ, даетъ имъ абсолютное право собственности на продукты, которыми они торгуютъ; они получаютъ право изымать эти продукты изъ обращенія, прятать ихъ и даже сжигать, какъ многократно поступала Восточная компанія въ Амстердамѣ, публично сжигавшая огромные запасы пряностей, чтобы повысить такимъ путемъ ихъ цѣну; и то, что она дѣлала съ пряностями, она охотно бы сдѣлала и съ хлѣбомъ, если бы не боялась быть избитой камнями; она охотно сожгла бы часть хлѣба, чтобы продать остальную часть вчетверо дороже».

Торговецъ вредитъ обществу потерями, которое общество несетъ вслѣдствіе раздробленія обращенія товаровъ на тысячи мелкихъ магазиновъ и лавокъ, благодаря чему обороты товаровъ чрезвычайно усложняются и запутываются безъ всякой пользы для общества. Вредитъ онъ обществу и своими банкротствами, такъ какъ всякое банкротство затрагиваетъ интересы и всей той массы людей, которые находились въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ обанкротившимся торговцемъ. Всѣ эти банкротства неудачныхъ спекулянтовъ-торговцевъ обрушиваются своей тяжестью на производительное населеніе, особенно на промышленниковъ и ихъ рабочихъ, страдающихъ отъ кризисовъ, вызываемыхъ торговцами.

Торговецъ вредитъ обществу, вызывая своими спекуляціями колебанія товарныхъ цѣнъ и пользуясь этими колебаніями въ своихъ интересахъ въ ущербъ интересамъ потребителей и производителей, закупая у производителей товаръ по слишкомъ низкой цѣнѣ и продавая потребителямъ по цѣнѣ ненормально высокой.

Столь же вредно для общества отвлеченіе торговлей капиталовъ отъ промышленности и земледѣлія. Въ крупныхъ торговыхъ центрахъ на биржахъ скопляются огромные капиталы, преслѣдующіе исключительную цѣль торговой спекуляціи, ажіотажа.

Вообще же торговля чрезвычайно усложняетъ и запутываетъ процессъ производства и распредѣленія продуктовъ между различными классами общества. Одинъ и тотъ же продуктъ много разъ переходитъ изъ рукъ въ руки раньше, чѣмъ онъ достигаетъ потребителя. И при каждой такой передачѣ цѣна продукта возвышается, къ ней прибавляется новая и новая прибыль торговца, которую, въ концѣ концовъ, долженъ оплатить потребитель. Потребитель же платитъ и за всѣ расходы, которыхъ требуетъ излишнее передвиженіе продукта, его перемѣщеніе отъ одного торговца къ другому.

Въ виду этого, говоритъ Консидеранъ, «можно съ полнымъ основаніемъ признать торговый классъ, въ его настоящемъ видѣ, и сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ бы быть, не чѣмъ инымъ, какъ паразитомъ, котораго должны кормить производительные рабочіе, земледѣльцы и фабриканты, и вообще потребители, торговля—это вампиръ, сосущій богатство и кровь общественнаго тѣла, подъ предлогомъ помощи обращенію этихъ богатствъ и этой крови. Съ точки зрѣнія производителя, это корсаръ, требующій выкупа; съ точки зрѣнія потребителя, это паукъ, протягивающій свою паутину и высасывающій неосторожную муху. Сравненіе торговца съ паукомъ глубоко вѣрно: какъ въ домахъ и среди деревьевъ пауки раскидываютъ свою паутину, такъ и торговецъ выставляетъ свои товары на улицахъ и публичныхъ мѣстахъ; онъ раскидываетъ свою блестящую паутину, и когда муха въ ней запуталась, когда прохожій зашелъ купить товаръ, торговецъ появляется у своего прилавка. Осенью можно видѣть пауковъ, которые носятся по вѣтру, прицѣпившись къ своимъ тонкимъ паутинкамъ; такъ и странствующій торговецъ ходитъ по городамъ и деревнямъ въ поискахъ покупателя».

Историческая торговля выросла изъ грабежа и разбоя. Морской торговецъ древнихъ грековъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пиратомъ. И до настоящаго времени ни у одного класса общества не существуетъ такихъ растяжимыхъ понятій о чести, дозволенномъ и недозволенномъ, какъ у торговцевъ. Обманъ составляетъ и понынѣ почти неизмѣнную принадлежность торговли, показывая, что цивилизованный коммерсантъ нашего времени сохранилъ многія черты духовнаго сродства со своимъ отдаленнымъ предкомъ.

«Торговцы составляютъ въ соціальномъ строѣ сплоченную банду пиратовъ, стаю коршуновъ, терзающихъ земледѣліе и промышленность, и подчиняющихъ себѣ во всѣхъ отношеніяхъ соціальный организмъ. Это не можетъ быть поставлено въ вину имъ лично, такъ какъ они не понимаютъ зловредности своей профессіи; но если бы они даже и понимали ее, то можно ли какого либо врага общества обвинять за его дѣйствія, когда весь цивилизованный строй есть только игра мошенниковъ съ дураками» (Фурье).

Но, можетъ быть, самымъ безпощаднымъ осужденіемъ всего современнаго общества является то, что оно неизбѣжно порождаетъ обширный классъ отверженцевъ-преступниковъ, нищихъ, бродягъ, вообще людей, не только ничего не производящихъ, но прямо нападающихъ на общество и разрушающихъ его. Развѣ не на современный общественный строй падаетъ отвѣтственность за существованіе этого класса?

«Кто рѣшится утверждать — восклицаетъ Консидеранъ—что эти несчастныя созданія вышли бы такими, каковы они теперь, если бы они были поставлены въ благопріятныя условія жизни, если бы общество пребывало, по отношенію къ нимъ, съ самаго ихъ дѣтства, нѣжной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитаніе, достатокъ и интересную работу? Развѣ надъ этими существами тяготѣетъ проклятіе? Развѣ они рождены раз-

бойниками, негодяями, проститутками? Но если такъ, то въ чемъ же ихъ вина? А если это не такъ, то слѣдуетъ согласиться, что хорошая соціальная организація могла бы сдѣлать этихъ людей полезными обществу. Нужно не кричать противъ порока, преступленія, зла — уже много тысячъ лѣтъ мы слышимъ эти крики, и добродѣтель могла бы отъ нихъ охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественныя причины пороковъ, преступленій и уничтожить эти причины».

Такимъ образомъ, «первая порочная черта цивилизаціи — это колоссальная потеря человѣческой рабочей силы... созданіе безчисленныхъ легіоновъ непроизводительныхъ или разрушительныхъ общественныхъ элементовъ». Этого, однако, мало: цивилизація не умѣетъ утилизировать и тѣхъ немногихъ рабочихъ, которые заняты производительнымъ трудомъ.

Всѣмъ извѣстны выгоды, которыя проистекаютъ изъ производства въ крупныхъ размѣрахъ,—выгоды, зависящія, главнымъ образомъ, отъ раздѣленія труда, болѣе полнаго утилизированія рабочей силы, капитала и примѣненія машинъ. Но мелкое производство все еще существуетъ даже въ самыхъ передовыхъ странахъ. Особенно страдаетъ отъ этого земледѣліе. Во Франціи большая часть территоріи принадлежитъ мелкимъ хозяевамъ-крестьянамъ. Какую страшную растрату человѣческой силы представляетъ собою временное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняетъ всякія общія предпріятія, которыя нерѣдко необходимы для земледѣлія, какъ, напр., ирригація, дренированіе почвы, осушеніе болотъ и пр.

Если бы эти сотни мелкихъ участковъ были соединены въ одно крупное помѣстье, если бы вмѣсто этихъ сотенъ жалкихъ хижинъ было построено одно огромное зданіе, если бы вся земля обрабатывалась сообща, по одному общему плану и за общій счетъ, всѣми этими сотнями производителей, то можно ли сомнѣваться, что количество собираемыхъ продуктовъ возросло бы въ огромной степени и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населенію?

Еще очевиднѣе выгоды крупнаго производства въ промышленности; а такъ какъ и здѣсь мелкое производство еще далеко не исчезло, то, значитъ, во всѣхъ областяхъ хозяйства мы наблюдаемъ неспособность цивилизаціи утилизировать наилучшимъ образомъ производительныя силы общества.

Но раздробленность производства далеко не единственный недостатокъ господствующей организаціи хозяйства. Не меньшимъ зломъ является самый характеръ хозяйственной работы въ настоящее время. Она совершенно лишена привлекательности, человѣкъ соглашается исполнять ее только подъ вліяніемъ необходимости, нужды, голода, и, разумѣется, исполняетъ крайне плохо. Мы такъ привыкли къ этому, что считаемъ хозяйственный трудъ по самому существу чѣмъ-то тягостнымъ и непріятнымъ. Причина нашего отвращенія къ труду коренится, однако, не въ самомъ существѣ этого рода дѣятельности, а въ неудовлетворительной соціальной организаціи труда, въ тяжелой обстановкѣ хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи. Не видимъ ли мы, что люди добровольно, ради наслажденія дѣятельностью, берутъ на себя труды, далеко превосходящія затратой силы самый упорный хозяйственный трудъ. Охотникъ-любитель часто утомляетъ себя болѣе, чѣмъ любой наемный рабочій; однако, онъ не тяготится этимъ трудомъ. Почему же? Потому что трудъ соотвѣтствуетъ его влеченію, начинается и кончается по его желанію. Всякая работа непріятна, если она исполняется по принужденію; и, наоборотъ, всякій трудъ, въ томъ числѣ и хозяйственный, можетъ доставлять наслажденіе, если онъ не слишкомъ продолжителенъ, исполняется добровольно и соотвѣтствуетъ вкусамъ и способностямъ человѣка.

Непривлекательность хозяйственнаго труда при господствѣ цивилизаціи

зависитъ, слѣдовательно, отъ плохой организаціи хозяйства. Рабочій, работающій изъ-подъ палки, произведетъ, конечно, гораздо меньше, чѣмъ человѣкъ, наслаждающійся самымъ процессомъ труда и работающій съ увлеченіемъ. Итакъ, вотъ еще одинъ «порокъ цивилизаціи», приводящій къ уменьшенію общественнаго продукта.

Но перечень «пороковъ цивилизаціи» еще далеко не исчерпанъ. Всѣмъ извѣстно, насколько энергичнѣе трудъ собственника, чѣмъ трудъ наемнаго рабочаго. Цивилизація стоитъ передъ альтернативой: или трудъ собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваніями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупнаго производства съ преимуществами работы не по найму, а для себя, въ свою пользу, цивилизація оказалась не въ силахъ.

Затѣмъ, посмотримъ на весь хозяйственный организмъ цивилизаціи въ его цѣломъ. Единственною связью между отдѣльными хозяйствами является товарный обмѣнъ, въ области котораго царитъ такъ называемая свободная конкуренція. Никакого общаго плана общественнаго производства не существуетъ; каждый заботится только о себѣ и не заботится объ остальныхъ. Въ результатѣ получается не гармонія интересовъ, какъ утверждаютъ экономисты, а ожесточенная война всѣхъ противъ всѣхъ, обогащеніе однихъ насчетъ другихъ, разореніе неудачныхъ предпринимателей, банкротства, принимающія массовой характеръ во время торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочіе терпятъ неслыханныя лишенія.

Все это даетъ право придти къ заключенію, что «господствующая форма общественнаго устройства противорѣчитъ общимъ интересамъ, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ; она истощаетъ и убиваетъ общественный организмъ... И однако, дѣло не въ недостаткѣ средствъ для достиженія лучшаго: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машинъ, искусствъ и наукъ, мускулистыхъ рукъ и мысли человѣка находятся въ распоряженіи общества. Весь вопросъ сводится къ лучшей организаціи производства. Нужно ее найти, эту организацію, и испробовать на опытѣ. Это великій вопросъ судебъ человѣчества, вопросъ спасенія или гибели, богатства или нищеты, быть можетъ, жизни или смерти современнаго человѣчества».

Итакъ, мы нашли причины ничтожества общественнаго богатства даже у самыхъ богатыхъ народовъ нашего времени. Причины эти всецѣло коренятся въ господствующей соціальной организаціи. Она сковываетъ производительныя силы общества, превращаетъ большую часть населенія въ паразитовъ, а остальной, производительной части не даетъ возможности вполнѣ использовать свои силы, создающія, такимъ образомъ, только ничтожную долю богатства, которое могло бы произвести общество при лучшей организаціи. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ бѣдность должна быть, даже при самомъ справедливомъ распредѣленіи общественнаго дохода, неизбѣжнымъ удѣломъ человѣчества.

Но несмотря на такую суровую оцѣнку существующей хозяйственной системы, Фурье вполнѣ понимаетъ, насколько капитализмъ, какъ система созданія богатства, стоитъ выше всѣхъ предшествующихъ хозяйственныхъ системъ. «Цивилизація есть важная ступень въ лѣстницѣ движенія общества, такъ какъ цивилизація создала средства для осуществленія будущаго строя, ассоціаціи: она создала крупное производство, науки и искусства. Только пользуясь этими средствами возможно подняться выше по соціальной лѣстницѣ, не остаться навсегда въ этой пропасти нищеты и нелѣпости, именуемой цивилизаціей».—Цивилизація преобразовала технику производства, поставивъ ее на научную почву.

Въ предѣлахъ цивилизаціи наблюдается развитіе новаго строя. Собственность мѣняетъ свою форму «изъ индивидуальной, простой и исключительной,

она становится акціонерной, сложной и общественной». Производство становится общественнымъ, благодаря поглощенію мелкаго производства крупнымъ. Такимъ образомъ, создаются элементы строя будущаго, ассоціаціи.

Вся послѣдующая соціалистическая литература прибавила весьма мало существенно новаго къ блестящей картинѣ пороковъ цивилизаціи, которую рукой великаго мастера набросалъ Фурье. Вообще Фурье является, по силѣ ума, однимъ изъ самыхъ геніальныхъ соціальныхъ мыслителей, какихъ только знаетъ исторія. Правда, краски наложены въ картинѣ Фурье слишкомъ густо—въ особенности, это нужно сказать относительно его характеристики торговли. Подвергая такому безпощадному осужденію торговлю, называя ее паразитомъ, вампиромъ, паукомъ, Фурье далъ просторъ своему моральному чувству негодованія противъ обычныхъ пріемовъ торговли, которые онъ слишкомъ хорошо зналъ по личному опыту.

Но экономистъ никакъ не можетъ стать въ данномъ случаѣ на точку зрѣнія Фурье. Соціальный типъ крупнаго торговца мало отличается отъ соціальнаго типа всякаго другого крупнаго капиталистическаго предпринимателя. Торговля исполняетъ такую же необходимую функцію въ механизмѣ капиталистическаго хозяйства, какъ и промышленность: безъ обмѣна продуктовъ было бы невозможно въ капиталистическомъ обществѣ и ихъ производство.

Торговецъ, слѣдовательно, не паразитъ, а необходимое колесо современнаго хозяйственнаго механизма. Но гипертрофія торговли, чрезмѣрное развитіе ея насчетъ другихъ отраслей общественнаго хозяйства—а тенденція къ этому глубоко заложена въ капиталистической системѣ—есть несомнѣнное зло, и въ этомъ Фурье совершенно правъ. Правъ онъ и въ томъ, что, какія бы услуги обществу ни оказывала торговля, плата, которую она требуетъ за эти услуги, непомѣрно высока.

Новѣйшее промышленное развитіе характеризуется стремленіемъ къ созданію болѣе прямыхъ, непосредственныхъ сношеній производителей съ потребителями, минуя услуги торговца. Розничнаго, а отчасти и оптоваго торговца, стремятся, вытѣснить—и весьма успѣшно—разнаго рода кооперативныя организаціи потребителей. Въ литературѣ кооперативнаго движенія, непосредственно направленнаго противъ капиталистической торговли, и до настоящаго времени можно встрѣтить разсужденія и декламаціи, проникнутыя духомъ Фурье. Многимъ фанатикамъ коопераціи торговецъ и нынѣ рисуется въ образѣ паука или вампира.

Конечный идеалъ кооператоровъ — это установленіе прямыхъ сношеній между производителями и потребителями, при полномъ устраненіи торговца.

Въ томъ же направленіи идетъ промышленное развитіе новѣйшаго времени и независимо отъ кооперативныхъ организацій. Концентрація производства и сліяніе отдѣльныхъ небольшихъ предпріятій въ гигантскія ассоціаціи капитала приводитъ къ тому, что эти ассоціаціи получаютъ возможность устранить торговое посредничество въ пріобрѣтеніи нужнаго для нихъ сырья, непосредственно получая его отъ производителей. Вообще, въ сферѣ самаго крупнаго капиталистическаго производства, какъ напр., въ области приготовленія крупныхъ машинъ, рельсовъ, желѣзнодорожныхъ принадлежностей, кораблестроенія и т. д. и т. д. работа на заказъ является общимъ правиломъ.

Торговое посредничество утрачиваетъ, такимъ образомъ, свое прежнее значеніе—и это, конечно, большой выигрышъ для общества, большая экономія общественныхъ силъ. Но такъ какъ, на ряду съ этимъ, идетъ процессъ развитія мѣнового хозяйства, все большее и большее исчезновеніе натуральнаго хозяйства, то, въ общемъ, роль торговли въ современномъ хозяйствѣ, несмотря на указанныя тенденціи, ограничивающія ея значеніе, не падаетъ, а быстро

растетъ, что доказывается, между прочимъ, быстрымъ ростомъ числа лицъ, занятыхъ въ различныхъ операціяхъ торговли.

Списокъ «пороковъ цивилизаціи», развернутый Фурье, особенно поучителенъ потому, что онъ доказываетъ, какимъ глубокимъ заблужденіемъ является обычное опасеніе, что соціалистическій строй долженъ создать всеобщее равенство бѣдности. Это заблужденіе покоится на непониманіи, какая ничтожная доля производительныхъ силъ, которыми располагаетъ общество, утилизируется имъ въ настоящее время. Конечно, въ перечисленіи Фурье различныхъ категорій «соціальныхъ паразитовъ» всѣ цифры совершенно произвольны и сами по себѣ никакого значенія не имѣютъ. Утверждая, что, по крайней мѣрѣ, $^2/_3$ населенія являются такими паразитами, живущими насчетъ труда остальной трети, Фурье не исходилъ ни изъ какихъ статистическихъ данныхъ. Но если это утвержденіе и невѣрно, то скорѣе въ сторону уменьшенія, чѣмъ увеличенія истиннаго числа «соціальныхъ паразитовъ». Во Франціи считаютъ не болѣе 12 милліоновъ непосредственныхъ производителей при населеніи въ 38 милліоновъ, въ Англіи менѣе 8 милліоновъ при населеніи въ 26 милліоновъ, въ Германіи въ земледѣліи и промышленности въ 1895 г. было занято около $16^1/_2$ милліоновъ при почти 52 мил. населенія; но не нужно забывать, что изъ всѣхъ этихъ непосредственныхъ производителей очень многіе являются, въ смыслѣ Фурье, соціальными паразитами.

II.

По грандіозности общей концепціи законовъ развитія современнаго хозяйственнаго строя съ Фурье можетъ сравниться изъ всѣхъ послѣдующихъ соціалистовъ только Марксъ.

Путемъ обобщенія реальныхъ фактовъ историческаго развитія, Марксъ попытался выяснить, въ какомъ направленіи идетъ движеніе современнаго общества, какія новыя общественныя формы съ желѣзной необходимостью вырастаютъ изъ нѣдръ стараго общества. При этомъ Марксъ естественно исходилъ изъ своей философіи исторіи—изъ доктрины соціальнаго матеріализма, признающей основнымъ и рѣшающимъ моментомъ соціальнаго прогресса развитіе матеріальныхъ условій хозяйственнаго труда. Если хозяйственное развитіе опредѣляетъ собой все остальное, то нарожденіе новаго общественнаго строя должно быть результатомъ закономѣрной эволюціи формы хозяйства, господствующей въ настоящее время. Таковой является капитализмъ. Отсюда получается выводъ, что движущія силы грядущаго соціальнаго преобразованія должны быть созданы развитіемъ капиталистическаго хозяйства.

Капиталистическій способъ производства отмѣчаетъ собой новѣйшій фазисъ въ прогрессивномъ развитіи человѣчества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, основывавшееся на крѣпостныхъ отношеніяхъ—съ другой. Обѣ эти формы производства, съ чисто технической стороны, стоятъ несравненно ниже капитализма. Капитализмъ сыгралъ въ высшей степени прогрессивную роль въ исторіи человѣчества, съ чрезвычайной быстротой двинувъ впередъ развитіе производительныхъ силъ общества.

Но капиталистическая система заключала въ себѣ внутреннія, неустранимыя противорѣчія, которыя ведутъ капиталистическое хозяйство къ неизбѣжно предстоящему ему превращенію въ высшую форму. На почвѣ этихъ противорѣчій происходятъ періодическіе промышленные кризисы.

Капиталистическая промышленность принуждена съ роковой неизбѣжностью повторять одинъ и тотъ же циклъ развитія: за спокойнымъ состояніемъ идетъ оживленіе промышленности, затѣмъ слѣдуетъ промышленная горячка, неизбѣжно заканчивающаяся крахомъ и кризисомъ, послѣ котораго та же исторія начинается сызнова.

«Какъ небесныя тѣла, будучи разъ приведены въ извѣстное движеніе, неизмѣнно повторяютъ его, такъ и общественное производство, разъ оно брошено въ это движеніе поперемѣннаго расширенія и сокращенія, также постоянно повторяетъ его... До настоящаго времени періодъ этихъ цикловъ составляетъ 10—11 лѣтъ, но нѣтъ никакого основанія считать эту величину постоянной. Наоборотъ, на основаніи законовъ капиталистическаго производства слѣдуетъ предположить, что она измѣняется, и что продолжительность цикловъ будетъ постепенно сокращаться».

Такимъ образомъ, Марксу рисуется въ будущемъ хроническій кризисъ, который совершенно остановитъ движеніе капиталистическаго производства и этимъ нанесетъ смертельный ударъ всему капиталистическому строю.

«Современное буржазное общество, создавшее такія могущественныя средства производства и сообщенія, походитъ на волшебника, который не можетъ совладать съ подземными силами, вызванными имъ самимъ. Уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ исторія промышленности и торговли есть исторія возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ отношеній производства, противъ современныхъ отношеній собственности, которыя суть условія жизни и господства буржуазіи... Производительныя силы, которыя находятся въ распоряженіи общества, не могутъ болѣе содѣйствовать развитію буржуазныхъ отношеній собственности; наоборотъ, онѣ становятся слишкомъ могущественными для этихъ отношеній, онѣ связываются послѣдними; преодолѣвая эти узы, производительныя силы приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, подвергаютъ опасности самое существованіе буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія становятся слишкомъ узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Какимъ путемъ преодолѣваетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны, путемъ насильственнаго уничтоженія массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, путемъ захвата новыхъ рынковъ и болѣе глубокаго использованія старыхъ. Другими словами, путемъ приготовленія новыхъ и болѣе могущественныхъ кризисовъ и путемъ сокращенія средствъ борьбы съ этими кризисами. Такимъ образомъ, оружіе, которымъ буржуазія повергла въ прахъ феодализмъ, обращается теперь противъ самой буржуазіи».

Итакъ, чисто экономическія силы, заложенныя въ капиталистической организаціи общественнаго хозяйства, влекутъ ее съ роковой необходимостью къ превращенію въ высшую хозяйственную форму. Рядомъ съ этими слѣпыми, стихійными силами хозяйственной эволюціи дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и сознательныя, соціальныя силы, порождаемыя тѣмъ же процессомъ капиталистической эволюціи. Капитализмъ не только приходитъ къ экономическому конфликту, неразрѣшимому на почвѣ существующей организаціи хозяйства и требующему обобществленія средствъ производства, но тотъ же капитализмъ создаетъ и общественный классъ, непосредственно заинтересованный въ такомъ обобществленіи. Этимъ классомъ является пролетаріатъ.

Огромную историческую заслугу капитализма составляетъ вызванный новымъ способомъ производства гигантскій подъемъ производительности общественнаго труда. Но чѣмъ выше подымается общественное богатство, тѣмъ ниже падаетъ тотъ, кто создаетъ это богатство—рабочій!

Къ чему же должно привести накопленіе нищеты, сопутствующее росту богатства, ростъ пролетаріата, все болѣе погружающагося въ пауперизмъ, по мѣрѣ того, какъ сокращающаяся группа капиталистовъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все болѣе колоссальныя средства производства? Сопротивленіе пролетаріата увеличивается, условія производства все болѣе объединяютъ и дисциплинируютъ его. «Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются». Капиталистическій способъ производства есть первое отрицаніе частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ.

«Но капиталистическое производство создаетъ съ необходимостью естественнаго процесса свое собственное отрицаніе. Это—отрицаніе отрицанія. Оно возстановляетъ не частную собственность, но индивидуальную собственность на основѣ всѣхъ пріобрѣтеній капиталистической эры, на основѣ кооперацiи и общественнаго владѣнія землей и средствами производства».

Такова общая схема развитія соціалистическаго строя изъ нѣдръ капиталистическаго, данная Марксомъ. Но какъ ни геніальна эта схема, дѣйствительность далеко не вполнѣ совпадаетъ съ ней. Такъ, отнюдь не наблюдается, какъ я уже говорилъ, сокращенія кучки капиталистовъ-магнатовъ при одновременномъ ростѣ народной нищеты. Не оправдалось, далѣе, ожиданіе Маркса, что кризисы будутъ сближаться между собой, что должно завершиться хроническимъ кризисомъ, который сдѣлаетъ дальнѣйшее существованіе капиталистическаго способа производства невозможнымъ. Мнѣ уже приходилось неоднократно доказывать въ печати несостоятельность этого взгляда, опровергаемаго и фактами новѣйшей исторіи кризисовъ и здравой теоріей. Развитіе капитализма не создаетъ никакихъ новыхъ затрудненій для сбыта продуктовъ капиталистической промышленности. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что капитализмъ когда-либо умретъ естественной смертью: онъ будетъ разрушенъ сознательной волей человѣка, разрушенъ тѣмъ классомъ общества, который эксплоатируется капиталомъ—пролетаріатомъ.

Вообще, во всей марксовой схемѣ развитія соціалистическаго строя изъ нѣдръ капиталистическаго замѣчается несомнѣнная двойственность конструкціи. Съ одной стороны, Марксъ всѣми силами старается доказать, что процессъ превращенія капиталистическаго строя въ соціалистическій имѣетъ стихійный, неотвратимый характеръ. Капитализмъ, по неизбѣжнымъ законамъ экомическаго развитія, долженъ самъ себя разрушить, каково бы ни было отношеніе къ этому процессу самого человѣка, организованныхъ общественныхъ классовъ. Съ другой же стороны, Марксъ настаиваетъ, что разрушеніе капиталистической системы и созданіе на ея мѣстѣ соціалистической организаціи хозяйства должно быть сознательнымъ дѣломъ одного общественнаго класса—пролетаріата. Но если, дѣйствительно, экономическое развитіе, помимо всякаго участія человѣческаго сознанія, ведетъ къ торжеству соціализма, то зачѣмъ рабочему классу принимать участіе въ общественной борьбѣ и затрачивать свои силы на достиженіе того, что все равно неизбѣжно произойдетъ?

Тутъ есть, конечно, нѣкоторое глубокое противорѣчіе, заложенное въ самыхъ основахъ общественной философіи Маркса. Авторъ «Капитала» преувеличивалъ значеніе стихійной стороны историческаго процесса и не понималъ всей огромной творческой роли въ этомъ процессѣ живой человѣческой личности. И поэтому, какъ ученый и мыслитель, какъ объективный изслѣдователь, онъ всегда стремился выдвинуть на первый планъ исторической сцены стихійныя силы экономическаго развитія.

Но Марксъ былъ не только мыслителемъ и объективнымъ изслѣдователемъ: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ общественнымъ борцомъ, исполненнымъ ненависти къ существующему общественному строю. Онъ былъ революціонеромъ и посвятилъ всю свою жизнь на дѣло революціи. Онъ былъ человѣкомъ не только холодной мысли, но и непоколебимой воли, мощнаго дѣйствія. И такого же мощнаго дѣйствія онъ потребовалъ и отъ другихъ. А для этого мыслитель долженъ былъ сходить съ высотъ созерцанія и призывать людей къ борьбѣ за свои интересы.

Вопросъ о роли стихійнаго экономическаго развитія и сознательнаго общественнаго воздѣйствія, общественной борьбы, въ осуществленіи соціалистическаго строя рѣшается для меня такимъ образомъ. Конечно, экономическое развитіе является необходимымъ условіемъ побѣды новаго строя, оно подготовляетъ почву для новой системы хозяйства, создаетъ ея необходимыя

экономическія предпосылки, а также организовываетъ и ту силу, которой выпадаетъ рѣшающая роль въ борьбѣ—пролетаріатъ. Во всемъ этомъ спорить съ Марксомъ не приходится. Но для торжества общества будущаго недостаточно стихійнаго экономическаго процесса: послѣдній долженъ быть дополненъ сознательнымъ воздѣйствіемъ человѣка на историческую форму своего общежитія. Только сознательная воля человѣка, опирающаяся на объективный процессъ экономическаго развитія, можетъ создать новую систему хозяйства.

Марксъ, такъ же какъ и Фурье, видѣлъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ огромный шагъ впередъ сравнительно со всѣми предшествующими хозяйственными системами. Но въ отличіе отъ Фурье, Марксъ не далъ анализа тѣхъ препятствій, которая капиталистическая система хозяйства создаетъ для использованія общественныхъ производительныхъ силъ. Между тѣмъ, этотъ пунктъ крайне важенъ для критической оцѣнки капитализма.

Когда Фурье обѣщалъ удесятерить общественное богатство путемъ замѣны анархической свободы капитализма планомѣрной организаціей труда въ крупной земледѣльческо-промышленной ассоціаціи, то это могло казаться чистой фантазіей. Пожалуй, у Фурье это и было фантазіей. Фаланстеръ былъ слишкомъ ничтожнымъ средствомъ для достиженія такого результата. Но далеко не фантазія, что капиталистическая система хозяйства заключаетъ въ себѣ самой условія, задерживающія ростъ производительныхъ силъ общества и дѣлающія невозможнымъ болѣе полное использованіе послѣднихъ.

Организмъ капиталистическаго хозяйства представляетъ собой сложный конгломератъ частныхъ самостоятельныхъ хозяйственныхъ организмовъ, отдѣльныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собой обмѣномъ. Каждое изъ этихъ частныхъ хозяйствъ обладаетъ извѣстной автономностью въ своей сферѣ. Каждый отдѣльный предприниматель, каждый отдѣльный хозяинъ можетъ дѣлать и предпринимать, что ему угодно, не встрѣчая никакого запрета, но и никакой помощи, никакого указанія и поддержки со стороны общественнаго цѣлаго. Все вмѣстѣ, все общественное хозяйство въ цѣломъ совершенно лишено какого бы то ни было разумнаго плана. Слѣпыя силы историческаго развитія и господствующія въ обществѣ отношенія власти и зависимости опредѣляютъ, какъ размѣщеніе населенія по территоріи страны, такъ и существующія въ странѣ формы хозяйства. Поэтому эти послѣднія въ высшей степени разнообразны. Во всякой странѣ, не исключая и самыхъ передовыхъ, мы наблюдаемъ въ огромномъ количествѣ такіе типы промышленныхъ предпріятій, которые безусловно осуждены промышленнымъ развитіемъ на гибель, въ виду низкаго уровня допускаемой ими производительности труда, но которые всетаки упорно продолжаютъ существовать и отмираютъ лишь съ крайней медленностью.

Такъ, въ области промышленности преимущества машиннаго и вообще крупнаго производства передъ мелкимъ прямо колоссальны. И, тѣмъ не менѣе, мелкое промышленное производство упорно продолжаетъ существовать и даже растетъ.

Конечно, существуютъ отрасли труда, въ которыхъ мелкое производство технически вполнѣ раціонально и должно сохраниться надолго и даже навсегда—напр., разныя отрасли художественной промышленности и т. п. Но эти отрасли промышленности даютъ занятіе лишь ничтожному количеству мелкихъ производителей; главная же масса послѣднихъ занята такими работами, которыя могли бы съ несравненно большимъ техническимъ успѣхомъ исполняться при помощи машины. Но машины не проникаютъ въ эту область въ силу соціальныхъ условій существующаго строя хозяйства и, прежде всего, въ силу крайне низкой оплаты труда, которой принуждены довольствоваться домашніе рабочіе.

Низкая заработная плата является, вообще, однимъ изъ главныхъ пре-

пятствій къ поднятію производительности труда и распространенію машины. Въ томъ же направленіи вліяютъ и другія соціальныя условія капитализма. Такъ, напр., въ центрѣ капиталистическаго міра, въ Англіи, за послѣдніе годы наблюдалось въ нѣкоторыхъ отрасляхъ изготовленія предметовъ одежды на первый взглядъ непонятное явленіе: разложеніе крупнаго производства, замѣна машинной работы на фабрикахъ ручной работой на дому. Объяснялось это тѣмъ, что высокія санитарныя и иныя требованія, предъявлявшіяся, въ интересахъ рабочихъ, фабричными инспекторами фабрикантамъ, заставили этихъ послѣднихъ перейти къ раздачѣ работы на дома, такъ какъ при домашней работѣ капиталистическая эксплоатація труда не встрѣчаетъ никакого посторонняго вмѣшательства и можетъ свободно развиваться до крайнихъ предѣловъ.

При господствѣ частнохозяйственной системы техническій прогрессъ идетъ мимо огромной части общественнаго производства, совершенно ее не задѣвая. Что пользы въ техническихъ изобрѣтеніяхъ, если огромная часть человѣчества—во многихъ странахъ большинство населенія—продолжаетъ работу при помощи такихъ же примитивныхъ орудій производства, какія употребляли ихъ отдаленные предки? Соха, ручная прялка, ручной ткацкій станокъ, все еще занимаютъ во многихъ странахъ прочное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ.

Итакъ, въ предѣлахъ отдѣльныхъ, частныхъ хозяйствъ мы замѣчаемъ въ настоящее время крайне несовершенное использованіе техническихъ силъ, которыми располагаетъ общество. Но все же здѣсь замѣчается значительный прогрессъ: болѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи предпріятія, въ общемъ, быстро растутъ, и, если не абсолютно, то относительно замѣщаютъ менѣе совершенныя предпріятія. Крупное производство занимаетъ все больше господствующее положеніе въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Но все капиталистическое хозяйство, въ цѣломъ, продолжаетъ оставаться неорганизованнымъ, стихійнымъ. Тутъ почти никакого прогресса не замѣчается, такъ какъ соединеніе капиталистовъ въ картели не уничтожаетъ конкуренціи между картелями и, несмотря на картели, національное производство, въ цѣломъ, остается неорганизованнымъ. Не существуетъ никакой руководящей и направляющей власти для согласованія между собой дѣйствій отдѣльныхъ автономныхъ хозяйственныхъ единицъ, изъ которыхъ слагается общественное хозяйство капитализма. Между тѣмъ, при существованіи обмѣна, положеніе каждаго отдѣльнаго хозяйства связано самымъ дѣйствительнымъ образомъ съ положеніемъ другихъ. Слѣдствіемъ этого является непрерывное давленіе, которое хаотичное состояніе капиталистическаго обмѣна оказываетъ на ростъ общественнаго производства въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Это невидимое, но вполнѣ реальное давленіе есть одно изъ главныхъ задерживающихъ условій развитія общественныхъ производительныхъ силъ при системѣ капитализма.

Центральной силой, управляющей движеніемъ капиталистической промышленности, является рынокъ. Именно черезъ посредство рынка и чувствуется капиталистическимъ міромъ давленіе, оказываемое неорганизованностью общественнаго обмѣна на ростъ общественнаго производства. Техническія силы современной промышленности такъ громадны, что производство всякой капиталистической страны могло бы въ короткое время чрезвычайно возрасти. Это доказывается лучше всего тѣми поразительными скачками, которые капиталистическое производство дѣлаетъ въ эпохи торговопромышленнаго оживленія.

Растутъ, какъ грибы, фабрики, заводы, всевозможныя новыя промышленныя и торговыя предпріятія, застраиваются домами цѣлые городскіе кварталы, въ Новомъ Свѣтѣ выростаютъ цѣлые города: словно какой-то волшебный

золотой дождь падаетъ на страну и пробуждаетъ спящія въ ней производительныя силы, грандіозность которыхъ поражаетъ всѣхъ!

Но такое возбужденіе длится всегда недолго. Проходитъ 3—4 года, и слѣдуетъ кризисъ, крахи, банкротства, застой промышленности и общій упадокъ. Таковъ неизмѣнный ходъ капиталистической промышленности, ея правильная пульсація, слагающаяся изъ смѣны періодовъ оживленія и застоя. Почему же промышленное оживленіе всегда бываетъ такъ непродолжительно и неизмѣнно приводитъ къ застою?

Непосредственной причиной промышленнаго кризиса всегда является паденіе товарныхъ цѣнъ—невозможность найти сбытъ, рынокъ для производимыхъ товаровъ по выгоднымъ цѣнамъ. Промышленный подъемъ останавливается не потому, чтобы капиталистическое общество было не въ силахъ произвести большее количество продуктовъ, а потому, что оно не въ силахъ эти продукты потребить, переварить, несмотря на то, что огромное большинство населенія страдаетъ отъ недостатка предметовъ потребленія.

Такимъ образомъ, именно неорганизованность капиталистическаго обмѣна связываетъ капиталистическую промышленность и не даетъ ей возможности развиваться такъ быстро, какъ это допускается чисто техническими условіями производства. Именно въ этомъ—въ соціальномъ строѣ капитализма—и лежитъ основная причина сравнительной ничтожности общей суммы національнаго богатства даже въ наиболѣе богатыхъ странахъ капиталистическаго міра. Можетъ ли быть національное богатство велико, когда втеченіе всего закончившагося столѣтія за каждымъ кратковременнымъ подъемомъ промышленности обязательно слѣдовалъ, нерѣдко гораздо болѣе продолжительный упадокъ, когда за послѣднее тридцатилѣтіе число неблагополучныхъ лѣтъ для промышленности значительно превосходило число благополучныхъ?

Характерной особенностью капиталистической системы хозяйства является постоянная наличность болѣе или менѣе многочисленнаго класса безработныхъ—людей, желающихъ и способныхъ работать, но не находящихъ работы.

Въ періоды кризисовъ число этихъ безработныхъ очень увеличивается, во время промышленнаго подъема значительно сокращается, но никогда не исчезаетъ совершенно. Что же создаетъ эту постоянную, хотя и колеблющуюся по своимъ размѣрамъ безработицу? Опять таки, не естественныя, техническія условія производства. Нѣтъ недостатка въ орудіяхъ труда для всѣхъ безработныхъ, нѣтъ недостатка въ матеріалѣ для обработки и нѣтъ недостатка въ потребностяхъ, которыя могли бы быть удовлетворены при помощи изготовленныхъ продуктовъ. Почему же люди не находятъ работы, въ то самое время, какъ средства производства лежатъ праздно, а масса народа лишена предметовъ, необходимыхъ для жизни? Только потому, что существующая система хозяйства, лишающая рабочаго средствъ производства и раздробляющая народохозяйственный организмъ на милліоны независимыхъ, автономныхъ частныхъ хозяйствъ, связываетъ, какъ въ тиски, общественное производство и не даетъ ему возможности использовать колоссальныя производительныя силы, которыя, открытыя наукой и знаніемъ, таятся въ нѣдрахъ современнаго общества.

Правда, въ предѣлахъ самаго капиталистическаго хозяйства совершается могущественный процессъ объединенія капиталистическихъ предпріятій въ разнаго рода союзы и ассоціаціи. Но эти капиталистическія организаціи не только не способны снять узы, лежащія теперь на общественномъ производствѣ, но сами принимаютъ дѣятельнѣйшія мѣры къ ограниченію общественнаго производства и задержкѣ его роста. Именно въ этомъ и заключается главнѣйшая задача картелей, трэстовъ и другихъ союзовъ капитала.

Итакъ, неорганизованность капиталистическаго хозяйства, которую не могутъ устранить никакіе союзы капитала, вызываетъ огромное соціальное треніе

при поступательномъ движеніи капитализма. Это треніе иногда достигаетъ такихъ размѣровъ, что совсѣмъ пріостанавливаетъ капиталистическое движеніе, какъ это бываетъ во время кризисовъ. Въ другое время оно слабѣе, но все же всегда остается и всегда тормозитъ движеніе впередъ. Планомѣрная организація общественнаго хозяйства должна чрезвычайно уменьшить это треніе и развернуть во всю ширь огромныя производительныя силы современнаго общества.

Слѣдствіемъ этого должно быть такое поднятіе производительности общественнаго труда, такой ростъ общественнаго богатства, о которыхъ мы теперь не имѣемъ и представленія. Конечно, никакому точному учету экономическіе результаты новой организаціи общественнаго хозяйства не поддаются. Не такъ давно одинъ нѣмецкій авторъ, подъ псевдонимомъ Атлантикусъ, сдѣлалъ попытку опредѣлить, въ какой мѣрѣ могло бы возрасти общественное богатство, еслибы все общественное производство было организовано въ согласіи съ принципами современной техники. Онъ пришелъ къ выводу, что напр., въ сельскомъ хозяйствѣ можно было бы сократить число рабочихъ на 60%, причемъ производство по цѣнности могло бы быть удвоено (всѣ расчеты Атлантикуса относятся къ Германіи). Въ общемъ же, для всего народнаго хозяйства вполнѣ возможно—говоритъ онъ—удвоеніе и утроеніе трудового дохода при сокращеніи рабочаго времени на половину.

Я считаю расчеты Атлантикуса не дающими представленія о дѣйствительномъ ростѣ общественнаго богатства въ государствѣ будущаго, такъ какъ Атлантикусъ учелъ только небольшую долю экономическихъ выгодъ при переходѣ къ новому строю. Но и этотъ крайне осторожный и умѣренный расчетъ доказываетъ возможность повышенія производительности общественнаго труда въ нѣсколько разъ.

Подобныхъ расчетовъ имѣется въ литературѣ уже немало, причемъ другіе авторы, въ большинствѣ случаевъ, приходятъ къ болѣе благопріятнымъ выводамъ, чѣмъ Атлантикусъ. Останавливаться на нихъ не стоитъ, такъ какъ они всего менѣе могутъ претендовать на точность. Они лишь иллюстрируютъ въ цифрахъ, какое огромное повышеніе производительности общественнаго труда возможно при планомѣрной организаціи общественнаго производства, доказывая этимъ, что достиженіе путемъ коренного преобразованія существующей системы хозяйства общаго богатства вполнѣ разрѣшимо въ ближайшемъ же будущемъ и ничего утопическаго въ себѣ не заключаетъ.

Итакъ, капиталистическое хозяйство не только обрекаетъ на непосильный трудъ и жалкое существованіе массу пролетаріата, но и связываетъ ростъ общественнаго богатства, препятствуетъ поднятію производительности общественнаго труда до того уровня, который допускается современной техникой. Планомѣрная организація общественнаго труда требуется интересами не только распредѣленія, но и производства. Капиталистическій строй не только несправедливъ, но и нераціоналенъ. Сравнительно съ рабскимъ или феодальнымъ хозяйствомъ капитализмъ былъ огромнымъ шагомъ впередъ. Но теперь исторія пошла дальше, и миссія капитализма закончена: общественное хозяйство должно подняться на высшую ступень—капиталистическую анархію общественнаго производства должна смѣнить планомѣрная организація его.

ГЛАВА IV.

Централистическій соціализмъ и коммунизмъ.

Марксисты относятся очень скептически къ попыткамъ построенія соціалистическаго строя будущаго. Такимъ построеніямъ они противопоставляютъ стихійные законы экономической эволюціи, которые и помимо нашей воли

нашихъ желаній ведутъ человѣчество къ соціализму. Однако, если бы общественное развитіе, дѣйствительно, само собою, по своимъ стихійнымъ, слѣпымъ законамъ, осуществляло соціализмъ, не справляясь съ нашими желаніями и усиліями, то не имѣло бы смысла какое бы то ни было дѣятельное участіе сознательной воли человѣка въ этомъ процессѣ: оставалось бы только спокойно ожидать, когда совершится предсказанный крахъ капитализма и рожденіе новаго общественнаго строя.

Но такъ какъ соціалдемократія всего менѣе склонна къ такому бездѣятельному отношенію къ дѣйствительности, такъ какъ это—партія не безстрастнаго созерцанія, но энергичной неутомимой борьбы, то, конечно, она и не можетъ удержаться на своей теоретической позиціи, какъ только переходитъ къ практическому дѣлу. Несмотря на свое теоретическое осужденіе плановъ будущаго, марксисты не могутъ обойтись безъ нихъ на практикѣ. И это понятно, такъ какъ только планы будущаго соціальнаго устройства, которые живутъ въ головѣ каждаго соціалиста, и дѣлаютъ послѣдняго соціалистомъ. Эти планы могутъ быть неразработаны, могутъ оставлять въ туманѣ очень многое, но кое-что въ нихъ должно же быть настолько опредѣленно и ясно, чтобы исключать всякое сомнѣніе въ осуществимости соціализма, какъ будущаго строя общежитія. Вѣдь, нельзя представить себѣ соціалиста, который такъ-таки ничего не знаетъ, что такое соціалистическій общественный строй. Если бы такой соціалистъ нашелся, то его можно было бы спросить, почему онъ думаетъ, что крушеніе капитализма поведетъ къ торжеству именно соціализма, а не какого-либо другого общественнаго строя, который можно себѣ представить. Если соціализмъ есть нѣчто совершенно неизвѣстное, X, то зачѣмъ давать этому неизвѣстному какое бы то ни было наименованіе?

Впрочемъ, марксисты, въ сущности, нисколько не хуже утопическихъ соціалистовъ понимаютъ необходимость плановъ будущаго строя. Различіе же ихъ отъ утопистовъ лишь въ томъ, что утописты сами создавали эти планы, для чего потребовалась огромная работа мысли; а марксисты получили эти планы въ готовомъ видѣ отъ утопистовъ. И лишь въ силу наличности такихъ плановъ у марксистовъ марксизмъ есть одно изъ направленій соціализма.

Итакъ, планы соціалистическаго устройства общества суть необходимая составная часть всѣхъ направленій соціализма.

Различные планы соціалистическаго устройства общества могутъ быть классифицированы слѣдующимъ образомъ:

Соціализмъ въ узкомъ смыслѣ (коллективизмъ):	Коммунизмъ;
Централистическій;	Централистическій:
Корпоративный;	Федералистическій;
Федералистическій;	Анархическій.
Анархическій;	

Смыслъ дѣленія соціалистическихъ плановъ на коллективистическіе и коммунистическіе ясенъ изъ введенія, посвященнаго цѣлямъ соціализма. Смыслъ дальнѣйшихъ подраздѣленій коллективизма и коммунизма выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія.

Централистическій коллективизмъ.

I.

Централистическій коллективизмъ представляетъ собой господствующее въ настоящее время направленіе соціализма. Но такъ какъ всѣ соціалистическія системы оставались до великой революціи лишь досужими фантазіями и не

вліяли непосредственно на жизнь, то мы можемъ признать основоположниками централистическаго соціализма нашего времени скорѣе всего сенъ-симонистовъ. Именно школа Сенъ-Симона выдвинула ту мысль, что преобразованіе общественнаго строя въ интересахъ рабочихъ массъ можетъ совершиться лишь при помощи государства—путемъ государственной организаціи общественнаго хозяйства на новыхъ началахъ.

Самъ Сенъ-Симонъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ слова, соціалистомъ и никакого опредѣленнаго плана соціалистическаго устройства общества послѣ себя не оставилъ. Но его ученики,—главнымъ образомъ, Базаръ и Анфантэнъ,—довершили дѣло учителя: они создали стройную соціалистическую систему, проникнутую, какъ въ своей критической части, такъ и положительной, однимъ духомъ—духомъ признанія солидарности и взаимнаго подчиненія людей необходимой основой общественнаго союза.

Хозяйственная система, господствующая въ настоящее время, покоится на началѣ свободной конкуренціи. Экономисты, провозгласившіе эту систему, полагали, что можно довѣрить дѣло общественнаго хозяйства личному интересу каждаго. Современное общественное хозяйство слагается изъ множества отдѣльныхъ предпріятій, конкурирующихъ другъ съ другомъ. Предприниматель, въ существующемъ строѣ, является безконтрольнымъ и ни отъ кого независимымъ руководителемъ хозяйственнаго предпріятія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстной части, и всего народнаго хозяйства. Предприниматель исполняетъ, такимъ образомъ, важное народохозяйственное дѣло. Его можно разсматривать, какъ общественнаго служителя, на котораго общество возлагаетъ извѣстныя обязанности и вознаграждаетъ его за нихъ.

Но есть ли какая-нибудь гарантія, при господствѣ свободной конкуренціи, что предприниматель удачно выполнитъ свои общественныя обязанности? Не только такой гарантіи нѣтъ, но вполнѣ ясно, что предприниматель, какъ бы онъ ни былъ лично заинтересованъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ удовлетворительно справиться съ тѣми общественными обязанностями, которыя на немъ лежатъ. Ибо въ чемъ заключается общественное назначеніе предпринимателя? Въ удовлетвореніи общественнаго спроса путемъ доставленія обществу продуктовъ, въ которыхъ оно нуждается. Дѣятельность предпринимателя должна быть направлена на то, чтобы общественное производство возможно полнѣе соотвѣтствовало общественному спросу. Предприниматель долженъ производить именно тѣ товары и въ такомъ количествѣ, какіе и въ какомъ количествѣ требуются обществомъ.

Но при господствѣ свободной конкуренціи никакой отдѣльный предприниматель не знаетъ и не можетъ знать истинныхъ размѣровъ и истиннаго характера общественнаго спроса. Съ другой же стороны, онъ не знаетъ и размѣровъ и характера общественнаго производства. Онъ не знаетъ, какіе товары и въ какомъ количествѣ производятъ другіе предприниматели, конкурирующіе съ нимъ.

Такимъ образомъ, предприниматель долженъ выполнять самое важное общественное дѣло съ завязанными глазами. Неудивительно, что въ результатѣ получается вмѣсто согласованности общественнаго производства со спросомъ полный разладъ между тѣмъ и другимъ, и, какъ результатъ этого,—промышленные кризисы, банкротства, безработица и нищета рабочихъ.

Далѣе, при господствѣ свободной конкуренціи и отсутствіи общественнаго руководительства народнымъ хозяйствомъ во главѣ предпріятій становятся не тѣ люди, которые наиболѣе способны именно къ данному дѣлу, но люди совершенно случайные, благодаря случайности рожденія въ средѣ даннаго класса располагающіе требуемыми капиталами. Отъ этого опять-таки страдаетъ общественное хозяйство, руководительство которымъ достается людямъ, совершенно для этого непригоднымъ.

Наконецъ, вознагражденіе, получаемое предпринимателями, ихъ предпринимательскій доходъ, находится въ соотвѣтствіи не съ дѣйствительной пользой, приносимой каждымъ изъ нихъ обществу, а съ капиталами, которыми каждый изъ нихъ располагаетъ. Владѣльцы средствъ производства облагаютъ общество данью въ свою пользу, и эта дань тяжело ложится на трудящіеся классы общества.

«Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить,—говорятъ Базаръ и Анфантэнъ,—что результаты современнаго хозяйства, вызывающіе наше изумленіе, будутъ во много разъ превзойдены—и при томъ безъ тѣхъ несчастій, которыхъ мы нынѣ постоянно являемся свидѣтелями,—если бы эксплоатація природы была урегулирована, и если бы эта эксплоатація была подчинена общему плану? Именно единства и плана намъ и не хватаетъ».

Высшая цѣль, къ которой стремится человѣчество, это—образованіе всемірной ассоціаціи трудящагося человѣчества. Современное государство, говорятъ сенъ-симонисты, должно въ корнѣ измѣнить свой характеръ; теперь оно преслѣдуетъ цѣли насилія,—въ будущемъ же оно будетъ существовать для мирной организаціи общественнаго труда.

Организація эта будетъ покоиться, по представленію сенъ-симонистовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ средства производства будутъ сосредоточены въ рукахъ государства, носящаго характеръ религіозной общины, такъ какъ государство сенъ-симонистовъ одновременно является и церковью. Распоряженіе этими средствами производства, распредѣленіе ихъ между отдѣльными мѣстностями страны возлагается на центральное государственное учрежденіе. Его роль будетъ соотвѣтствовать, въ хозяйственной области, современному правительству. Съ этимъ центральнымъ государственнымъ хозяйственнымъ учрежденіемъ будутъ находиться въ непосредственной связи учрежденія областныя, эти послѣднія—съ территоріально еще болѣе ограниченными учрежденіями, развѣтвляющимися все болѣе и болѣе и все тѣснѣе соприкасающимися съ отдѣльными производителями и потребителями. Все вмѣстѣ образуетъ сложную іерархію взаимно подчиненныхъ хозяйственныхъ организацій различнаго порядка, съ центральной государственной организаціей во главѣ. Отъ мѣстныхъ организацій будутъ стекаться въ центральную организацію свѣдѣнія о величинѣ и характерѣ національнаго спроса. Соотвѣтственно этому центральная организація будетъ распредѣлять между мѣстными организаціями средства производства. Для этого центральная организація будетъ сравнивать запросы отдѣльныхъ мѣстныхъ организацій между собою, а также и со средствами производства, которыми располагаетъ нація. Ежегодно будетъ составляться національный бюджетъ, подобно теперешнему государственному бюджету. Роль актива въ этомъ бюджетѣ будетъ играть совокупность продуктовъ національнаго производства; роль пассива—спросъ на продукты со стороны мѣстныхъ организацій, каждая изъ которыхъ будетъ составлять свой бюджетъ подобнымъ же образомъ. Въ результатѣ должна получиться, по мнѣнію сенъ-симонистовъ, стройная организація всего національнаго хозяйства, полное единство плана и подчиненность частей, полное соотвѣтствіе между національнымъ производствомъ и національнымъ потребленіемъ.

«Во главѣ соціальнаго организма,—говорятъ Базаръ и Анфантэнъ,—должны стоять руководящія лица, обязанность которыхъ должна состоять въ томъ, чтобы каждому указывать именно то мѣсто, которое ему больше всего соотвѣтствуетъ и въ его личныхъ интересахъ и въ интересахъ другихъ. Если руководители отказываютъ одной отрасли промышленности въ кредитѣ, то это потому, что въ общихъ интересахъ средства производства могутъ получить лучшее употребленіе; если одинъ человѣкъ не получаетъ орудій труда, которыхъ онъ проситъ, то это потому, что компетентныя власти признали его болѣе способнымъ выполнять другое дѣло. Конечно, ошибки свойственны людямъ, но

нужно согласиться, что люди высшаго таланта, стоящіе на точкѣ зрѣнія общихъ интересовъ, взоръ которыхъ не затемненъ мелочами, имѣютъ всего менѣе шансовъ впасть въ ошибку въ порученномъ имъ выборѣ, такъ какъ ихъ чувства и даже личные интересы побуждаютъ ихъ стремиться настолько содѣйствовать общему развитію хозяйства и въ каждой отдѣльной отрасли его въ такой мѣрѣ снабжать орудіями труда отдѣльныя личности, поскольку это допускается состояніемъ національнаго богатства и національнаго труда».

Совокупность работниковъ будетъ образовывать собой іерархію, въ которой будутъ высшіе и низшіе, начальники и подчиненные. Правиломъ распредѣленія будетъ «отъ каждаго по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ». Такимъ образомъ, въ сенъ-симонистскомъ государствѣ не будетъ ничего похожаго на равенство распредѣленія; но зато въ немъ должна быть строгая пропорціональность между тѣмъ, что каждый даетъ обществу и что онъ отъ послѣдняго получаетъ. Всѣ привилегіи рожденія должны исчезнуть, и только личныя заслуги должны получать полную оплату. При равной оплатѣ труда, независимой отъ его производительности, менѣе производительные рабочіе присваивали бы въ свою пользу плоды труда болѣе производительныхъ рабочихъ. Потому сенъ-симонисты полагаютъ, что именно ихъ принципъ распредѣленія всего болѣе согласуется съ верховнымъ требованіемъ равноправности всѣхъ людей, что именно оплата по труду и заслугамъ и есть истинное равенство.

Начало авторитета, добровольнаго подчиненія людей низшихъ умственныхъ и нравственныхъ способностей людямъ высшаго таланта и высшаго нравственнаго сознанія было основаніемъ всей этики сенъ-симонистовъ. Правда, сенъ-симонисты были индивидуалистами въ томъ смыслѣ, что свободное развитіе человѣческой личности во всей ея сложности и полнотѣ было ихъ высшимъ идеаломъ. «Вся моя жизнь,—сказалъ умиравшій Сенъ-Симонъ,—резюмируется одной мыслью—обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей». Въ этомъ и усматривали сенъ-симонисты конечную цѣль общественнаго союза. Но средствомъ къ этой цѣли являлось у нихъ руководительство слабыхъ людей сильными, авторитетъ ума, морали и таланта. Тотъ же принципъ авторитета легъ и въ основаніе проектированнаго ими соціалистическаго государства, которое должно было покоиться на строгомъ подчиненіи низшихъ высшимъ. Не надо при этомъ упускать изъ виду, что для всей школы Сенъ-Симона крайне характерна религіозная окраска ихъ ученія. Государство будущаго должно стать не только хозяйственной ассоціаціей производительныхъ рабочихъ, но и новой церковью.

Именно эти особенности сенъ-симонистскаго плана общественнаго устройства и оттолкнули отъ него рабочія массы. Сенъ-симонизмъ никогда не былъ, въ какой бы то ни было степени, народнымъ движеніемъ. Для этого сенъ-симонизмъ былъ слишкомъ аристократиченъ; кругъ его сторонниковъ слагался почти исключительно изъ представителей интеллигенціи—аристократіи ума и таланта. Современная демократія не склонна къ преклоненію передъ авторитетомъ, а крайняя централизація общественнаго устройства, проектированная сенъ-симонистами, потребовала бы такой желѣзной дисциплины, которой ни въ какомъ случаѣ не согласился бы подчиниться свободолюбивый рабочій нашего времени. И потому сенъ-симонизмъ остался чуждъ народной массѣ и лишь косвенно, черезъ посредство отдѣльныхъ мыслителей, воспринявшихъ нѣкоторыя важнѣйшія идеи сенъ-симонистовъ, но отказавшихся отъ начальственнаго духа, которымъ проникнуто все ученіе, повліялъ на современное соціалистическое движеніе. Эту послѣднюю работу—преобразованія и усовершенствованія сенъ-симонизма—исполнилъ, главнымъ образомъ, Пекеръ, отецъ современнаго коллективизма.

II.

Государство Пекера, какъ и сенъ-симонистовъ, является единственнымъ собственникомъ всѣхъ средствъ производства, земли и орудій труда. Оно подраздѣляется, подобно современному государству, на департаменты (наши губерніи), округа, антоны и коммуны (общины), пользующіеся извѣстнымъ самоуправленіемъ и являющіеся взаимно подчиненными центрами хозяйственныхъ организацій.

Размѣръ и характеръ національнаго спроса на каждый предстоящій хозяйственный періодъ устанавливается въ соціалистическомъ государствѣ Пекера количествомъ и родомъ продуктовъ, потребленныхъ населеніемъ въ истекшемъ хозяйственномъ періодѣ, а также заказами со стороны населенія. Такимъ образомъ, выясняется, какіе продукты и въ какомъ количествѣ спрашиваются населеніемъ; соотвѣтственно этому распредѣляется и національное производство. Государство, владѣющее средствами производства, организовываетъ по опредѣленному плану, при помощи своихъ подчиненныхъ общественныхъ учрежденій, все національное производство. Производимые продукты отнюдь не являются собственностью отдѣльныхъ производителей. Они поступаютъ въ государственные магазины для храненія и распредѣленія ихъ между всѣми членами общества.

Въ основу этого распредѣленія Пекеръ кладетъ слѣдующія начала. Прежде всего, онъ—рѣшительный и безусловный врагъ неравенства оплаты труда различной производительности. Исходя изъ соображеній справедливости, онъ отрицаетъ, что рабочій болѣе талантливый или искусный имѣть какое-либо право на большую оплату труда, ибо заслуга человѣка опредѣляется не внѣшними результатами его дѣйствій, а только его доброй волей.

Задача общественной власти—установить, какъ велика должна быть нормальная продолжительность рабочаго времени въ каждой отдѣльной отрасли труда, въ каждой отдѣльной профессіи для того, чтобы обременительность труда для средняго рабочаго повсемѣстно была одинакова. Иными словами, рабочій день въ каждой отрасли производства долженъ быть обратно пропорціоналенъ тяжести и непріятности труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та же общественная власть должна установить вездѣ, гдѣ это возможно, нормальный трудовой продуктъ, т. е. количество продуктовъ, производимыхъ въ нормальное рабочее время среднимъ рабочимъ.

Оплата труда во всѣхъ отрасляхъ его должна быть равная, если нормальный урокъ выполненъ удовлетворительно. Если же рабочій произвелъ, по своей винѣ, менѣе нормальнаго продукта, то онъ получаетъ и соотвѣтственно меньшую плату. Если онъ выполнилъ урокъ за время меньшее нормальнаго, то онъ не обязанъ работать болѣе продолжительное время.

При расчетѣ средней и одинаковой для всѣхъ платы принимаются въ соображеніе всѣ потребности, которыя государство должно удовлетворить при помощи общаго національнаго трудового продукта—напр., потребности въ поддержаніи жизни лицъ, неспособныхъ къ труду, больныхъ, стариковъ и дѣтей и т. д. Кромѣ того, извѣстная часть трудового продукта отчисляется на возстановленіе и увеличеніе израсходованныхъ въ процессѣ производства элементовъ національнаго капитала. Весь остальной трудовой продуктъ за этими вычетами распредѣляется въ равныхъ доляхъ между рабочими.

Самое распредѣленіе совершается при посредствѣ денегъ. Конечно, деньги въ соціалистическомъ обществѣ должны играть совершенно иную роль, чѣмъ онѣ играютъ нынѣ. Теперь деньги—товаръ, имѣющій свою самостоятельную цѣнность. Въ государствѣ же Пекера деньги—это простые условные знаки, символическіе выразители цѣнности. Нужны они потому, что Пекеръ желаетъ предоставить всѣмъ гражданамъ полную свободу личнаго потребленія въ смыслѣ

выбора рода потребляемыхъ продуктовъ. Каждый выбираетъ для своего потребленія то, что ему нравится,—продукты любого рода и въ любомъ количествѣ. Но такъ какъ общая цѣнность потребленія каждаго ограничивается извѣстными предѣлами, то и является необходимость точнаго опредѣленія цѣнности каждаго потребляемаго предмета и, вмѣстѣ, подсчета общей цѣнности предметовъ, потребляемыхъ каждымъ, ибо въ противномъ случаѣ установленная норма дохода каждаго могла бы быть превзойдена. Поэтому при всякой системѣ соціализма въ узкомъ смыслѣ, или коллективизма (въ противоположность коммунизму, не устанавливающему никакихъ нормъ дохода отдѣльныхъ лицъ), та или другая форма денегъ является безусловной необходимостью.

Но не проникнетъ ли вмѣстѣ съ деньгами въ соціалистическое государство и отдача денегъ въ ростъ и, слѣдовательно, эксплоатація человѣка человѣкомъ? Нисколько, ибо золотой телецъ имѣетъ въ наше время такую роковую власть надъ людьми не въ силу свойствъ самихъ денегъ, какъ орудія обмѣна, а въ силу всего строя современнаго общества. Деньги потому теперь такъ всесильны, что, съ одной стороны, онѣ могутъ быть обращены въ капиталъ и стать источникомъ присвоенія чужого труда; съ другой же стороны, онѣ нужны массѣ населенія потому, что она не имѣетъ денегъ въ достаточномъ количествѣ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей. Ни того, ни другого условія въ соціалистическомъ государствѣ не будетъ. Съ одной стороны, деньги нельзя будетъ превратить въ средства производства, такъ какъ средства производства будутъ принадлежать государству и не будутъ подлежать отчужденію въ частныя руки. Съ другой же стороны, всѣ не только насущныя, но и менѣе необходимыя потребности массы населенія будутъ съ избыткомъ удовлетворены и, слѣдовательно, не будетъ никакой необходимости для кого-либо брать деньги въ ссуду.

Только въ исключительныхъ случаяхъ попытки къ сдѣлкамъ такого рода (къ отдачѣ денегъ въ ростъ) могли бы возникать въ соціалистическомъ обществѣ, и, конечно, онѣ были бы безусловно запрещены закономъ. Соціалистическое государство не можетъ признать за кѣмъ бы то ни было права извлекать доходъ изъ своего имущества, такъ какъ всякая эксплоатація человѣка человѣкомъ несовмѣстима съ принципами соціализма.

Но никакихъ другихъ стѣсненій по отношенію къ пользованію деньгами Пекеръ не проектируетъ: каждый воленъ не только расходовать ихъ, какъ ему угодно, на какіе угодно продукты, но и дарить ихъ другимъ людямъ въ любомъ количествѣ, сохранять ихъ любое время у себя и даже завѣщать ихъ кому угодно послѣ своей смерти. Единственное, чего не можетъ дѣлать со своими деньгами гражданинъ государства Пекера, это—пользоваться ими для эксплоатаціи себѣ подобныхъ.

Конечно, право полученія денегъ (равно какъ и всѣхъ предметовъ потребленія, которыми располагаютъ отдѣльныя лица) посредствомъ дара или завѣщанія нѣсколько нарушаетъ принципъ равенства, ибо одни будутъ имѣть, безъ всякой заслуги со своей стороны, больше предметовъ потребленія, чѣмъ другіе. Но это нарушеніе такъ ничтожно и неопасно, въ виду невозможности обратить деньги и предметы потребленія въ капиталъ, что Пекеръ его смѣло вводитъ въ свою систему, чтобы возможно меньше ограничивать личную свободу.

Итакъ, всякій гражданинъ воленъ покупать по своему усмотрѣнію на свои деньги любые продукты въ государственныхъ магазинахъ. Государство же совершаетъ за свой счетъ и всѣ операціи по ввозу нужныхъ для страны продуктовъ изъ-за границы, равно какъ и по вывозу за границу туземныхъ продуктовъ. Когда соціалистическій строй охватитъ весь міръ, единственнымъ орудіемъ мірового обмѣна явятся тѣ же бумажныя деньги каждаго государства, которыя обращаются и внутри страны. Золото будетъ такъ же излишне для

международнаго обмѣна, какъ и для купли-продажи внутри страны; иностранныя бумажныя деньги не будутъ внушать никому недовѣрія, такъ какъ выпускъ ихъ будетъ строго регулированъ въ каждой странѣ хозяйственными потребностями населенія, и выпустившее ихъ государство будетъ оплачивать ихъ своими продуктами. По этой причинѣ деньги каждой страны будутъ всемірными деньгами, и каждый путешественникъ будетъ свободно расплачиваться ими въ любой странѣ.

Цѣны продуктовъ, количество которыхъ можетъ быть свободно воспроизводимо въ желаемыхъ размѣрахъ, будутъ регулироваться трудомъ производства, но въ случаѣ превышенія спроса на эти продукты надъ предложеніемъ ихъ цѣна ихъ должна соотвѣтственно измѣняться. Цѣны же рѣдкихъ продуктовъ будутъ всецѣло регулироваться спросомъ и предложеніемъ; ибо если бы держать цѣны этихъ продуктовъ на уровнѣ трудовыхъ затратъ, то только часть лицъ, желающихъ воспользоваться этими предметами, могла бы ихъ получить, между тѣмъ какъ остальная часть населенія осталась бы безъ нихъ, что было бы очевидной несправедливостью. И только повышеніе цѣны продукта до того уровня, при которомъ общественный спросъ на продуктъ равенъ предложенію, соотвѣтствуетъ требованію экономической справедливости, выражающейся началомъ экономической равноправности всѣхъ людей.

Исходя изъ своего принципа, что каждый можетъ свободно распоряжаться своими доходами, Пекеръ даетъ своеобразное разрѣшеніе и вопросу о роли литературнаго, художественнаго и всякаго иного высшаго творческаго труда въ общемъ строѣ соціалистическаго хозяйства. Для государства чрезвычайно важно непосредственно поддерживать всѣ виды этого исключительно производительнаго и цѣннаго общественнаго труда,—оно должно само за свой счетъ издавать книги, признаваемыя хорошими и полезными, давать средства ученымъ на производство изслѣдованій, польза которыхъ признана государствомъ, и т. д. и т. д. Но въ этой государственной поддержкѣ творческаго труда заключается и огромная опасность. Творческій трудъ долженъ быть совершенно свободенъ и никакому контролю подлежать не можетъ. Даже самое совершенное общество некомпетентно въ оцѣнкѣ этого труда, ибо мыслитель или художникъ стоятъ выше толпы, оказывать поддержку этому труду безъ контроля? вѣдь нельзя труда (а какъ опережаютъ свое время. Общественный контроль творческаго же печатать на общественныя средства всякую бездарную книгу—и должна же, слѣдовательно, какая-либо общественная власть рѣшать, заслуживаетъ книга печатанія или нѣтъ) долженъ совершенно убить свободу личнаго творчества.

Выходъ изъ этого затрудненія Пекеръ указываетъ слѣдующій: каждый имѣетъ право печатать на свои личныя средства все, что пожелаетъ. Государственныя типографіи открыты для всѣхъ. Точно такъ же каждый можетъ расходовать свои личныя средства на научныя, художественныя и иныя цѣли. Такимъ образомъ, на ряду съ наукой, литературой, искусствомъ, поддерживаемыми государствомъ, будетъ существовать и свободное творчество, ничѣмъ не ограничиваемое и ничѣмъ не стѣсняемое.

Воспитаніе и обученіе молодого поколѣнія, естественно, должно лежать на государствѣ и имѣть безплатный характеръ. Государство же беретъ на себя содержаніе подрастающаго поколѣнія вплоть до того возраста, когда молодые люди приступаютъ къ производительной работѣ. Но при этомъ государство предоставляетъ родителямъ право содержать дѣтей до извѣстнаго возраста при себѣ или же отдавать ихъ въ государственныя воспитательныя учрежденія. На государство всецѣло ложится и содержаніе неспособныхъ къ труду, стариковъ и больныхъ.

Обычнымъ камнемъ преткновенія соціалистическихъ системъ является вопросъ о выборѣ занятій отдѣльными лицами. Если предоставить каждому полную свободу выбора, то болѣе привлекательныя занятія будутъ перепол-

нены, а менѣе привлекательныя будутъ пустовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если каждый будетъ руководствоваться въ выборѣ занятія только своимъ усмотрѣніемъ, то общество не имѣетъ гарантіи, что данное общественное дѣло будетъ исполняться именно тѣмъ, кто къ нему наиболѣе способенъ.

Съ другой же стороны, извѣстная степень свободы выбора занятій есть необходимое условіе свободы личности вообще. Какъ же примирить это противорѣчіе?

Пекеръ предлагаетъ слѣдующій выходъ. Для занятія каждымъ опредѣленнымъ родомъ труда требуется доказать, что данное лицо наиболѣе пригодно къ этому труду. Доказательствомъ этого является спеціальный экзаменъ, производимый компетентными лицами, и избраніе даннаго лица населеніемъ. Преимущественнымъ правомъ занять опредѣленную общественную должность пользуются лица, стоящія выше другихъ по своей подготовленности къ ней и по симпатіи къ нимъ населенія. Этимъ же опредѣляется и повышеніе даннаго лица въ общественной іерархіи — занятіе имъ высшихъ, руководящихъ общественныхъ должностей.

Лица, менѣе одаренныя и пользующіяся меньшими симпатіями населенія, естественно будутъ занимать низшія должности, будутъ исполнять тѣ обязанности, на которыя находится меньше охотниковъ. При этомъ не нужно, однако, забывать, что общественная власть должна принимать всевозможныя мѣры къ тому, чтобы обременительность труда во всѣхъ его отрасляхъ была одинакова и что вознагражденіе труда предполагается Пекеромъ равнымъ на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы.

Это послѣднее обстоятельство крайне ослабляетъ то треніе, которое не можетъ не возникать при выборѣ отдѣльными лицами себѣ занятій. Въ настоящее время вопросъ о выборѣ занятія имѣетъ такой жгучій характеръ для огромнаго большинства потому, что съ различными занятіями связаны и различныя удобства жизни. Въ государствѣ Пекера это различіе совершенно отпадаетъ. Всѣ роды труда будутъ одинаково мало обременительны и будутъ вознаграждаться одинаково щедро. Поэтому единственнымъ побудительнымъ мотивомъ для человѣка выбирать именно данный родъ труда будетъ большая склонность человѣка къ этому роду труда. А большая склонность къ какой-либо дѣятельности обыкновенно сопровождается и большей способностью къ ней. Такимъ образомъ, хотя система Пекера и не можетъ обезпечить полной свободы въ выборѣ занятій, она обезпечиваетъ эту свободу, во всякомъ случаѣ, въ гораздо большей степени, чѣмъ существующая хозяйственная система, при которой выборъ занятій рѣшается частью случаемъ, частью ожесточенной борьбой конкурентовъ, въ каковой побѣждаетъ, большею частью, не самый способный, а экономически самый сильный, т. е. обладающій наибольшимъ капиталомъ.

Многимъ можетъ показаться страннымъ требованіе Пекера, чтобы всѣ роды труда вознаграждались одинаково. Мы привыкли думать, что такъ называемые высшіе роды труда должны и вознаграждаться выше. По распространенному мнѣнію, такое всеобщее равенство убьетъ всякую охоту заниматься творческимъ трудомъ и, слѣдовательно, въ корнѣ подрѣжетъ прогрессъ цивилизаціи.

На это можно отвѣтить, что никакое истинное творчество не совершается изъ-за денегъ. Ученый, мыслитель, поэтъ, творятъ ради самаго творчества или подъ вліяніемъ мотивовъ болѣе благороднаго порядка, чѣмъ мысль объ экономическихъ выгодахъ. Конечно, для умственнаго труда требуется извѣстный минимумъ матеріальнаго комфорта, а также досугъ. Соціалистическое государство должно обезпечить всѣмъ гораздо больше, чѣмъ этотъ минимумъ богатства,—оно должно обезпечить всѣмъ дѣйствительное богатство и не менѣе обезпечить всѣмъ дѣйствительный досугъ. При этомъ условіи совер-

шенно непонятно, для чего требуется добавочное вознагражденіе для умственнаго труда. И безъ того трудъ этого рода будетъ получать самое высшее, самое цѣнное добавочное вознагражденіе, которое, дѣйствительно, весьма важно въ качествѣ побудительнаго мотива къ этого рода дѣятельности, требующей наибольшаго напряженія всей личности человѣка, — вознагражденіе въ видѣ славы, почета, удивленія и любви людей.

Хорошая сторона начала равенства оплаты всѣхъ родовъ труда (помимо справедливости этой формы оплаты, ибо человѣкъ отвѣтственъ только за свою добрую волю, но не за свои природные способности и таланты) заключается также и въ томъ, что при этомъ выборъ занятій будетъ опредѣляться для каждаго только обстоятельствами, лежащими въ природѣ этого самаго занятія, но не обстоятельствами внѣшними и посторонними по отношенію къ этому занятію. Люди будутъ избирать дѣло, которое они всего болѣе любятъ, а не то, которое всего лучше вознаграждается. И въ этомъ — лучшая гарантія, что всякое дѣло будетъ исполняться наиболѣе пригодными для него людьми.

Планъ соціалистическаго государства, созданный Пекеромъ, очень интересенъ. Въ немъ стройно сочетается общественная организація труда съ принципомъ личной свободы. Планъ Пекера совершенно свободенъ отъ основнаго грѣха сенъ-симонизма — чрезмѣрнаго увлеченія принципомъ авторитета—увлеченія, сдѣлавшаго сенъ-симонитскую ассоціацію такой непріемлемой для современнаго человѣка. Соціалистическое государство Пекера представляетъ собой самый зрѣлый плодъ соціалистической мысли Франціи.

Основнымъ правиломъ распредѣленія у Пекера является равенство оплаты труда, независимо отъ его качественнаго различія. Пекеръ рѣшительно отвергаетъ право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ и считаетъ совершенно недостижимымъ стремленіе осуществить это право при какомъ бы то ни было устройствѣ общества.

Напротивъ, соціалистическое государство Родбертуса является попыткой осуществить это право.

III.

Родбертусъ, какъ и Пекеръ, исходитъ изъ предположенія, что всѣ средства производства находятся въ распоряженіи государства, являющагося единственнымъ руководителемъ національнаго хозяйства. Точно такъ же Родбертусъ принимаетъ, что отдѣльныя личности пользуются свободой въ выборѣ предметовъ потребленія, и что размѣръ ихъ участія въ общемъ національномъ потребленіи опредѣляется величиной ихъ дохода. Но этотъ доходъ, по плану Родбертуса, не долженъ быть равнымъ для всѣхъ родовъ труда безъ различія (какъ это проектировалъ Пекеръ), но строго пропорціоналенъ трудовому продукту. Каждый рабочій долженъ получать отъ общества въ свое распоряженіе (за вычетомъ извѣстной части въ пользу всего государства на его нужды) какъ разъ столько цѣнности въ видѣ предметовъ потребленія, сколько онъ далъ обществу въ видѣ затраты своего труда. Отношенія между личностью и обществомъ должны покоиться на основѣ равенства услуги и вознагражденія.

Съ этой цѣлью Родбертусъ рекомендуетъ установить для всего общественнаго хозяйства нормальное рабочее время и съ этимъ нормальнымъ рабочимъ временемъ сравнивать дѣйствительную трудовую затрату въ отдѣльныхъ отрасляхъ труда. Въ отрасляхъ такъ назыв. квалифицированнаго, искуснаго труда часъ трудовой затраты соотвѣтствуетъ большему количеству нормальнаго рабочаго времени, а въ отрасляхъ труда низшей производительности часъ труда заключаетъ въ себѣ меньшее количество нормальнаго рабочаго времени. Возможность такого приравниванія качественно различныхъ родовъ труда доказывается для Родбертуса тѣмъ, что и теперь, при господствѣ капиталистическаго строя, путемъ конкуренціи между рабочими устанавливается нѣчто подобное:

въ различныхъ отрасляхъ труда оплата труда различна въ зависимости отъ различія его производительности.

Сведя качественно различные роды труда къ соотвѣтствующимъ количествамъ нормальнаго рабочаго времени и зная средній трудовой продуктъ въ каждомъ изъ этихъ родовъ труда, легко будетъ опредѣлить, сколько именно нормальнаго рабочаго времени заключено въ каждомъ трудовомъ продуктѣ. Такимъ образомъ, опредѣлится трудовая цѣнность каждаго продукта.

Распредѣленіе продуктовъ будетъ совершаться слѣдующимъ образомъ. Каждый рабочій будетъ получать рабочія деньги—чековую книжку, въ которой будетъ обозначено, на какую сумму онъ создалъ трудовой цѣнности. На такую же сумму онъ будетъ имѣть право пріобрѣтать предметы потребленія, цѣнность которыхъ будетъ выражаться также въ трудовыхъ единицахъ. Такимъ путемъ будетъ достигнуто полное соотвѣтствіе между національнымъ производствомъ и національнымъ потребленіемъ и въ то же время осуществлено въ полной мѣрѣ право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ.

Таковъ планъ Родбертуса. Нетрудно показать его несостоятельность. Недосягаемо, призрачно, прежде всего, сведеніе качественно различныхъ родовъ труда къ единому нормальному рабочему времени, вполнѣ соотвѣтствующему созданному Марксомъ понятію общественно-необходимаго рабочаго времени. Ссылка на существующія различія оплаты труда совершенно неубѣдительна, такъ какъ существующія огромныя различія заработныхъ платъ въ разныхъ профессіяхъ основываются, прежде всего, на различіи условій экономической борьбы въ этихъ отрасляхъ труда, а вовсе не на различіи производительности послѣдняго. Гдѣ рабочіе относительно сильнѣе въ своей борьбѣ съ предпринимателемъ, тамъ и выше ихъ заработная плата. Вообще же, производительность труда въ различныхъ профессіяхъ по самому существу не допускаетъ сравненія.

Какимъ общимъ мѣриломъ сравнивать, напр., производительность труда судьи или врача и земледѣльца? Сколько часовъ труда ткача заключается въ часѣ труда поэта, какому количеству «нормальнаго рабочаго времени» соотвѣтствуетъ часъ труда этого послѣдняго?

Очевидно, всѣ такія попытки сведенія къ одной общей единицѣ качественно различнаго слѣдуетъ бросить. Справедливая система распредѣленія должна стремиться не къ тому, чтобы обезпечить каждому рабочему его полный трудовой продуктъ (стремленіе это неосуществимо по несравнимости трудовыхъ продуктовъ качественно различныхъ родовъ труда), а къ тому, чтобы привести распредѣленіе продуктовъ въ возможно большее согласіе съ основной этической идеей соціализма—идеей равноцѣнности человѣческой личности. Великій ученый—такой же человѣкъ, какъ и послѣдній чернорабочій; оба они—въ равной мѣрѣ люди и потому должны пользоваться совершенно равными правами на жизнь. Право человѣка на помощь со стороны общества опредѣляется не внѣшнимъ результатомъ его дѣятельности, а его внутренней доброй волей, его готовностью служить обществу. Подобно тому, какъ общество нравственно обязано поддерживать жизнь больного и неспособнаго къ труду человѣка, являющагося для общества чистой обузой, совершенно въ той же мѣрѣ, какъ и производительнаго работника, оно въ той же мѣрѣ обязано вознаграждать малопроизводительный, но добросовѣстный трудъ, какъ и трудъ высшей производительности.

Право каждаго на равную оплату добросовѣстнаго труда можетъ быть ограничено лишь съ одной стороны. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые роды труда такъ тягостны и непріятны сами по себѣ, что на нихъ трудно найти охотниковъ, какова бы ни была внѣшняя обстановка труда этого рода. Въ этихъ случаяхъ не будетъ нарушеніемъ принципа равенства, если трудъ такого рода

будетъ получать нѣкоторое добавочное вознагражденіе, какъ оплату добавочнаго бремени труда. Но такъ какъ наиболѣе тягостны именно разные роды грубаго чернорабочаго труда, въ противность высшему, творческому труду, доставляющему человѣку огромное наслажденіе, то именно менѣе производительные роды труда въ соціалистическомъ обществѣ могутъ вознаграждаться всего выше. Очевидно, ни о какомъ соотвѣтствіи съ принципомъ обезпеченія рабочему его полнаго трудового продукта не можетъ быть въ данномъ случаѣ и рѣчи.

Вообще, право рабочаго на свой полный трудовой продуктъ имѣетъ значеніе для соціализма, какъ это указалъ Антонъ Менгеръ, главнымъ образомъ, въ своемъ отрицательномъ смыслѣ—какъ отрицаніе правомѣрности нетрудового дохода. Какъ положительное право, оно имѣетъ смыслъ лишь по отношенію ко всему обществу, какъ цѣлому, но отнюдь не пригодно въ качествѣ правила распредѣленія продуктовъ между отдѣльными членами общества. Въ основу распредѣленія въ соціалистическомъ обществѣ долженъ быть положенъ другой, болѣе высокій принципъ—равнаго права всѣхъ людей на жизнь, счастье и свободное развитіе своей личности.

Уже по одному этому принадлежащій Родбертусу планъ соціалистическаго государства, цѣликомъ покоящійся на признаніи права отдѣльнаго рабочаго на цѣнность его трудового продукта, долженъ быть отвергнутъ. Но этотъ планъ заключаетъ въ себѣ и другую слабую сторону—установленіе цѣнъ продуктовъ на основѣ трудовыхъ затратъ. Какъ указываетъ Пекеръ, послѣдовательное проведеніе трудового принципа въ области цѣнъ продуктовъ равносильно нарушенію принципа равенства людей—равносильно лишенію части населенія тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ оно нуждается, въ пользу другой части, случайно успѣвшей пріобрѣсти эти продукты раньше. Цѣна продуктовъ въ соціалистическомъ обществѣ, какъ и въ капиталистическомъ, должна быть такова, чтобы спросъ на нихъ соотвѣтствовалъ предложенію—таково требованіе экономической справедливости, покоящееся, опять-таки, на идеѣ равноцѣнности человѣческой личности, на признаніи за всѣми равнаго права участвовать въ потребленіи.

IV.

Марксизмъ принципіально отрицаетъ пользу и значеніе подробныхъ плановъ будущаго устройства, усматривая въ этомъ утопизмъ. Поэтому неудивительно что ничего выдающагося въ этой области марксизмъ не создалъ. Несомнѣнно лишь одно, что хотя марксисты и отрицаютъ, чтобы общество будущаго могло называться государствомъ—такъ какъ современное классовое государство есть организація классоваго господства, а именно господства имущихъ классовъ надъ неимущими, между тѣмъ какъ въ соціалистическомъ обществѣ не будетъ классовъ, классовыхъ противорѣчій и классоваго господства, почему оно и не будетъ въ современномъ смыслѣ государствомъ—соціалистическая организація общественнаго хозяйства будущаго должна имѣть, по представленію марксистовъ, централистическій характеръ. Правда, не все общественное производство будетъ управляться изъ одного общественнаго центра. Производства, служащія чисто мѣстнымъ потребностямъ, могутъ перейти въ вѣдѣніе мѣстныхъ, общинныхъ учрежденій. «Но главная группа средствъ производства должна перейти въ собственность государства, точно такъ же, какъ только современное государство можетъ явиться рамкой для соціалистическаго общества, а также создать тѣ условія, въ которыхъ общинныя или товарищескія предпріятія могутъ стать звеньями соціалистическаго производства» (Каутскій).

Соціалистическое общество будущаго рисуется марксистамъ, какъ громадная ассоціація, болѣе или менѣе совпадающая съ современнымъ государ-

ствомъ. Ассоціація эта будетъ находиться въ извѣстной экономической связи съ другими подобными же ассоціаціями, такъ какъ ни одно современное государство не можетъ обойтись безъ ввоза иностранныхъ продуктовъ. Отношенія между подобными независимыми соціалистическими государствами не могутъ быть регулируемы какой-либо высшей властью, и каждое государство будетъ по отношенію къ другому какъ бы независимымъ предпринимателемъ. На основаніи свободнаго соглашенія другъ съ другомъ отдѣльныя соціалистическія государства будутъ балансировать, уравновѣшивать свой ввозъ и вызовъ, расплачиваться продуктами по своимъ взаимнымъ обязательствамъ. Такимъ образомъ, если внутри государства народное хозяйство и будетъ подчинено стройному, сознательно выработанному плану, то міровое хозяйство въ своемъ цѣломъ будетъ лишено какого бы то ни было плана. Съ соціалистической точки зрѣнія, стремящейся подчинить сознательной волѣ человѣка всю общественную организацію въ совокупности, непланомѣрность мірового хозяйства является очевиднымъ несовершенствомъ, слабостью системы, и потому Каутскому рисуется въ будущемъ сліяніе всѣхъ отдѣльныхъ соціалистическихъ ассоціацій въ одну колоссальную ассоціацію, охватывающую собой весь міръ. Только тогда соціалистическое преобразованіе современнаго хозяйства достигнетъ своего естественнаго завершенія.

Господствующей формой производства въ предѣлахъ соціалистическаго общества, естественно, будетъ крупное производство въ силу своихъ техническихъ выгодъ сравнительно съ мелкимъ производствомъ. Но это не значитъ, что мелкое, индивидуальное производство совершенно исчезнетъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ родахъ труда оно навсегда сохранится, какъ, напр., въ области художественной промышленности, а также, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ современнаго ремесла и сельскаго хозяйства. Но, конечно, мелкій производитель соціалистическаго общества будетъ тѣмъ отличаться кореннымъ образомъ отъ современнаго мелкаго производителя, что онъ не будетъ предпринимателемъ и не будетъ собственникомъ своихъ орудій труда, равно какъ и своего трудового продукта. И то и другое будетъ принадлежать обществу, а мелкій производитель будетъ лишь имѣть такое же право на вознагражденіе отъ общества, какъ и всякій другой производительный рабочій.

Что касается распредѣленія продуктовъ между членами общества, то въ этомъ отношеніи марксисты склоняются къ принципу равенства оплаты труда, независимо отъ его рода, допуская уклоненія отъ равенства въ пользу болѣе непріятныхъ родовъ труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ марксисты рѣшительно высказываются за признаніе принципа обязательности труда.

Но не слѣдуетъ представлять себѣ соціалистическое государство какъ какую-то гигантскую деспотію, въ которой воля большинства будетъ желѣзнымъ обручемъ сковывать всю народную жизнь. Централистическая организація общественнаго производства совмѣстима съ самымъ широкимъ развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, являющагося необходимымъ условіемъ для правильной работы всего механизма соціалистическаго хозяйства, ибо только при этомъ условіи центральная организація не потеряетъ связи съ конкретными условіями жизни. Вообще же власть въ соціалистическомъ обществѣ утратитъ все то, въ силу чего она въ настоящее время всегда представляется опасной для народной свободы. Разъ представители власти не будутъ пользоваться никакими преимуществами сравнительно съ другими гражданами и будутъ находиться подъ постояннымъ контролемъ свободнаго народа, то нѣтъ никакого основанія опасаться, что власть явится приманкой честолюбія и послужитъ къ угнетенію личности. При отсутствіи внутри соціалистическаго общества классовъ и классовыхъ противорѣчій всякіе поводы къ столкновенію хозяйственныхъ интересовъ различныхъ группъ населенія сократятся до послѣдней степени, и исчезнетъ

поводъ для всякаго притѣсненія и насилія съ чьей бы то ни было стороны. Люди власти станутъ не повелителями, а исполнителями воли, слугами народа.

Но, въ общемъ, марксизмъ, какъ я уже сказалъ, не создалъ никакого опредѣленнаго плана будущаго общественнаго устройства. А такъ какъ такіе планы, какъ я опять-таки указывалъ, необходимы для соціализма, то не удивительно, что они продолжаютъ возникать помимо марксизма. Именно въ новѣйшее время наблюдается расцвѣтъ такъ называемыхъ «утопій», обычная форма которыхъ, унаслѣдованная ими еще отъ ихъ общаго предка, «Утопіи» Мора— разсказъ въ беллетристической или полубеллетристической формѣ. Наибольшій и вполнѣ заслуженный успѣхъ имѣла въ новѣйшее время утопія американца Беллами, которая больше содѣйствовала пропагандѣ въ широкихъ народныхъ массахъ идей соціализма, чѣмъ какая-либо другая книга за послѣднія 20 лѣтъ.

Книга Беллами «Взглядъ назадъ» (1888 г.) интересна въ томъ отношеніи, что она даетъ въ наглядной и ясной, весьма разработанной формѣ практичный планъ соціалистическаго государства. Въ основу этого плана положены обычные принципы централистическаго соціализма. Всѣ хозяйственныя работы исполняются у Беллами промышленной арміей, въ которой участвуетъ все способное къ труду и не избавленное отъ этого участія по особымъ причинамъ населеніе страны въ возрастѣ отъ 21 до 45 лѣтъ. По окончаніи обязательнаго 24-лѣтняго труда каждый гражданинъ получаетъ полную свободу дѣлать, что ему вздумается, или даже ничего не дѣлать. Національное производство организовано строго централистически: центральная власть регулируетъ все національное производство въ соотвѣтствіи съ національнымъ спросомъ. До 21 года граждане, какъ сказано, не приступаютъ къ хозяйственному труду и получаютъ образованіе. Выборъ занятій Беллами стремится сдѣлать, по возможности, болѣе свободнымъ. Общественныя власти обставляютъ занятія каждаго рода такими условіями, чтобы предложеніе труда въ каждомъ отдѣльномъ занятіи соотвѣтствовало спросу на этотъ трудъ. Это достигается, прежде всего, неодинаковой продолжительностью рабочаго времени въ различныхъ профессіяхъ. Чѣмъ менѣе привлекателенъ трудъ извѣстнаго рода, чѣмъ болѣе онъ утомителенъ, тягостенъ, опасенъ или непріятенъ, тѣмъ короче и его продолжительность. Если число желающихъ заниматься извѣстнымъ трудомъ превышаетъ возможность найти для нихъ занятіе, помѣстить ихъ въ этой отрасли труда, то удлиненіе въ ней рабочаго времени дѣлаетъ соотвѣтствующій трудъ менѣе привлекательнымъ, благодаря чему предложеніе труда падаетъ и оно приходитъ въ соотвѣтствіе со спросомъ. Недостатокъ предложенія труда извѣстнаго рода вызываетъ мѣры обратнаго рода: число рабочихъ часовъ сокращается или принимаются какія-либо иныя мѣры для увеличенія привлекательности труда, и предложеніе труда возрастаетъ.

Такимъ простымъ способомъ возможно пропорціональное размѣщеніе рабочихъ по всѣмъ отраслямъ національнаго труда безъ всякаго насилія надъ свободой выбора занятій. Въ основу полагается принципъ, что всѣ люди, каковы бы ни были ихъ способности или вкусы, равноправны, и потому общественный трудъ во всѣхъ его отрасляхъ и подраздѣленіяхъ долженъ быть одинаково привлекателенъ для занятыхъ имъ людей.

Но, конечно, эта свобода выбора занятій не относится къ іерархической организаціи общественнаго труда. Въ промышленной арміи должны быть свои офицеры и генералы, болѣе опытные и способные рабочіе, руководящіе хозяйственнымъ процессомъ. Эти руководители должны обладать достаточной властью надъ своими подчиненными, такъ какъ лишь при этомъ условіи хозяйственная организація можетъ работать правильно и успѣшно.

На принципѣ равноправности всѣхъ членовъ общества покоится у Беллами и система оплаты труда. Вознагражденіе труда во всѣхъ его отрасляхъ должно

быть одинаково; мало того, даже лица, не способныя къ труду или закончившія свой обязательный 24-лѣтній трудъ, получаютъ совершенно такое же содержаніе, какъ и производительные рабочіе. «Право каждаго человѣка требовать свою долю въ національномъ продуктѣ—говоритъ Беллами—основывается на его человѣческой природѣ. Оно непосредственно вытекаетъ изъ того факта, что передъ нами человѣкъ».

Каждому взрослому мужчинѣ или женщинѣ открывается кредитъ на одинаковую сумму и выдается соотвѣтствующая именная кредитная книжка. Въ этой книжкѣ обозначено, на какую сумму въ долларахъ открытъ кредитъ. При пріобрѣтеніи изъ государственныхъ магазиновъ предметовъ потребленія съ открытаго по данной книжкѣ кредита списывается цѣна пріобрѣтеннаго предмета, обозначаемая также въ долларахъ. Обозначеніе всѣхъ цѣнъ въ прежнихъ денежныхъ единицахъ имѣетъ въ данномъ случаѣ вполнѣ символическое значеніе, такъ какъ реально доллара, какъ особаго предмета опредѣленной цѣнности, не существуетъ, и денежная единица является лишь идеальной единицей счета, измѣренія цѣнъ.

Такимъ образомъ, несмотря на равенство доходовъ, свобода выбора предметовъ потребленія нисколько не стѣснена. Каждый выбираетъ себѣ по вкусу любые предметы потребленія, лишь бы ихъ общая цѣна соотвѣтствовала общей суммѣ открытаго ему кредита. Дома и строенія принадлежатъ государству, и за пользованіе ими полагается опредѣленная плата, притомъ весьма различная въ зависимости отъ качества квартиры. Такимъ образомъ, ничего похожаго на внѣшнее однообразіе жизни въ государствѣ Беллами не существуетъ.

Международный обмѣнъ регулируется приблизительно такъ же, какъ и въ государствѣ Пекера. Таковы же и принципы установленія цѣнъ: цѣны устанавливаются въ соотвѣтствіи съ трудовой стоимостью производства, но отъ трудовой стоимости дѣлаются отступленія въ случаѣ нарушенія равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Потому цѣны рѣдкихъ предметовъ устанавливаются на основѣ равенства спроса и предложенія.

Какъ и Пекеръ, Беллами допускаетъ свободу распоряженія каждаго своимъ индивидуальнымъ имуществомъ (кромѣ его перепродажи): каждый воленъ отдавать другому принадлежащія ему вещи и оставлять ихъ по завѣщаніямъ кому угодно. Беллами весьма основательно не опасается, что такимъ образомъ возникнетъ сколько-нибудь значительное экономическое неравенство, такъ какъ скопленіе въ рукахъ однихъ нѣсколько большаго количества предметовъ украшенія, домашней обстановки и т. п., при невозможности все это продать, а, тѣмъ болѣе, обратить въ капиталъ для извлеченія нетрудового дохода, никакой опасности ни для кого не представляетъ. А такъ какъ храненіе такихъ вещей требуетъ добавочнаго помѣщенія и вообще добавочной заботы и расходовъ, то не будетъ и особаго побудительнаго мотива, какъ дарить и завѣщать эти вещи, такъ и принимать ихъ.

Весьма интересно, какимъ образомъ Беллами разрѣшаетъ важную задачу обезпеченія свободы умственнаго труда. Печатаніе книгъ, какъ и вообще все производство, лежитъ на обязанности государства. Но государственныя типографіи открыты для каждаго, согласнаго принять на себя расходы по изданію книги. Изданная такимъ образомъ книга, цѣна которой опредѣляется стоимостью ея изданія, въ которой прибавляется авторскій гонораръ, по усмотрѣнію автора, пускается въ продажу въ государственныхъ магазинахъ. Гонораръ, вырученный авторомъ, освобождаетъ его на соотвѣтствующее время отъ участія въ обязательномъ трудѣ. Такимъ образомъ, писатель можетъ, какъ и теперь, жить исключительно доходомъ со своихъ книгъ; для этого нужно только, чтобы книги его находили сбытъ. Но въ отличіе отъ нашего времени доходъ писателя не можетъ превысить общей нормы, равной для

всѣхъ: получаемый имъ доходъ служитъ лишь для освобожденія его отъ обязательнаго труда, но не для поднятія нормы его дохода.

Періодическое изданіе осуществляется, какъ и теперь, путемъ подписокъ лицъ, желающихъ его получать. Подписчики уплачиваютъ государству стоимость изданія, а также гонораръ редакторамъ и сотрудникамъ путемъ соотвѣтствующаго освобожденія ихъ отъ обязательнаго труда. Такой же способъ оплаты примѣняется и въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ умственнаго труда.

Книга Беллами не прибавляетъ ничего принципіально новаго къ другимъ планамъ соціалистическаго государства, хотя бы Пекера. Но въ деталяхъ она нѣчто новое даетъ и удачно разрѣшаетъ нѣкоторыя второстепенныя трудности соціалистическаго устройства общества. Написанная очень легко и живо, она должна была произвести огромное впечатлѣніе на умы и, дѣйствительно, его произвела. Въ первые годы послѣ своего появленія соціалистическій романъ Беллами взволновалъ и заинтересовалъ собой буквально весь цивилизованный міръ. Вотъ, напр., какъ описываетъ впечатлѣніе, произведенное романомъ Беллами, враждебный соціализму авторъ «Schiaraffia politica».

«Два, три года тому назадъ—пишетъ онъ въ 1892 г.—можно было позволить себѣ вопросъ: «читали ли вы Беллами?» Но скоро уже стало странно объ этомъ спрашивать, такъ какъ повсюду ни о чемъ другомъ не говорили. Въ каждомъ вагонѣ можно было увидѣть кого-нибудь, вынимавшаго изъ кармана рекламовское изданіе Беллами, студенты читали ту же книгу въ аудиторіяхъ, вмѣсто того, чтобы слушать лекціи, и даже бравый крестьянинъ изучалъ эту своеобразную государственную науку. Можно было видѣть массы крестьянъ, собиравшихся на доклады одного господина, переѣзжавшаго изъ города въ городъ, и читавшаго противъ Беллами, и намъ самимъ пришлось слышать при этомъ случаѣ замѣчаніе одного крестьянина: «что бы онъ ни говорилъ, а Беллами все-таки правъ!»:

II.

Централистическій коммунизмъ.

Всѣ изложенные планы устройства будущаго общества нужно отнести къ соціализму въ узкомъ смыслѣ слова (коллективизму): всѣ они отнюдь не предполагаютъ однообразія потребленія и допускаютъ полную свободу выбора предметовъ потребленія и распоряженія ими въ границахъ, опредѣляемыхъ доходомъ каждаго. Напротивъ, для коммунизма характерно полное устраненіе категоріи дохода, какъ опредѣленной цѣнности, которою человѣкъ располагаетъ для своихъ потребительныхъ нуждъ. Коммунизмъ требуетъ, въ идеалѣ, полной свободы личнаго потребленія безъ всякаго ограниченія: каждый черпаетъ изъ общаго фонда національнаго потребленія въ мѣру своихъ потребностей. Но такъ какъ нѣчто подобное въ ближайшемъ будущемъ совершенно неосуществимо, то на практикѣ коммунизмъ (поскольку онъ не превращался въ анархизмъ, какъ у Морриса) довольствуется требованіемъ полнаго равенства и единообразія потребленія для всѣхъ членовъ общества (примѣнительно, разумѣется, къ полу, возрасту, состоянію здоровья и другимъ естественнымъ различіямъ людей).

Типичнымъ образцомъ централистическаго коммунизма является «Икарія» Кабэ, планъ которой былъ непосредственно навѣянъ Кабэ «Утопіей» Мора.

Икарія—это коммунистическое государство, названное такъ въ честь своего основателя, Икара По мысли своего творца она должна воплощать идеалъ раціональнаго устройства общества. Потому въ ней ничего нѣтъ случайнаго, безсознательнаго, исторически возникшаго, но все проникнуто сознательной волей человѣка. Всякая наличная черта этого государства имѣетъ за себя какое-нибудь логическое основаніе.

Такой характеръ имѣетъ, прежде всего, внѣшнее территоріальное дѣленіе страны. Въ современныхъ государствахъ города, провинціи, деревни складывались и вырастали въ стихійномъ процессѣ историческаго развитія, случайно и неправильно. Икарія не такова. Она раздѣлена на 100 провинцій—не больше и не меньше. Каждая провинція занимаетъ одинаковую территорію и имѣетъ одинаковое населеніе. Каждая провинція состоитъ изъ 10 опять-таки равныхъ коммунъ; въ центрѣ каждой провинціи помѣщается провинціальный городъ, а въ центрѣ каждой коммуны—коммунальный городъ. На территоріи каждой коммуны равномѣрно разсыпаны деревни и фермы жителей.

Въ центрѣ государства помѣщается его главный городъ,—Икара. Тутъ чудеса правильности и симметріи достигаютъ своего высшаго предѣла. Даже рѣка, которая протекаетъ черезъ этотъ городъ, вытянута искусственными сооруженіями въ почти правильную геометрическую прямую линію.

Закономъ общественнаго устройства Икаріи является принципъ самаго строгаго равенства всѣхъ. Общество принимаетъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы въ корнѣ убить самые зачатки неравенства. Всѣ жители получаютъ нужные имъ предметы потребленія отъ государства, которое отводитъ каждой семьѣ одинаковые дома съ одинаковой меблировкой, даетъ одежду одинаковаго покроя и въ одинаковомъ количествѣ, одинаково кормитъ всѣхъ въ общественныхъ ресторанахъ и т. д., и т. д. Если какого-либо предмета потребленія не хватаетъ для всѣхъ, то, чтобы не нарушать принципа равенства, государство не даетъ его никому, совершенно его не производитъ.

Законъ устанавливаетъ всѣ подробности личнаго потребленія. Такъ, напримѣръ, особый комитетъ вырабатываетъ форму одежды, покрой ея, цвѣтъ и пр., и эта форма обязательна для всѣхъ.

Но, во внимаціе къ слабости человѣческой, Кабэ допускаетъ различіе въ цвѣтѣ одежды: блондинки могутъ получать одежду голубого цвѣта, а брюнетки—краснаго.

Существуетъ и другое распредѣленіе формы одежды: одежда въ Икаріи служитъ не только для защиты отъ холода и украшенія человѣка, но и преслѣдуетъ другія, болѣе существенныя цѣли. «Особенности одежды—восклицаетъ восторженный поклонникъ икарійскихъ порядковъ, добродушный папа-Кабэ—должны указывать на всѣ обстоятельства жизни человѣка. Дѣтство и юность, годы возмужалости и зрѣлаго возраста, состояніе въ бракѣ или внѣ его, вдовство, профессія или занятіе, все это указывается одеждою. Всѣ лица одинаковаго положенія имѣютъ одинаковую форму; но тысячи различныхъ формъ соотвѣтствуютъ тысячамъ различныхъ положеній человѣка».

Итакъ, въ Икаріи нельзя будетъ скрывать своего возраста, нельзя будетъ никого вводить въ обманъ и прикидываться неженатымъ, достаточно будетъ одного взгляда на икарійца, чтобы безошибочно опредѣлить, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

Заботы Кабэ о доброй нравственности своихъ гражданъ и гражданокъ простираются до того, что онъ строго регламентируетъ, въ какомъ возрастѣ женщины получаютъ право носить цвѣты, перья на шляпахъ, драгоцѣнности, яркія платья, и когда онѣ должны переходить къ болѣе скромнымъ одеждамъ. Все должно быть разумно въ Икаріи и содѣйствовать общему благополучію.

Для Кабэ возникаетъ одна трудность—какъ быть съ не вполнѣ устранимымъ, къ сожалѣнію, разнообразіемъ физическаго сложенія людей? Вѣдь, Икарія не знаетъ работы на заказъ, примѣнительно къ физическимъ особенностямъ и вкусамъ заказчиковъ. Вся одежда выдѣлывается въ ней на огромныхъ фабрикахъ и распредѣляется въ готовомъ видѣ между жителями. Однако, люди не всѣ одинаково сложены. Но и съ этой трудностью справляется авторъ «Икаріи»: одежда будетъ приготовляться изъ эластичныхъ тканей, «такъ что будетъ годиться людямъ различнаго роста и сложенія».

Таково будетъ это царство скуки, скуки и коммунизма, кажущееся его творцу идеаломъ совершенства. Свободы печати въ немъ, конечно, не будетъ, такъ какъ нельзя же позволить каждому печатать на общественный счетъ все, что ему вздумается. По этому деликатному вопросу Кабэ заставляетъ своихъ дѣйствующихъ лицъ вести слѣдующій діалогъ:

«Республика,—сказалъ Евгеній,—печатаетъ заранѣе одобренныя работы, чтобы затѣмъ раздавать ихъ даромъ, какъ и все остальное, частью однимъ ученымъ, частью всѣмъ семьямъ, такъ что библіотека каждаго гражданина состоитъ только изъ самыхъ лучшихъ книгъ».

— «Превосходно!»—замѣтилъ Вальморъ.

— «И республика,—прибавилъ я,—исправила и передѣлала всѣ старыя книги, которыя были плохи, напр., національную исторію, и сожгла всѣ старыя книги, которыя были признаны вредными или безполезными».

— «Сожгла!—воскликнулъ Евгеній,—васъ можно было бы обвинить, что вы желаете подражать Омару, сжегшему александрійскую библіотеку!»

— «Но на это я отвѣчу,—сказалъ Вальморъ,—что мы дѣлаемъ въ пользу человѣчества то же, что тираны дѣлали противъ него: мы сожгли вредныя книги, между тѣмъ какъ фанатики сжигали безвредныхъ еретиковъ. Однако, мы сохранили въ нашихъ большихъ національныхъ библіотекахъ по нѣскольку экземпляровъ старыхъ книгъ, чтобы люди не забывали о невѣжествѣ и безуміи прежняго времени и о прогрессѣ настоящаго».

— «Счастливая Икарія!—воскликнулъ Евгеній, воодушевленіе котораго постепенно возрастало,—счастливая Икарія, что она идетъ такъ быстро по пути прогресса! Какъ она счастлива, что въ ней нѣтъ ничего дурного, даже почти ничего посредственнаго, а во всемъ достигнуто почти полное совершенство!»

Образчикомъ этого почти полнаго совершенства можетъ служить икарійская пресса. Икарійцы презираютъ лживую и испорченную прессу нашего времени. Взамѣнъ этого они установили слѣдующій порядокъ. Въ каждой коммунѣ разрѣшается изданіе только одной коммунальной газеты, въ каждой провинціи—одной провинціальной газеты, и во всемъ государствѣ—одной національной газеты. Редакторомъ каждой такой газеты намѣчается особо выбранное народомъ и пользующееся его довѣріемъ лицо. Но и этого мало—и это лицо могло бы оказаться не на высотѣ положенія и вносить свои индивидуальные вкусы и мнѣнія въ оцѣнку текущихъ событій. Поэтому, «чтобы вырвать зло съ корнемъ,—говоритъ икаріецъ Вальморъ,—мы рѣшили, чтобы газеты имѣли характеръ простыхъ протоколовъ и были простымъ изложеніемъ фактовъ, безъ всякаго обсужденія послѣднихъ со стороны журналиста».

Въ полной гармоніи со всѣмъ строемъ Икаріи находится и то, что выборъ занятій въ этомъ совершенномъ государствѣ всего меньше можетъ считаться свободнымъ: «ребенокъ земледѣльца,—говоритъ Кабэ,—свободенъ выбрать другое занятіе, если какая-либо семья въ городѣ соглашается его взять, какъ дитя изъ городской семьи можетъ стать земледѣльцемъ, если какой-либо фермеръ соглашается принять его къ себѣ; но, какъ общее правило, дѣти земледѣльцевъ предпочитаютъ быть земледѣльцами, какъ и ихъ отцы».

Итакъ, наслѣдственность занятій—нѣчто въ родѣ кастъ!

«Икарія» Кабэ воплощаетъ въ себѣ именно то «грядущее рабство», о которомъ говорятъ враги соціализма. Вообще, централистическій коммунизмъ икарійскаго типа является для того, кто считаетъ свободу развитія человѣческой личности верховнымъ благомъ, совершенно непріемлемой формой общежитія. Но соціалистическое устройство общества мыслимо и въ совершенно другихъ формахъ (указанныхъ Пекеромъ и Беллами), при которыхъ обезпеченіе хозяйственнаго благосостоянія массы не только не покупается отказомъ отъ

индивидуальной свободы, но, наоборотъ, является самой прочной опорой этой свободы. Именно такой формѣ соціализма и принадлежитъ будущее.

Централистическій коммунизмъ, поскольку онъ принудительно устанавливаетъ, какіе именно предметы должны потребляться человѣкомъ, является совершенно недопустимымъ стѣсненіемъ личной свободы человѣка. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что начало коммунизма въ потребленіи должно быть совершенно отвергнуто. Дѣло въ томъ, что коммунизмъ выставляетъ два различныхъ принципа распредѣленія. Въ идеалѣ коммунизмъ требуетъ полной свободы потребленія — каждому по его потребностямъ, — для ближайшаго же времени коммунизмъ выставляетъ требованіе качественнаго и количественнаго равенства потребленія. Такое равенство потребленія равносильно, какъ я сказалъ, полному порабощенію личности обществомъ. Но коммунизмъ выставляетъ и болѣе высокій принципъ распредѣленія—свободы потребленія. Правда, этотъ принципъ можетъ казаться совершенно неосуществимымъ на практикѣ. Вѣдь, человѣческія потребности почти безграничны; если предоставить каждому полную свободу расширять свое потребленіе, то не приведетъ ли это къ тому, что одни будутъ захватывать большую часть общественнаго богатства въ ущербъ другимъ, которымъ поневолѣ придется довольствоваться немногимъ, оставшимся на ихъ долю? Такъ какъ общественное богатство имѣетъ свои границы, то должны быть, казалось бы, какія-либо внѣшнія границы и для потребленія, которое, предоставленное самому себѣ, стремилось бы къ неограниченному расширенію.

Однако, соображенія эти далеко не такъ сильны, какъ кажется съ перваго взгляда. Прежде всего, далеко не во всѣхъ своихъ областяхъ человѣческое потребленіе способно къ такому безграничному расширенію. Наиболѣе настоятельныя физіологическія потребности—напр., въ питаніи—легко удовлетворяются и не могутъ поэтому неограниченно расти; только въ области того, что называютъ потребностями роскоши, наблюдается нѣчто похожее на практически неограниченный ростъ потребности по мѣрѣ ея удовлетворенія, почему полное удовлетвореніе потребностей этого рода оказывается практически недостижимымъ. Но главное дѣло въ томъ, что силы, вводящія личное потребленіе въ разумныя границы, отнюдь не должны непремѣнно имѣть внѣшній, принудительный характеръ. Человѣкъ можетъ добровольно, изъ уваженія къ интересамъ другихъ людей, ограничивать свое потребленіе. Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ, помимо всякихъ принудительныхъ законовъ или правилъ, и страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ, потребленіе котораго настолько выходитъ изъ границъ, что отъ этого страдаютъ другіе, долженъ неизбѣжно навлекать на себя неудовольствіе своихъ товарищей. Подобныя соображенія, при предположеніи извѣстной высоты нравственнаго уровня лицъ, принадлежащихъ къ данному общественному союзу, могутъ оказаться совершенно достаточными для того, чтобы полная свобода личнаго потребленія не превращалась въ злоупотребленіе этой свободой въ ущербъ интересамъ всего общества.

Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что существуютъ области, въ которыхъ наблюдается полное согласіе между личнымъ и общественнымъ интересомъ, и въ которыхъ общество поэтому нисколько не заинтересовано въ ограниченіи личнаго потребленія. Сюда относятся высшія, духовныя потребности. Общество не теряетъ, а выигрываетъ отъ того, что библіотеки, музеи, образовательныя учрежденія привлекаютъ къ себѣ большее число посѣтителей.

Итакъ, полная свобода личнаго потребленія отнюдь не заключаетъ въ себѣ какой-либо внутренней невозможности; но для осуществленія вполнѣ коммунистическаго общества, въ которомъ каждый свободно пользовался бы тѣмъ, что ему нужно, требуется, прежде всего, полное нравственное перевоспитаніе человѣчества. Пока вся масса населенія не проникнется уваженіемъ къ чужимъ интересамъ и не воспитаетъ въ себѣ постоянной готовности посту-

наться своими личными интересами, если этого требуютъ интересы общества, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ силѣ необходимость внѣшнихъ принудительныхъ, общественныхъ нормъ, регулирующихъ личное потребленіе. Но эти нормы должны быть таковы, чтобы свобода выбора потребляемыхъ предметовъ не исчезла. Соціалистическія системы, нормирующія доходы отдѣльныхъ лицъ, но отнюдь не стѣсняющія этой свободы, представляютъ собой, поэтому, несравненно высшій типъ общественнаго союза, чѣмъ коммунистическая система Кабэ, нормирующая не доходы, а самое потребленіе членовъ общества.

Даже въ современномъ обществѣ существуютъ обширныя области коммунистическаго, вполнѣ свободнаго потребленія. Такъ, всѣ свободно пользуются общественными парками, музеями, библіотеками, картинными галлереями. Народное образованіе также, въ большей или меньшей степени, имѣетъ даровой характеръ. Даровая медицина и ветеринарія уже теперь является господствующимъ типомъ лѣчебной помощи въ русской деревнѣ земскихъ губерній. Безъ всякаго сомнѣнія, область свободнаго коммунистическаго потребленія должна чрезвычайно расшириться въ соціалистическомъ обществѣ—и упущеніе этого изъ виду составляетъ главный недостатокъ соціалистическихъ плановъ Пекера и Беллами. Не только воспитаніе и образованіе подрастающаго поколѣнія должны получить всецѣло коммунистическій характеръ, но и тѣ области общенароднаго потребленія, въ которыхъ нѣтъ основанія опасаться чрезмѣрнаго роста потребностей, должны основываться на коммунистическихъ началахъ. Весьма возможно, что полученіе пищи можетъ быть объявлено въ соціалистическомъ обществѣ совершенно свободнымъ: каждый будетъ получать отъ общества безъ всякой платы предметы питанія такого рода и въ такомъ количествѣ, въ какомъ самъ пожелаетъ. Плата за передвиженіе можетъ быть также отмѣнена безъ всякой опасности для общественныхъ интересовъ. Вся область необходимыхъ потребностей можетъ быть объявлена неподлежащей никакому общественному контролю и регулированію.

ГЛАВА V.

Корпоративный коллективизмъ.

Самымъ выдающимся представителемъ того соціалистическаго направленія, которое я называю корпоративнымъ соціализмомъ, является Луи Бланъ (изъ новѣйшихъ соціалистовъ сюда слѣдуетъ отнести Герику и Жореса). Централистическій соціализмъ стремится къ сосредоточенію въ рукахъ организованной центральной общественной власти руководительства всѣмъ общественнымъ процессомъ производства. Напротивъ, корпоративный соціализмъ имѣетъ въ виду передачу общественнаго производства въ руки отдѣльныхъ организованныхъ профессіональныхъ союзовъ, корпорацій рабочихъ.

Луи Бланъ хорошо понималъ важность государства въ дѣлѣ соціалистическаго преобразованія общественнаго хозяйства. Онъ отнюдь не былъ сторонникомъ соціалистическихъ опытовъ въ маломъ размѣрѣ. Но въ то же время онъ не вѣрилъ и въ возможность для государственной власти непосредственно руководить всѣмъ громаднымъ и чрезвычайно сложнымъ общественнымъ хозяйствомъ. Его задачей было примирить оба противоположныхъ начала: государственное вмѣшательство и свободу частнаго почина. Планъ Луи Блана сводился къ слѣдующему.

Движущимъ рычагомъ соціалистическаго преобразованія общества становится государственная власть. Съ этой цѣлью государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ тѣ отрасли хозяйства, которыя по своему существу допускаютъ или даже требуютъ централизаціи; сюда относится вся область кредита и страхового дѣла, затѣмъ желѣзныя дороги, горнозаводская промы-

шленность. Кромѣ того, государство сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ оптовую и розничную торговлю. Располагая всѣми этими могущественными хозяйственными средствами, государство пользуется ими для того, чтобы постепенно замѣнять всѣ капиталистическія частно-хозяйственныя предпріятія трудовыми ассоціаціями, артелями рабочихъ, оказывая поддержку свободно возникающимъ ассоціаціямъ такого рода.

Но, конечно, государство будетъ оказывать помощь не всякимъ ассоціаціямъ рабочихъ, а лишь такимъ, которыя удовлетворяютъ извѣстнымъ требованіямъ. Ассоціаціи, пользующіяся помощью государства, должны имѣть, прежде всего, чисто трудовой характеръ — онѣ должны состоять только изъ рабочихъ, пользующихся совершенно равными правами, наемный трудъ въ нихъ никоимъ образомъ не можетъ быть допущенъ, руководительство ими должно принадлежать всецѣло рабочимъ, которые для этого должны свободно избирать изъ своей среды соотвѣтствующихъ лицъ. Только первый годъ послѣ возникновенія ассоціаціи, когда рабочіе еще мало ознакомились между собой, должностныя лица ассоціаціи могли бы назначаться государственной властью. Вознагражденіе труда въ предѣлахъ каждой такой ассоціаціи въ ближайшемъ будущемъ должно было бы быть равнымъ, хотя такое равенство оплаты труда Луи Блавъ признаетъ лишь временной необходимостью, не соотвѣтствующей справедливости. Полная справедливость требовала бы, чтобы каждый рабочій работалъ по мѣрѣ силъ и получалъ по мѣрѣ своихъ потребностей.

Производительныя ассоціаціи такого типа, пользующіяся поддержкой государства, въ весьма скоромъ времени вытѣснятъ, по мнѣнію Луи Блана, частно-хозяйственныя предпріятія, и такимъ образомъ все національное производство, не входящее въ область государственнаго хозяйства, сосредоточится въ ихъ рукахъ. Когда это будетъ достигнуто, можно будетъ сдѣлать дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ организаціи національнаго производства. За объединеніемъ рабочихъ въ ассоціаціи должно послѣдовать объединеніе между собой отдѣльныхъ ассоціацій, изготовляющихъ тѣ же продукты. Въ концѣ концовъ, всѣ ассоціаціи того же рода должны слиться въ одно организованное цѣлое и управляться изъ одного общаго центра. Конкуренція внутри каждой отрасли труда тогда совершенно исчезнетъ, и національное производство распадется на отдѣльныя отрасли труда, объединенныя внутри, но свободныя въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Однако, этимъ еще не заканчивается организація національнаго производства. Пользуясь отчисленіями въ свою пользу изъ доходовъ отдѣльныхъ профессіональныхъ организацій, государство должно организовать извѣстную взаимопомощь всѣхъ отраслей національнаго труда. Для этого государство должно оказывать поддержку изъ общаго національнаго фонда тѣмъ отраслямъ труда, которыя, благодаря какимъ-либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, пришли бы въ разстройство и нуждались бы во внѣшней помощи.

Планъ Луи Блана былъ заимствованъ знаменитымъ организаторомъ нѣмецкой рабочей партіи Лассалемъ, который противопоставилъ этотъ планъ устройства производительныхъ ассоціацій, при поддержкѣ и на средства государства, организаціямъ рабочихъ на основѣ самопомощи, безъ всякой поддержки государства, за что энергично ратовалъ въ 60-хъ годахъ въ Германіи Шульце-Деличъ. Такимъ образомъ, возникъ извѣстный споръ Лассаля съ Шульце-Деличемъ. Свои практическія предложенія Лассаль резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: «итакъ, еще разъ—свободная индивидуальная ассоціація рабочихъ, но свободная ассоціація, опирающаяся на поддерживающую руку государства— вотъ единственный открытый рабочему народу выходъ изъ пустыни».

Для постепеннаго осуществленія этого плана Лассаль требовалъ ассигновки изъ государственной казны 100 милл. талеровъ (около 150 милл. р.).

Такимъ образомъ, корпоративному соціализму рисуется въ будущемъ

слѣдующая организація общественнаго хозяйства. Каждая отрасль производства находится въ рукахъ организованныхъ рабочихъ, почти безконтрольно распоряжающихся принадлежащими имъ средствами производства. Земледѣльцамъ принадлежитъ земля, ткачамъ—ткацкія фабрики, машиностроителямъ—машиностроительные заводы и т. д., и т. д. Изготовленные продукты поступаютъ въ обмѣнъ, продаются и покупаются. Каждая организованная отрасль труда является на рынкѣ самостоятельнымъ предпріятіемъ и распредѣляетъ между своими членами всю свою чистую выручку, за вычетомъ доли, слѣдуемой государству.

Каковы бы ни были выгоды такой организаціи общественнаго хозяйства, легко видѣть, что она не соотвѣтствуетъ соціалистическому идеалу, ибо она не обезпечиваетъ экономической равноправности всѣхъ членовъ общества. При господствѣ корпоративнаго соціализма средства производства принадлежали бы не всему обществу, не всему народу, а лишь отдѣльнымъ группамъ его. Рабочіе въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя оказались бы въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могли бы пользоваться выгодами своего экономическаго положенія въ ущербъ интересамъ остальной части общества и, такимъ образомъ, эксплоатировать ее.

Борьба противоположныхъ экономическихъ интересовъ при такой организаціи общественнаго хозяйства не уничтожается, а лишь переносится изъ области частныхъ хозяйствъ въ область организованныхъ общественныхъ группъ, и отъ этого она можетъ стать даже болѣе ожесточенной.

Корпоративный соціализмъ оставляетъ національное производство въ цѣломъ неорганизованнымъ и непланомѣрнымъ. Каждая группа рабочихъ самостоятельно руководитъ производствомъ, не справляясь съ нуждами и желаніями другихъ группъ. Въ этомъ отношеніи организованныя группы профессіональныхъ рабочихъ вполнѣ соотвѣтствовали бы современнымъ союзамъ капиталистовъ, такъ называемымъ картелямъ, съ тѣмъ, разумѣется, различіемъ, что онѣ не имѣли бы капиталистическаго характера. Но какъ картели не въ силахъ предотвратить промышленныхъ кризисовъ и помѣшать тому экономическому тренію, которое задерживаетъ ростъ народнаго богатства при господствѣ капитализма, точно такъ же безсильны будутъ организовать общественное хозяйство и производительныя ассоціаціи рабочихъ.

По плану Луи Блана, рабочія ассоціаціи самостоятельно руководятъ производствомъ, но, если извѣстная отрасль труда приходитъ въ разстройство, государство оказываетъ ей поддержку. Такимъ образомъ, рабочимъ ассоціаціямъ предоставлена полная свобода распоряжаться общественными средствами, но онѣ избавлены отъ всякой отвѣтственности за неудовлетворительное веденіе дѣла. Это отнюдь не должно содѣйствовать успѣшности общественнаго хозяйства.

Такого рода практическихъ возраженій противъ плановъ корпоративнаго соціализма можно было бы привести сколько угодно. Но въ этомъ нѣтъ нужды, такъ какъ корпоративный соціализмъ долженъ быть рѣшительно отвергнутъ, какъ конечный хозяйственный идеалъ, уже по чисто принципіальнымъ соображеніямъ. Соціалистическій идеалъ не допускаетъ, чтобы права общества, какъ цѣлаго, были ограничиваемы исключительными правами отдѣльныхъ общественныхъ группъ. Средства производства, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ средства существованія, должны быть нераздѣльной собственностью всего народа, а слѣдовательно, и распоряженіе ими должно принадлежать народу, а не профессіональной группѣ.

Корпоративный соціализмъ можетъ имѣть значеніе, какъ временная мѣра перехода къ болѣе совершеннымъ формамъ соціализма. Въ этомъ отношеніи производительныя ассоціаціи рабочихъ могутъ оказаться незамѣнимой формой хозяйственнаго предпріятія въ переходное время отъ капита-

лизма къ соціализму. Вообще же, корпоративный соціализмъ представляетъ извѣстныя опасности, развивая профессіональный эгоизмъ среди рабочаго класса и разбивая его единство. Нѣмецкая соціалдемократія усиленно борется съ узко-профессіональнымъ духомъ рабочихъ союзовъ и противопоставляетъ интересамъ отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ рабочихъ интересы всего пролетаріата. И всякій мыслящій соціалистъ долженъ признать, что въ данномъ случаѣ руководителями нѣмецкой соціалдемократіи движетъ истинный соціалистическій идеалъ, правильное пониманіе конечныхъ цѣлей соціализма.

Нетрудно понять, почему корпоративный соціализмъ возможенъ только въ одной формѣ — корпоративнаго коллективизма, а не корпоративнаго *коллективизма* и *коммунизма*, какъ мы это видѣли по отношенію къ централистическому соціализму. Дѣло въ томъ, что при корпоративномъ строѣ общество распадается на профессіональныя группы, каждая изъ которыхъ является собственницей своего продукта и нуждается въ продуктахъ другихъ группъ. Потому корпоративный строй неизбѣжно предполагаетъ *обмѣнъ* продуктовъ разныхъ группъ, а гдѣ есть обмѣнъ, тамъ нѣтъ коммунизма, не признающаго никакого обмѣна.

ГЛАВА VI.

Федералистическій соціализмъ.

1.

Федералистическій коммунизмъ.

Федералистическій соціализмъ рѣзко отличается, какъ отъ централистическаго, такъ и отъ корпоративнаго соціализма. Первая форма соціализма требуетъ объединенной организаціи всего народнаго хозяйства въ предѣлахъ государства (а въ идеалѣ—и всего міра) въ связное, стройное цѣлое, всѣ части котораго должны быть строго согласованы между собой. Централистическій соціализмъ совмѣстимъ съ широкой свободой мѣстныхъ хозяйственныхъ организацій, но лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ предѣлахъ признанія верховной власти и верховнаго авторитета центральной хозяйственной организаціи.

Напротивъ, федералистическій соціализмъ принципіально отвергаетъ необходимость объединенія отдѣльныхъ соціалистическихъ общинъ въ одно связное цѣлое. Этимъ онъ рѣзко отличается отъ централистическаго соціализма. Въ то же время онъ отличается и отъ корпоративнаго соціализма. Этотъ послѣдній кладетъ въ основу хозяйственнаго дѣленія общества профессію, родъ производительнаго труда. Хозяйственной единицей въ корпоративномъ соціализмѣ является группа рабочихъ, связанныхъ единствомъ профессіи. Напротивъ, федералистическій соціализмъ стремится объединить въ одну хозяйственную организацію представителей различныхъ профессій: единицей федералистическаго соціализма является соціалистическая община, включающая въ себя, по возможности, всѣ роды труда и ведущая хозяйство въ значительной мѣрѣ на натуральныхъ началахъ — вырабатывающая собственными средствами большую часть разнообразныхъ продуктовъ, служащихъ для потребленія ея членовъ.

Корпоративный соціализмъ близокъ къ централистическому въ томъ отношеніи, что онъ покоится на широкомъ общественномъ раздѣленіи труда и предполагаетъ тѣсную связь между всѣми группами профессіональныхъ рабочихъ, такъ какъ каждая отдѣльная группа ихъ не имѣетъ возможности удовлетворить свои потребности безъ помощи другихъ группъ. Напротивъ, федералистическій соціализмъ, разбивая общество на множество отдѣльныхъ

общинъ, находящихся въ весьма слабой связи другъ съ другомъ, образуетъ собой уклонъ уже въ сторону анархизма. Доведенный до своихъ послѣднихъ логическихъ предѣловъ, федералистическій соціализмъ почти совпадаетъ съ анархизмомъ.

Представителемъ федералистическаго коммунизма является Оуэнъ. По своей поразительной практической энергіи Оуэнъ занимаетъ единственное мѣсто въ исторіи соціализма. Онъ вызвалъ къ жизни цѣлый рядъ практическихъ предпріятій, нѣкоторыя изъ которыхъ,—какъ, напр., общества потребителей,—послужили отправнымъ пунктомъ цѣлыхъ общественныхъ движеній и получили огромное историческое значеніе. Практическія организаціи, осуществленныя или намѣченныя Оуэномъ, имѣли весьма разнообразный характеръ и, въ своей совокупности, отнюдь не могутъ быть уложены въ какую-либо стройную систему.

Но для насъ въ данномъ случаѣ интересны не практическія мѣры, предложенныя и частью испробованныя тѣмъ, кого съ полнымъ основаніемъ слѣдуетъ считать отцомъ англійскаго соціализма, а его конечный соціальный идеалъ. Этотъ послѣдній рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Существующее раздѣленіе города и деревни, промышленности и земледѣлія, должно исчезнуть. Община будущаго должна соединять земледѣльческій трудъ съ промышленнымъ. Хозяйственныя работы будутъ производиться сообща за счетъ общины, при чемъ всѣ выдѣлываемые продукты будутъ принадлежать самой общинѣ. Такимъ образомъ, въ ней не будетъ частной собственности не только на средства производства, но и на предметы потребленія, которые будутъ переходить въ распоряженіе отдѣльнаго лица только во время ихъ потребленія. Что же касается предметовъ, потребляемыхъ сразу, какъ, напр., жилыя помѣщенія или мебель, то они могутъ принадлежать отдѣльному лицу только на время пользованія ими. Всякій выбираетъ работу въ соотвѣтствіи со своими наклонностями и вкусами, и всѣ работаютъ сообща, при чемъ община принимаетъ всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать работы какъ можно болѣе привлекательными и пріятными. Работы непріятныя, нездоровыя или слишкомъ тяжелыя должны быть, по возможности, устранены широкимъ примѣненіемъ машинъ.

Съ цѣлью использовать всѣ выгоды не только производства, но и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, члены общины помѣщаются въ центральномъ зданіи общины, представляющимъ собою роскошный дворецъ. Въ этомъ дворцѣ каждая семья занимаетъ свою особую квартиру, но дѣти съ самаго ранняго возраста воспитываются сообща, при чемъ воспитаніе должно имѣть строго методическій характеръ и преслѣдовать цѣль выработки наиболѣе совершеннаго человѣческаго характера. Именно на разумное воспитаніе, которое должно совершенно преобразовать человѣка и сдѣлать изъ него новое существо, лишенное пороковъ и слабостей нашей эпохи, Оуэнъ и возлагаетъ свои главныя надежды. Во всѣхъ его книгахъ и статьяхъ, посвященныхъ устройству будущаго общества, вопросамъ воспитанія отводится самое видное мѣсто.

Число членовъ такой кооперативной общины можетъ измѣняться въ предѣлахъ отъ 500—3000. Управленіе общиной съ болѣе многочисленнымъ составомъ членовъ было бы уже затруднительнымъ, а община, имѣющая менѣе 500 членовъ, была бы недостаточно крупной.

Каждая община должна располагать для своихъ цѣлей извѣстнымъ участкомъ земли, при чемъ для начала ей требуется не болѣе 1—2 акровъ на душу (т. е. около $^1/_2$ десятины). Впослѣдствіи же, когда община повыситъ интенсивность земледѣлія до характера садовой культуры, ей будетъ достаточно $^1/_2$ или даже $^1/_3$ акра на душу.

Общественная организація производства и потребленія дастъ каждой общинѣ такія выгоды, что общины обезпечатъ своимъ членамъ не только

достатокъ, но и богатство, которымъ всѣ будутъ пользоваться совершенно въ равной мѣрѣ.

Отдѣльныя общины будутъ независимы другъ отъ друга. Современныя государства исчезнутъ, и ихъ мѣсто займутъ общины, которыя будутъ заключать союзы другъ съ другомъ для исполненія работъ, превышающихъ силы отдѣльной общины.

Союзы эти будутъ совершенно свободны и лишены хотя бы въ самой слабой степени принудительнаго характера.

Мало-по-малу—надѣется Оуэнъ—весь земной шаръ покроется кооперативными общинами, долженствующими стать единственной формой человѣческаго общежитія. Міръ приметъ совершенно иной видъ. Не будетъ современныхъ городовъ и громадныхъ скопленій населенія въ немногихъ пунктахъ; вездѣ будутъ равномѣрно разсѣяны дворцы кооперативныхъ общинъ, съ ихъ садами и цвѣтущими полями.

Между отдѣльными общинами будетъ поддерживаться самое живое общеніе, каждый членъ такой общины будетъ имѣть право перейти въ другую, если въ этой послѣдней находится для него мѣсто. Такимъ образомъ, всѣ общины будутъ чувствовать себя внутренно связанными, и каждая, въ то же время, будетъ своимъ единственнымъ и верховнымъ господиномъ.

Организація производства и управленія внутри каждой общины будетъ имѣть слѣдующій характеръ. Все населеніе будетъ дѣлиться по возрастнымъ группамъ. Съ двѣнадцати лѣтъ дѣти будутъ обучаемы хозяйственнымъ работамъ; въ двадцать лѣтъ теоретическое обученіе будетъ заканчиваться.

Хозяйственный трудъ будетъ лежать, главнымъ образомъ, на молодыхъ людяхъ обоего пола въ возрастѣ 20—25 лѣтъ. Въ возрастѣ 25—30 лѣтъ люди будутъ только 2 часа въ сутки отдавать хозяйственному труду, а затѣмъ совсѣмъ освобождаться отъ него.

Управленіе всѣми внутренними дѣлами общины будетъ лежать на всѣхъ членахъ ея въ возрастѣ 30—40 лѣтъ, а управленіе внѣшними дѣлами—на болѣе старшихъ членахъ, въ возрастѣ 40—60 лѣтъ. Эту своеобразную систему управленія, основанную на возрастныхъ группахъ населенія, Оуэнъ предлагаетъ потому, что онъ рѣшительно отвергаетъ систему какихъ бы то ни было выборовъ, ибо «выборы развращаютъ какъ избирателей, такъ и избираемыхъ и причиняютъ неисчислимое зло обществу. Самыя худшія страсти и всевозможные виды обмана порождаются столкновеніями интересовъ при выборахъ». Взамѣнъ системы выборовъ Оуэнъ стремится организовать общественное управленіе путемъ привлеченія къ нему всего взрослаго населенія (съ подраздѣленіемъ по возрастнымъ группамъ).

Такимъ образомъ, исчезаетъ надобность въ какомъ бы то ни было особо избираемомъ правительствѣ, и люди становятся равны другъ другу не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Всякая власть одного человѣка надъ другимъ дѣлается излишней и ненужной. Каждый знаетъ, что, достигши извѣстнаго возраста, онъ приметъ такое же участіе въ управленіи дѣлами своей общины, какъ и всѣ остальные ея члены.

Горячимъ защитникомъ плановъ Оуэна былъ его замѣчательнѣйшій ученикъ Вилльямъ Томпсонъ, который, какъ теоретикъ, стоялъ значительно выше своего учителя. Весьма любопытно, какія измѣненія онъ ввелъ въ планъ Оуэна. Отъ Томпсона не ускользнуло, что полное равенство, господствующее внутри общины, еще не обезпечиваетъ равенства между членами отдѣльныхъ общинъ; напротивъ, совершенно неизбѣжно, что однѣ общины будутъ находиться въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ другія, хотя бы уже по естественнымъ различіямъ ихъ мѣстонахожденія. Томпсонъ былъ такимъ же сторонникомъ строгаго равенства, какъ и его учитель. И вотъ онъ оказался вынужденнымъ, для возстановленія равенства, возстановить и упраздненное Оуэномъ государство

онъ предложилъ, чтобы государство облагало общины особымъ налогомъ, пропорціонально различіямъ плодородія и другимъ естественнымъ преимуществамъ земель, находящихся въ распоряженіи каждой общины. Такимъ образомъ, естественныя неравенства будутъ нейтрализованы спеціальнымъ налогомъ, который пойдетъ, въ свою очередь, на общія нужды всѣхъ общинъ государства, на поддержаніе и развитіе всѣхъ тѣхъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя по своимъ размѣрамъ не могутъ быть уложены въ рамки одной общины.

Итакъ, путемъ развитія того самого принципа равенства, изъ котораго исходитъ и Оуэнъ, Томпсонъ пришелъ къ признанію необходимости центральной общественно-экономической организаціи, стоящей внѣ общины,—пришелъ, иными словами, къ отрицанію федералистическаго соціализма въ его чистомъ видѣ: результатъ весьма знаменательный, показывающій внутреннее противорѣчіе федералистическаго соціализма съ началомъ равенства, иначе говоря—съ основной идеей соціализма.

2.

Федералистическій коллективизмъ.

Представителемъ федералистическаго коллективизма является Фурье. Въ этомъ существенное отличіе его отъ Оуэна, который представлялъ себѣ федерализмъ въ условіяхъ коммунизма—такого строя, при которомъ господствуетъ полная общность владѣнія и продуктъ не пріобрѣтается потребителемъ, а получается потребителемъ безъ взякой платы отъ общины.

Напротивъ, Фурье далъ планъ федералистическаго коллективизма, при которомъ каждый членъ общины получаетъ опредѣленный доходъ, расходуемый имъ по своему усмотрѣнію. Сходство между Оуэномъ и Фурье заключается въ томъ, что и тотъ и другой стояли на почвѣ федерализма. Для Фурье, какъ и для Оуэна, соціальный вопросъ есть вопросъ о наилучшей организаціи общины, коммуны.

Коммуна и въ современномъ обществѣ является самымъ важнымъ соціальнымъ элементомъ; но она не организована, и потому общественное хозяйство идетъ такъ плохо. Коммуны—это камни, изъ которыхъ строится общественное зданіе. Если камни не отесаны, не приглаены другъ къ другу, то для ихъ скрѣпленія нужно много цемента: напротивъ, для хорошо отесанныхъ камней не требуется большого количества скрѣпляющаго матеріала: они держатся собственною тяжестью. При дурномъ устройствѣ или полномъ неустройствѣ коммуны требуется много чиновниковъ, сильная правительственная власть, сложная администрація для того, чтобы общественная машина могла работать: при хорошемъ устройствѣ коммуны правительству останется мало дѣла. Не правительство, а коммуна создаетъ богатство—вотъ почему и главное вниманіе соціальныхъ реформаторовъ должно быть обращено на коммуну. Отсюда ясна безсодержательность политическихъ революцій, направленныхъ къ преобразованію формы правленія и оставлявшихъ незатронутымъ самый важный соціальный элементъ—коммуну.

Важнѣйшей задачей всякой общественной организаціи является созданіе богатства, матеріальной основы прогресса. Если мы обратимъ вниманіе на организацію хозяйства въ современномъ обществѣ, то увидимъ, что въ немъ имѣются два различныхъ вида хозяйства: крупное—при помощи наемнаго труда, и мелкое—при помощи труда собственника. И тотъ, и другой видъ хозяйства имѣютъ свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше въ техническомъ отношеніи, но зато въ немъ рабочій не заинтересованъ въ результатахъ труда и работаетъ плохо. Мелкое хозяйство стоитъ на низкомъ техническомъ уровнѣ, но зато въ немъ человѣкъ трудится самъ для себя.

Задача въ томъ, чтобы воспользоваться преимуществами крупнаго про-

изводства и не утерять выгодъ мелкаго. Образцовая коммуна должна удовлетворять слѣдующимъ требованіямъ: 1) собственность не должна быть въ ней раздроблена; 2) всѣ земельные участки коммуны и всѣ отрасли промышленности должны эксплоатироваться въ ней по общему плану; 3) система наемнаго труда, при которой рабочій не заинтересованъ въ продуктахъ своего труда, должна быть замѣнена системой общаго участія всѣхъ въ общемъ продуктѣ пропорціонально участію каждаго въ производствѣ.

Нужно создать ассоціацію нѣсколькихъ сотъ семей (Фурье беретъ 300 семействъ), которая могла бы совмѣстно вести хозяйство. Для этого не требуется лишать собственности кого бы то ни было. Собственникъ не лишается своей собственности, отдавая ее такой ассоціаціи, такъ какъ, взамѣнъ своей собственности, онъ получаетъ акціи, доходъ которыхъ, по расчетамъ Фурье, будетъ несравненно выше, чѣмъ доходъ съ собственности при единоличномъ владѣніи

Такую коммуну, организованную согласно его плану, Фурье называетъ фалангой, а соціальный дворецъ, который предназначенъ для жизни членовъ фаланги,—фаланстеромъ.

Хозяйство фаланги не будетъ имѣть коммунистическаго характера. Коммунизмъ стремится къ полному равенству, отрицаетъ права капитала и таланта и признаетъ только права труда. Коммунизмъ разсчитываетъ достигнуть общаго довольства не путемъ согласнаго, гармоническаго развитія всѣхъ страстей человѣка, а путемъ подавленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, при томъ наиболѣе содѣйствующихъ матеріальному и умственному прогрессу, каковы—стремленіе къ превосходству, честолюбіе, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не болѣе, какъ половина соціальной идеи,—именно, принципъ коллективности, ассоціаціи, и при томъ въ своей грубой, неразвитой формѣ, точно такъ же, какъ основная идея современнаго строя—принципъ частнаго почина—есть другая половина соціальной идеи. Гармоническое соединеніе этихъ двухъ несовершенныхъ элементовъ въ высшемъ и сложномъ сочетаніи должно быть основной идеей ассоціаціи будущаго, фаланги.

Частная собственность въ фалангѣ отнюдь не уничтожается, но только принимаетъ иную форму—форму права участія въ общихъ доходахъ, а не права исключительнаго пользованія тѣмъ или инымъ орудіемъ производства. Послѣднее право естественно отпадаетъ, такъ какъ производство въ фалангѣ ведется сообща; предметы потребленія могутъ, однако, принадлежать отдѣльнымъ лицамъ. Вообще личная свобода въ фаланстерѣ не испытываетъ никакого ограниченія. Каждый живетъ, какъ хочетъ, можетъ обѣдать въ собственномъ углу и не принимать участія въ общихъ обѣдахъ, если этого пожелаетъ, хотя собственная выгода и должна побуждать его къ участію въ общественной организаціи потребленія, которая представляетъ такія же огромныя преимущества, какъ и общественная организація производства. Именно въ виду выгодности производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ и то, и другое будетъ организовано въ фаланстерѣ на общественныхъ началахъ.

Фурье подробно описываетъ, какія огромныя сбереженія получатся, если сотни отдѣльныхъ маленькихъ кухонь будутъ замѣнены одной огромной кухней въ фаланстерѣ, если сотни прачешныхъ, кладовыхъ, подваловъ будутъ соединены въ одно огромное цѣлое въ будущей коммунѣ. Политико-экономы обыкновенно съ презрѣніемъ относятся къ организаціи домашняго хозяйства: это кажется имъ дѣломъ мелкимъ, ничтожнымъ. На самомъ же дѣлѣ трудно и оцѣнить, какая масса капитала и труда безполезно растрачивается, благодаря раздробленію потребленія.

Что касается преимуществъ общественнаго производства, какъ оно будетъ организовано въ фалангѣ, то выгоды его должны быть еще больше. Всѣмъ извѣстно, что крупная промышленность вытѣсняетъ мелкую именно благодаря большей производительности труда въ крупномъ производствѣ. Но

фаланга будетъ имѣть одно важное преимущество передъ современнымъ крупнымъ предпріятіемъ: ей будетъ выгодно вводить такія машины, такіе усовершенствованные пріемы производства, которые не могутъ быть усвоены современной промышленностью, потому что этому препятствуетъ низкая заработная плата (дѣлающая ручную работу болѣе дешевымъ способомъ производства, чѣмъ машинную) и сопротивленіе рабочихъ введенію новыхъ машинъ. Машина перестанетъ быть врагомъ человѣка, какимъ она является при современномъ несовершенномъ устройствѣ общества, и сдѣлается его помощникомъ и слугою.

Точно такъ же будетъ преобразовано и земледѣліе. Соединеніе въ фаланстерѣ земледѣлія съ промышленностью дастъ возможность избѣжать еще одного огромнаго недостатка хозяйственнаго устройства цивилизаціи, именно,—вынужденной праздности земледѣльца въ зимнее время.

Наконецъ, въ области торговли преимущества фаланги не менѣе очевидны. Покупки въ розницу, небольшими партіями, черезъ частые промежутки, при огромной затратѣ времени, будутъ замѣнены правильно организованнымъ пріобрѣтеніемъ продуктовъ, нужныхъ для фаланги, и сбытомъ ея собственныхъ произведеній.

Всѣ эти огромныя сбереженія дадутъ возможность достигнуть, при гармоническомъ устройствѣ общества, такихъ степеней богатства, о которыхъ мы теперь и не мечтаемъ. На мѣстѣ теперешнихъ хижинъ будутъ воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье съ особенною любовью останавливается надъ описаніемъ соціальнаго дворца будущаго, фаланстера.

Это—прекрасное зданіе, планъ котораго Фурье даетъ во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Фаланстеръ окруженъ садами; рядомъ съ нимъ помѣщаются промышленныя мастерскія, сельско-хозяйственныя постройки, расплaнированныя такимъ образомъ, чтобы не портить общаго вида. Самъ фаланстеръ и всѣ хозяйственныя постройки соединены закрытой галлереей—каналомъ, по которому циркулируетъ жизнь фаланги. Галлерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цвѣтами, полна свѣта и воздуха; въ ней устраиваются общественныя собранія, выставки, балы, концерты. Въ фаланстерѣ помѣщается храмъ и театръ.

Каждый выбираетъ себѣ въ фаланстерѣ квартиру по своему вкусу, при чемъ предоставляется усмотрѣнію каждаго меблировать ее собственною мебелью или получать полную обстановку за извѣстную плату отъ фаланги.

Какимъ же образомъ должна быть организована работа фаланги? Вопросъ этотъ является основнымъ для всей системы Фурье, и въ разрѣшеніи его нашъ авторъ проявляетъ наибольшую оригинальность. Фурье не признаетъ вредныхъ страстей или влеченій. Человѣкъ устроенъ такимъ образомъ, что всѣ его страсти естественно образуютъ согласный, гармоничный рядъ. Наши страсти суть элементъ неизмѣняемый и постоянный, а общественныя формы—преходящій и измѣнчивый. Поэтому не страсти людей должны приспособляться къ общественному устройству, а соціальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человѣка направлялись не во вредъ обществу, а на пользу ему. Соотвѣтственно этому принципу — предоставленія полной свободы всѣмъ страстямъ и стремленіямъ человѣка,—долженъ быть организованъ и трудъ въ фалангѣ. Въ ней должна быть полная свобода въ выборѣ занятій для всѣхъ членовъ фаланги. Прирожденныя способности, симпатіи, привычки, знанія опредѣляютъ, какое занятіе изберетъ себѣ каждый членъ фаланги.

Такъ какъ всѣ работы фаланги будутъ совершаться сообща, то естественно возникнутъ группы рабочихъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Чтобы объяснить, какимъ образомъ возникнутъ группы, Фурье указываетъ на дѣтей. Возьмите какую-нибудь гимназію или пансіонъ. Какое

зрѣлище представляютъ собою школьники въ то время, когда они свободны отъ занятій? Они не разбредаются порознь, но среди нихъ сами собой возникаютъ группы. Одни заняты одною игрою, другіе — другой, одни — однимъ дѣломъ, другіе — другимъ. Каждый присоединяется къ той группѣ, которая кажется ему наиболѣе привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослыхъ людей, если они будутъ предоставлены собственнымъ влеченіямъ, если надъ ними не будетъ висѣть внѣшней силы, противодѣйствующей этимъ влеченіямъ. Современная организація труда, дѣлающая невозможною такую естественную группировку рабочихъ, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождаетъ отвращеніе къ труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будетъ въ этомъ отношеніи прямой противоположностью современному строю. Каждый будетъ выбирать себѣ занятіе по вкусу, присоединяться къ той группѣ, которая ему всего болѣе нравится.

Обыкновенно думаютъ, что существуютъ извѣстные роды труда, которые по самому своему характеру непріятны для человѣка. Но это невѣрно. Трудъ дикарь не можетъ быть привлекательнымъ, но не потому, что онъ требуетъ исключительныхъ усилій, а потому, что онъ безрезультатенъ. Высшая задача соціальной организаціи — полное и гармоническое развитіе силъ человѣка — будетъ разрѣшена только тогда, когда будетъ открыто средство сдѣлать всякій трудъ привлекательнымъ. А это и будетъ осуществлено въ фалангѣ. Каждая группа производителей фаланстера работаетъ сряду не болѣе 2-хъ часовъ. Какъ только трудъ становится утомителенъ и теряетъ свою привлекательность, группа прекращаетъ работу, ея члены входятъ въ составъ новыхъ группъ, и съ новой энергіей принимаются за новую работу.

То, что теперь называютъ лѣностью, въ сущности есть не что иное, какъ отвращеніе къ однообразной, монотонной работѣ; это отвращеніе точно такъ же, какъ и честолюбіе и жажда первенства среди рабочихъ, будетъ не ослаблять, а усиливать энергію труда въ фаланстерѣ. Тѣ силы, которыя въ цивилизованномъ обществѣ дѣйствуютъ разрушительно, въ фалангѣ будутъ служить общимъ интересамъ.

Какимъ же образомъ будетъ совершаться распредѣленіе продуктовъ въ фалангѣ? Весь продуктъ будетъ дѣлиться на 3 неравныя части: $^5/_{12}$ будутъ идти труду, $^4/_{12}$ — капиталу и $^3/_{12}$ — на вознагражденіе таланта. Хотя всѣ работы будутъ производиться сообща, равенства вознагражденія въ фаланстерѣ не будетъ. Каждый будетъ получать соразмѣрно своему участію въ производствѣ. И хотя сравнительно съ современнымъ состояніемъ доходъ отъ труда возрастетъ въ гораздо большей степени, чѣмъ доходъ отъ капитала, тѣмъ не менѣе и капиталисты не потерпятъ никакого убытка. Доходъ рабочихъ увеличится въ 6 — 8 разъ, а капиталистовъ — въ 3 — 4 раза. Сверхъ того во много разъ увеличится вознагражденіе таланта.

Но, допуская процентъ на капиталъ, Фурье не считаетъ возможнымъ возникновеніе въ фаланстерѣ класса праздныхъ капиталистовъ. Съ одной стороны, всѣ рабочіе въ фаланстерѣ будутъ капиталистами, такъ какъ ихъ доходъ будетъ настолько великъ, что сбереженіе части этого дохода не представитъ никакихъ трудностей. Съ другой же стороны, всѣ капиталисты будутъ работать, такъ какъ работа будетъ наслажденіемъ, а не бременемъ. Вообще, вопросу о системѣ распредѣленія Фурье не придавалъ большого значенія, потому что въ его представленіи фаланга должна обладать такой огромной производительной силой, что потребности каждаго изъ ея членовъ, во всякомъ случаѣ, будутъ удовлетворены достаточно полно.

Я не буду останавливаться надъ описаніями прелести жизни въ фаланстерѣ, которыя такъ увлекали самого Фурье и его учениковъ. Нашъ утопистъ

рисуетъ эту жизнь, какъ постоянный свѣтлый и радостный праздникъ, котораго не будутъ омрачать никакія тѣни, никакое страданіе, никакой диссонансъ. И все это будетъ достигнуто благодаря тому, что организація производства и потребленія въ крупныхъ размѣрахъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ энергіи труда, вслѣдствіе его привлекательности, дастъ человѣчеству столько богатства, что люди не будутъ испытывать ни въ чемъ недостатка.

Выработавъ такъ детально экономическую организацію фаланги, ячейки будущаго гармоническаго общества, Фурье не могъ не коснуться и политическаго его устройства. Во главѣ каждой фаланги стоятъ свободно избираемыя лица, и высшій глава фаланги—унархъ—является также свободно избираемымъ лицомъ. Но политической или какой бы то ни было другой власти въ обществѣ, о которомъ мечтаетъ Фурье, не будетъ. Званіе унарха будетъ лишь почетнымъ титуломъ. Что дѣлать власти въ фалангѣ? Всѣ средства насилія будутъ безполезны въ новомъ соціальномъ строѣ, который не будетъ имѣть враговъ, потому что будетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ гражданъ. Главная причина преступленій въ современномъ обществѣ—бѣдность и нищета—совсѣмъ исчезнетъ. Кто станетъ прибѣгать къ кражѣ, если всякій имѣетъ возможность легко получить все, въ чемъ имѣетъ нужду? Вообще, ни для чего похожаго на правительство въ фалангѣ мѣста нѣтъ.

Какъ только возникнетъ первая фаланга, гармоничность и прелесть устройства ея подѣйствуютъ такъ завлекательно на остальное населеніе, что, мало-по-малу, безъ всякаго насилія и принужденія, сами собою начнутъ возникать новыя и новыя фаланги. Постепенно онѣ покроютъ весь міръ, сдѣлаютъ плодоредной Сахару и заселятъ пустыни Сибири. Настанетъ земной рай—и человѣкъ благословитъ свою судьбу; люди убѣдятся на опытѣ, что ихъ удѣлъ на землѣ—счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не въ человѣческой природѣ, а въ несовершенствахъ соціальной организаціи...

Что касается отношеній между отдѣльными фалангами, то онѣ должны быть совершенно свободны и лишены какой бы то ни было внѣшней организаціи. Каждая фаланга является какъ бы независимымъ предпринимателемъ по отношенію ко всѣмъ другимъ. Фаланги продаютъ другъ другу свои продукты, ведутъ имъ торговлю и вообще ничѣмъ не стѣснены въ своей хозяйственной дѣятельности.

Соціальный идеалъ Фурье такъ близокъ къ анархическому идеалу, что возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ ли Фурье считать представителемъ анархизма. Дѣйствительно, для всей системы великаго француза характерно полное отрицаніе какой бы то ни было власти, какого бы то ни было принужденія.

Фурье заходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что отрицаетъ даже нравственное принужденіе. Онъ—безусловный аморалистъ (отрицатель нравственнаго долга) и въ этомъ отношеніи является предшественникомъ Ницше и аморализма нашего времени. Задача созданной его воображеніемъ соціальной системы—дать полный просторъ, полную свободу человѣческимъ страстямъ и влеченіямъ и привести ихъ въ такое согласіе, въ такую гармонію, чтобы ихъ собственная свободная игра обезпечивала наибольшее счастье всѣхъ. «Всѣ измышленія философіи,—писалъ Фурье,—называемыя обязанностями, не имѣютъ ничего общаго съ истинной природой человѣка; долгъ созданъ людьми, влеченіе же исходитъ отъ Бога. И потому, если желать узнать виды Божества, нужно изучать влеченіе людей, одну природу, совершенно оставляя въ сторонѣ долгъ, измѣняющій свой характеръ въ каждомъ столѣтіи и въ каждой странѣ, между тѣмъ природа страстей была и остается неизмѣнной у всѣхъ народовъ».

Фурье полагалъ, что созданное его фантазіей устройство общества, называемое имъ гармоніей, вполнѣ разрѣшаетъ задачу обезпеченія наибольшаго счастья всѣхъ при совершенной свободѣ всѣхъ слѣдовать всѣмъ своимъ стра-

стямъ и влеченіямъ. И, конечно, если бы нѣчто подобное когда-либо было достигнуто, то необходимость внѣшняго и внутренняго принужденія—общественной власти и нравственнаго долга—совсѣмъ бы исчезла.

Но можетъ ли это когда-либо быть достигнуто? Возможно ли человѣческое общество, совершенно свободное отъ власти и нравственнаго долга? Научной критикѣ не трудно разрушить все воздушное зданіе Фурье въ которое онъ вложилъ столько геніальной силы мысли и столько артистическаго чувства.

Такъ, совершенно ясно, что фаланга Фурье не есть царство гармоніи человѣческихъ страстей. Для такой гармоніи нужно, чтобы влеченія каждаго отдѣльнаго лица согласовались съ влеченіями другихъ лицъ, съ общими интересами; но какимъ образомъ это будетъ достигнуто въ фалангѣ—остается совершенно непонятнымъ. Каждый работникъ выполняетъ въ фаланстерѣ ту работу и то дѣло, которое ему всего больше нравится. Но что, если общество въ этой работѣ не нуждается, а нуждается въ какой-либо иной, для которой не находится охотниковъ въ достаточномъ числѣ? Какъ тогда быть? Фурье предполагаетъ, что существуетъ какое то внутреннее соотвѣтствіе между влеченіями людей къ той или иной работѣ и общественной потребностью въ продуктахъ именно этого рода труда. Только при существованіи такого внутренняго соотвѣтствія люди, слѣдуя своимъ внутреннимъ влеченіямъ, могли бы изготовлять какъ разъ тѣ продукты и какъ разъ въ томъ количествѣ, какіе и въ какомъ требуются обществомъ.

Но, очевидно, такого внутренняго соотвѣтствія между влеченіями отдѣльныхъ лицъ къ опредѣленнымъ родамъ дѣятельности и общественными потребностями въ опредѣленныхъ продуктахъ не существуетъ и существовать не можетъ, такъ какъ то и другое представляетъ собой обстоятельства совершенно различнаго порядка, зависящія отъ совершенно различныхъ условій и причинъ. Наличность усиленнаго спроса на извѣстный продуктъ отнюдь не требуетъ, чтобы самый трудъ производства этого продукта былъ особо привлекателенъ для работниковъ. Жемчугъ высоко цѣнится какъ украшеніе, но трудъ добычи жемчуга изъ морскихъ глубинъ ничего въ себѣ привлекательнаго не заключаетъ.

Это простое соображеніе разрушаетъ всю мнимую гармонію фаланстера. На садоводство и другія занятія, связанныя съ работой среди природы, въ фаланстерѣ нашлось бы много охотниковъ; но не всѣ же работы одинаково пріятны сами по себѣ. Кто станетъ ихъ исполнять, если основной законъ фаланстера—слѣдовать только своимъ внутреннимъ влеченіямъ? Безъ внѣшней, а, слѣдовательно, и принудительной организаціи, невозможна согласованность отдѣльныхъ частей хозяйственнаго организма, составляющая неустранимое условіе его жизнедѣятельности.

Итакъ, Фурье не разрѣшилъ задачи согласованія общественнаго и частнаго интереса, а прямо обошелъ эту задачу, признавши ее разрѣшенной. Кромѣ того, оставляя совершенно неорганизованными отношенія между отдѣльными фаланстерами, Фурье сохранилъ въ полной силѣ и всѣ недостатки системы свободной конкуренціи. Отдѣльныя фаланги будутъ вести другъ съ другомъ такую же борьбу, какую теперь ведутъ отдѣльныя капиталистическія предпріятія; отдѣльныя фаланги будутъ неравны между собой по своей экономической силѣ, такъ какъ будутъ располагать землями различнаго качества, различными капиталами и различнымъ личнымъ составомъ членовъ. Въ результатѣ получится такая же анархическая борьба всѣхъ со всѣми, которая составляетъ такое крупное зло существующей хозяйственной системы—борьбы, въ которой слабые должны быть побѣждены сильными.

Такимъ образомъ, и внутри фаланги и въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу далеко не будетъ той гармоніи, о которой мечталъ геніальный утопистъ.

Какъ ни плодотворны многія критическія и положительныя идеи Фурье, но его система въ цѣломъ является непріемлемой, какъ непріемлемъ и вообще федералистическій соціализмъ; самая совершенная организація общины еще не гарантируетъ стройности и согласованности всего механизма народнаго хозяйства. Федералистическій соціализмъ очень важенъ, какъ извѣстный противовѣсъ чрезмѣрному централизму. Чѣмъ болѣе централистически организовано общественное хозяйство, и чѣмъ большіе размѣры пріобрѣтаетъ эта организація, тѣмъ больше опасности для свободы отдѣльныхъ лицъ. Централизмъ всегда несетъ съ собой и бюрократизмъ—оторванность общественнаго механизма отъ тѣснаго соприкосновенія съ дѣйствительной жизнью, игнорированіе всѣхъ индивидуальныхъ отличій ея. Соотвѣтственно этому возрастаетъ и роль принудительнаго начала, власти, въ строѣ общественной жизни. Таковъ неустранимый грѣхъ всякаго централизма.

Этому противостоитъ сильная сторона централизма—стройность, согласованность, пропорціональность въ своихъ частяхъ всего общественнаго цѣлаго. Безъ централизма не можетъ быть и планомѣрности цѣлаго, такъ какъ эта планомѣрность можетъ быть внесена въ общество только подчиненіемъ отдѣльныхъ составныхъ частей его единому центральному плану. Только при этомъ условіи общественный строй становится цѣликомъ продуктомъ разумной воли человѣка и наиболѣе полно приспособляется къ нуждамъ и потребностямъ человѣка.

Вообще, выгодныя стороны централизма значительно перевѣшиваютъ невыгодныя. Но такъ какъ невыгодныя стороны все же остаются, то общество должно стремиться къ ихъ возможному ослабленію и нейтрализаціи. Средствомъ же такой нейтрализаціи является введеніе въ систему централизма федералистическаго начала, но какъ начала подчиненнаго. Центральная организація должна не мѣшать самому широкому развитію мѣстнаго самоуправленія и мѣстной самодѣятельности. Централизмъ долженъ быть ограниченъ строго необходимымъ; все же остальное должно быть предоставлено свободному усмотрѣнію болѣе узкихъ хозяйственныхъ организацій. Община должна быть дѣятельной и богатой содержаніемъ хозяйственной организаціей, основной ячейкой всего народохозяйственнаго строя. Но эти отдѣльныя ячейки не должны быть независимыми, совершенно автономными единицами, не должны представлять своей совокупностью безформенную соціальную груду; онѣ должны быть спаяны между собою цементомъ въ одно связное и стройное цѣлое, соціальное зданіе, и въ основу этого зданія долженъ быть положенъ разумный планъ соподчиненія отдѣльныхъ его составныхъ частей.

Интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ должны быть взаимно согласованы, и все вмѣстѣ должно быть такъ же разумно и цѣлесообразно, какъ разумна и цѣлесообразна должна быть каждая отдѣльная составная часть этой великой общественной постройки.

ГЛАВА VI.

Анархическій коммунизмъ и коллективизмъ.

Крайней противоположностью централистическому соціализму является анархизмъ.

Съ точки зрѣнія анархизма, идеалъ общественнаго строя будетъ достигнутъ лишь тогда, когда изъ общественнаго строя исчезнетъ всякая власть человѣка надъ человѣкомъ, когда всѣ люди будутъ равно свободны, и надъ ними не будетъ никакого господина. Власть большинства надъ меньшинствомъ признается анархистами такимъ же насиліемъ надъ личностью человѣка, какъ и власть меньшинства надъ большинствомъ. Единственнымъ закономъ анар-

хическаго общества должна быть свободная воля каждаго человѣка; каждый долженъ быть свободенъ дѣлать лишь то, что признаетъ нужнымъ, и лишь добровольное соглашеніе отдѣльныхъ лицъ, соединяющихся ради достиженія какой-либо общей цѣли, можетъ быть основаніемъ ихъ совмѣстной жизни и дѣятельности.

Первымъ выразителемъ коммунистическаго анархизма можно считать Годвина.

Этотъ замѣчательный писатель, подвергнувшій самой рѣзкой критикѣ капиталистическій строй, какъ несогласный съ требованіемъ справедливости и равенства, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ противникомъ и обязательной общности производства и потребленія. «Для чего общіе обѣды?—спрашиваетъ Годвинъ.—Развѣ я долженъ чувствовать голодъ въ тотъ же часъ, какъ и ты? Развѣ я долженъ изъ библіотеки, въ которой я работаю, изъ мѣста, въ которомъ я предаюсь размышленію, изъ обсерваторіи, гдѣ я наблюдаю чудеса природы, въ извѣстный часъ непремѣнно быть въ опредѣленномъ помѣщеніи, гдѣ приготовленъ обѣдъ?»

Никто не долженъ быть принуждаемъ работать вмѣстѣ съ другими, такъ какъ у каждаго есть свои склонности и вкусы, и человѣкъ—не машина, чтобы дѣлать что-либо не по своей волѣ. Вообще, совмѣстная работа нѣсколькихъ людей имѣетъ свои невыгодныя стороны: «Нужно, по возможности, ограничивать работу этого рода... Будетъ ли всегда необходимость въ совмѣстной работѣ многихъ людей, представляется большимъ вопросомъ, который мы не въ состояніи разрѣшить. Теперь требуется работа многихъ людей, чтобы вырубить лѣсъ, прорыть каналъ или построить корабль. Но такъ ли всегда будетъ? Посмотрите на остроумныя машины, созданныя изобрѣтательностью человѣка, на безчисленныя фабрики, различные ткацкіе станки и паровыя машины—развѣ не изумительно, сколько работы они исполняютъ? Кто скажетъ, къ чему приведетъ дальнѣйшее развитіе въ томъ же направленіи?.. Ничего нѣтъ невозможнаго, что когда-нибудь одинокій человѣкъ будетъ выполнять величайшія работы, или,—чтобы взять самый близкій примѣръ,—что плугъ будетъ исполнять на полѣ свою работу безъ всякаго присмотра человѣка. Въ этомъ смыслѣ знаменитый Франклинъ сказалъ: «когда-нибудь человѣческій духъ пріобрѣтетъ всемогущество надъ матеріей».

Въ прежнее время грубыя и тяжелыя работы исполняли рабы. Настанетъ время, когда эти работы будутъ исполняться машинами. И тогда возможно будетъ достиженіе общаго благополучія безъ всякаго стѣсненія свободы личности. Никакихъ законовъ и запрещеній въ обществѣ будущаго существовать не можетъ. Въ немъ не будетъ частной собственности, но не въ силу закона, запрещающаго таковую, а въ силу того, что никто не пожелаетъ удерживать въ свое исключительное пользованіе то, въ чемъ могутъ нуждаться другіе. «Чѣмъ я владѣю, то я могу считать своей собственностью, если только данная вещь нужна для моего потребленія; но если я владѣю вещью, мнѣ ненужной, то какъ я могу удерживать ее у себя, хотя бы она и была создана моимъ трудомъ?»

Жилище человѣка будетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же неприкосновенно, какъ и теперь: никому не придетъ въ голову занимать мое жилище, когда всякій можетъ имѣть свое собственное. «Но не будетъ ни замковъ, ни запоровъ, каждый будетъ имѣть право пользоваться моими орудіями труда, если только этимъ не дѣлается помѣхи моей работѣ. Намъ, не привыкшимъ къ такому строю, сейчасъ же представляются споры и пререканія, которыя въ этомъ случаѣ возникнутъ. Но на самомъ дѣлѣ никакихъ споровъ возникать не будетъ, такъ какъ всѣ они поражаются чрезмѣрнымъ и завистливымъ себялюбіемъ. Тебѣ нуженъ мой столъ? Приготовь его себѣ самъ. Или, если я искуснѣе тебя, я готовъ его тебѣ сдѣлать. Тебѣ столъ нуженъ немедленно?

Сравнимъ, кто въ немъ больше нуждается, и тогда рѣшимъ по справедливости».

Конечно, въ царствѣ будущаго не исчезнетъ раздѣленіе труда. Каждый будетъ занятъ той работой, къ которой онъ будетъ чувствовать всего больше склонности. Но такъ какъ склонности различны, то люди будутъ выдѣлывать разныя вещи. Но они отнюдь не будутъ обмѣниваться ими, такъ какъ теперь каждый будетъ свободно брать у другого то, что ему нужно, если, конечно, тотъ, у кого берутъ, самъ не нуждается въ своемъ продуктѣ. Въ основѣ обмѣна будетъ лежать на себялюбіе, а любовь къ ближнимъ. Каждый будетъ охотно работать на другого и потому съ такою же свободой пользоваться работой другого.

Таковъ былъ общественный идеалъ Годвина. Нашъ утопистъ исходитъ не только изъ предположенія, что вся душевная природа человѣка испытаетъ глубочайшее преобразованіе (что любовь къ ближнему вытѣснитъ окончательно въ душѣ человѣка всѣ своекорыстныя чувства), но и изъ предположенія не менѣе глубокаго преобразованія техники, которое дастъ человѣку возможность своими единоличными силами исполнять самыя трудныя работы. Только, когда осуществятся оба эти условія, наступитъ, по мнѣнію Годвина, царство справедливости—полной свободы и отсутствія какого бы то ни было насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Крупнѣйшимъ изъ коммунистическихъ анархистовъ нашего времени является, безспорно, Левъ Толстой. Но Толстой, будучи несомнѣннымъ анархистомъ по своимъ общественнымъ идеаламъ, не можетъ считаться теоретикомъ анархизма, и потому мы оставимъ его въ сторонѣ. Изъ теоретиковъ современнаго анархизма выдѣляется силою ума, талантомъ и разностороннимъ знаніемъ Кропоткинъ.

Кропоткинъ принадлежитъ къ тому направленію анархизма, которое онъ самъ опредѣляетъ какъ анархическій коммунизмъ. Кропоткинъ отвергаетъ какую бы то ни было частную собственность и какое бы то ни было право рабочаго на его трудовой продуктъ. Этому послѣднему праву онъ противопоставляетъ право каждаго на существованіе, достойное человѣка.

Кропоткинъ считаетъ совершенно ненужною какую бы то ни было принудительную организацію общественнаго труда. Противоположное мнѣніе кажется ему просто укоренившимся предразсудкомъ. Обыкновенно думаютъ, что безъ принудительной власти невозможна никакая сложная общественная организація. Но такъ ли это? Не видимъ ли мы множество примѣровъ весьма сложныхъ организацій, которыя существуютъ лишь на основаніи совершенно свободнаго соглашенія участниковъ? Такой характеръ, по необходимости, имѣютъ всѣ организаціи, выходящія за предѣлы одного государства—напр., всемірный почтовый союзъ или организація международнаго желѣзнодорожнаго сообщенія. И та и другая организація охватываетъ сотни тысячъ и милліоны рабочихъ и требуетъ величайшей согласованности ихъ труда. Тѣмъ не менѣе, она всецѣло основана на свободномъ договорѣ: каждое государство, каждая желѣзнодорожная компанія, участвующая въ этой организаціи, дѣлаетъ это добровольно безъ всякаго внѣшняго принужденія. Отсюда видно, что принудительная власть, вопреки мнѣнію коллективистовъ, отнюдь не есть необходимое условіе сложнаго общественнаго сотрудничества.

Кропоткинъ—противникъ какой бы то ни было организаціи обмѣна, а также какой бы то ни было системы денегъ. Обмѣнъ будетъ происходить въ анархическомъ обществѣ очень просто: «Пусть городъ,—говоритъ онъ,—выдѣлываетъ тѣ вещи, которыхъ не хватаетъ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобы изготовлять разныя бездѣлушки для украшенія буржуазныхъ женщинъ. Пусть на швейныхъ машинахъ въ Парижѣ шьютъ рабочія и праздничныя одежды для деревенскихъ людей, вмѣсто того, чтобы шить свадебное приданое, пусть

на заводахъ дѣлаютъ земледѣльческія машины, лопаты и кирки, вмѣсто того, чтобы ожидать ихъ отъ англичанъ въ обмѣнъ на наше вино. И пусть городъ посылаетъ въ деревню не коммиссаровъ, опоясанныхъ въ красные или трехцвѣтные пояса, которые приказывали бы крестьянамъ доставить свои продукты въ такое-то мѣсто, но пусть по деревнямъ отправляются изъ города друзья, братья, которые говорили бы крестьянамъ: «несите намъ свои издѣлія и берите въ нашихъ магазинахъ всѣ мануфактурныя издѣлія, которыя вамъ понравятся». И тогда деревенскія издѣлія въ изобиліи появятся въ городахъ. Крестьянинъ сохранитъ себѣ все, что ему нужно, а остальное отдастъ городскимъ рабочимъ, въ которыхъ въ первый разъ за все время исторіи онъ увидитъ друзей, а не эксплоататоровъ».

Такимъ простымъ способомъ, безъ всякой внѣшней организаціи, установится обмѣнъ продуктами. Производство будетъ такъ же свободно, какъ и обмѣнъ. Всякій будетъ производить, что хочетъ, и пользоваться продуктами по мѣрѣ своихъ потребностей, если продукты имѣются въ избыткѣ, и въ равной долѣ съ другими, если продуктовъ не хватаетъ въ желаемомъ количествѣ на всѣхъ.

Но на ряду съ этой картиной хаотической всеобщей свободы Кропоткинъ выдвигаетъ и нѣсколько иной планъ общественнаго хозяйства. А именно: онъ предлагаетъ, чтобы каждый членъ общества въ возрастѣ отъ 20 до 45 или 50 лѣтъ добровольно согласился работать въ сутки по 5 часовъ въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя общество признаетъ необходимыми. Взамѣнъ этого общество обезпечиваетъ каждому своему члену полный достатокъ и свободное пользованіе продуктами общаго труда.

Но что, если нѣкоторые члены этого общества не пожелаютъ работать? Въ такомъ случаѣ общество признаетъ свой договоръ съ неработающимъ членомъ нарушеннымъ и предоставляетъ его своимъ собственнымъ силамъ; пусть онъ дѣлаетъ, что хочетъ, а общество не считаетъ себя связаннымъ съ нимъ какими бы то ни было обязательствами.

Таковъ анархическій общественный строй по представленію Кропоткина. Легко замѣтить, что нашъ теоретикъ коммунистическаго анархизма колеблется между двумя противоположными точками зрѣнія. Какъ анархистъ, онъ требуетъ абсолютной свободы и, слѣдовательно, свободы для каждаго работать что вздумается, какъ вздумается и сколько вздумается, или даже совсѣмъ не работать, но какъ коммунистъ, онъ понимаетъ, что такой порядокъ вещей противорѣчитъ требованію равенства, такъ какъ недобросовѣстный и не желающій работать будетъ при этомъ жить на счетъ труда работающаго и добросовѣстнаго. И вотъ, чтобы избѣгнуть этой формы эксплоатаціи труда, Кропоткинъ предлагаетъ, чтобы всѣ члены общества добровольно обязались работать 5 часовъ въ сутки; кто же не пожелаетъ исполнить этого обязательства, тотъ можетъ убираться на всѣ четыре стороны. Но такъ какъ убраться человѣку изъ человѣческаго общества некуда, развѣ въ могилу, то, очевидно, предлагаемый Кропоткинымъ добровольный договоръ личности съ обществомъ есть та же принудительная власть общества надъ личностью, противъ которой Кропоткинъ возстаетъ.

Нетрудно показать всю обманчивость примѣровъ Кропоткина, которыми онъ пытается доказать, что самое сложное общественное сотрудничество возможно на основѣ совершенно добровольнаго соглашенія. И международное желѣзнодорожное движеніе, и всемірный почтовый союзъ покоятся не на свободномъ договорѣ, а на принудительной общественной силѣ. Правда, отдѣльныя компаніи, отдѣльныя государства добровольно вступаютъ въ соглашеніе. Но Кропоткинъ забываетъ, что каждая желѣзнодорожная компанія, каждое государство исполняетъ свое дѣло при помощи не добровольцевъ, а наемныхъ рабочихъ, которые работаютъ не изъ любви къ труду, а подъ угрозой голода. Желѣзная

дисциплина сковываетъ армію рабочихъ каждой желѣзнодорожной компаніи, и только благодаря этой дисциплинѣ отдѣльныя компаніи такъ легко согласовываютъ движеніе своихъ поѣздовъ. Непонятно, какимъ образомъ въ добровольныхъ соглашеніяхъ капиталистовъ, обладающихъ принудительной властью надъ арміями наемныхъ рабочихъ, Кропоткинъ усматриваетъ поводъ въ пользу возможности сложныхъ хозяйственныхъ организацій безъ всякой принудительной власти.

Вотъ, если бы Кропоткинъ привелъ примѣръ добровольнаго сотрудничества сотенъ тысячъ рабочихъ, безъ всякаго общественнаго контроля и принудительнаго руководительства, этотъ примѣръ былъ бы сильнымъ поводомъ въ пользу возможности анархическаго общества. Но, конечно, такого примѣра Кропоткинъ не могъ бы привести.

II.

Анархическій коллективизмъ.

Представителемъ анархическаго коллективизма является П. Ж. Прудонъ.

Идеалъ анархическаго коммунизма Годвина не встрѣтилъ отклика среди современниковъ и никакого общественнаго движенія не вызвалъ. Анархизмъ, какъ общественное движеніе, ведетъ свое начало отъ писателя значительно болѣе поздней эпохи, Прудона. Прудонъ, такъ же, какъ и Годвинъ, признаетъ добровольное соглашеніе людей единственно допустимой формой общественнаго сотрудничества. Поэтому онъ отвергаетъ всѣ формы историческаго государства, всѣ виды правительства безъ различія. Демократія—владычество народа въ лицѣ большинства—есть для Прудона такое же царство насилія, какъ и монархія. Правительство и вообще насиліе необходимо въ обществѣ лишь потому, что экономическія силы общества неорганизованы, не согласованы другъ съ другомъ. Но если только люди, путемъ добровольныхъ договоровъ, достигнутъ согласованности общественнаго труда, то и надобность въ какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ принудительной общественной власти, въ какомъ бы то ни было правительствѣ совершенно исчезнетъ. Есть только два коренныхъ общественныхъ начала: начало свободы и начало авторитета. Правительство основывается на авторитетѣ, и это начало проникаетъ всякую форму государства. Общество будущаго должно отказаться отъ этого начала и всецѣло основаться на началѣ свободы.

Всякое правительство, какую бы форму мы ему ни придавали, неизбѣжно враждебно народной свободѣ. Всеобщее голосованіе отнюдь не ограждаетъ народной свободы; наоборотъ, оно является вреднымъ самообманомъ народа, такъ какъ народъ думаетъ, что, вручая власть своимъ избранникамъ, онъ остается владыкой своихъ судебъ. Но это—ошибка. На самомъ дѣлѣ, избранники народа немедленно дѣлаются его повелителями, какъ это доказывается всей новѣйшей исторіей.

Потому нужно стремится не къ улучшенію формы правленія, а къ уничтоженію какого бы то ни было правленія. Къ этому ведетъ ходъ исторіи, и только непониманіе этой истины заставляетъ человѣчество истощать свои силы въ безплодныхъ революціяхъ.

Итакъ, будущій анархическій строй общества долженъ всецѣло покоиться на началѣ свободнаго договора. «Дѣйствительно, если бы я могъ заключить договоръ со всѣми людьми такимъ же образомъ, какъ я теперь заключаю договоръ по поводу отдѣльнаго предмета съ нѣкоторыми, если бы всѣ могли возобновлять эти договоры, если бы любая группа гражданъ, общинъ, союзовъ, обществъ, могла возникать на основаніи подобнаго же договора и разсматривалась какъ особая договаривающаяся личность, то всѣ могли бы заключать соглашенія со всѣми; моя личная воля какъ бы умножалась во много разъ. Господство свободныхъ соглашеній на мѣсто господства законовъ было бы

истиннымъ господствомъ человѣка и гражданина, истиннымъ владычествомъ народа, революціи».

Все это станетъ, по мнѣнію Прудона, возможнымъ, если будетъ осуществлена предложенная имъ реформа существующаго хозяйственнаго строя. Задача этой реформы должна заключаться въ организаціи безпроцентнаго кредита и мѣнового обращенія товаровъ безъ посредства обычныхъ денегъ.

Для этой цѣли Прудонъ предлагаетъ слѣдующее. Въ настоящее время производители страдаютъ отъ недостатка средствъ производства, капитала и отъ трудности сбыта, продажи товаровъ. Но вѣдь сбытъ труденъ не потому, что товаръ никому не нуженъ. Масса населенія страдаетъ отъ недостатка нужныхъ ей продуктовъ; но ей не на что купить эти продукты, она лишена необходимыхъ для этого денегъ. Съ другой стороны, и капиталовъ имѣется достаточно, но собственники капитала не уступаютъ его безъ дани въ свою пользу, процента. Потому слѣдуетъ организовать обмѣнъ товаровъ безъ обычныхъ денегъ и безпроцентное полученіе капитала.

Долженъ быть устроенъ особый мѣновой банкъ, который будетъ выдавать товаропроизводителямъ безпроцентныя ссуды, но не деньгами, а своими билетами, которые будутъ приниматься всѣми кліентами банка вмѣсто денегъ. При установленіи размѣра ссудъ будетъ приниматься въ соображеніе цѣна изготовленнаго товара; цѣна эта должна опредѣляться не спросомъ и предложеніемъ, какъ теперь, а трудомъ производства. Каждый товаропроизводитель, получившій билеты банка, можетъ обмѣнять ихъ на любой другой товаръ, производимый кліентами банка. Такимъ образомъ, товаропроизводители будутъ свободно обмѣниваться при помощи банковыхъ билетовъ своими продуктами, а такъ какъ ссуды будутъ безпроцентными, то исчезнетъ и капиталистическая прибыль.

Когда операціи банка охватятъ все народное хозяйство, всѣхъ товаропроизводителей страны, то, при посредствѣ билетовъ банка, можно будетъ купить всевозможные товары, и, слѣдовательно, всякія иныя деньги совершенно исчезнутъ изъ обращенія. Весь народнохозяйственный обмѣнъ будетъ совершаться черезъ посредство банка, безъ всякаго насилія надъ производителями и къ общей выгодѣ всѣхъ. Всѣ будутъ свободны производить то, что желаютъ, и всѣмъ будетъ обезпеченъ, въ соотвѣтствіи съ общественными потребностями, сбытъ произведенныхъ товаровъ.

Итакъ, анархическій общественный строй въ представленіи Прудона тѣсно связывается съ опредѣленной организаціей товарообмѣна безъ посредства современныхъ денегъ. Въ данномъ случаѣ Прудонъ несомнѣнно шелъ по стопамъ Р. Оуэна, который гораздо раньше его выдвинулъ планъ устройства «рабочихъ биржъ»; подъ этимъ названіемъ Оуэнъ разумѣлъ своеобразное учрежденіе, идея котораго возникла у него подъ вліяніемъ тяжелыхъ промышленныхъ кризисовъ, причинявшихъ такія страданія англійскому рабочему населенію. Непосредственной причиной или, во всякомъ случаѣ, наиболѣе очевиднымъ симптомомъ этихъ кризисовъ было переполненіе рынка товарами и невозможность сбыта послѣднихъ, несмотря на то, что общественная потребность въ этихъ товарахъ была далека отъ удовлетворенія. Въ кризисахъ особенно выпукло обнаруживается своеобразный парадоксъ капиталистическаго хозяйства—парадоксъ бѣдности, вызываемой богатствомъ. Такъ называемое перепроизводство товаровъ отнюдь не означаетъ, что товаровъ имѣется больше, чѣмъ общество можетъ потребить ихъ; у огромнаго большинства населенія остается масса неудовлетворенныхъ потребностей. Товары не находятъ сбыта только потому, что у тѣхъ лицъ, которыя испытываютъ нужду въ нихъ, не хватаетъ средствъ для покупки этихъ товаровъ. Съ другой стороны, отсутствіе сбыта товаровъ разстраиваетъ промышленность, ведетъ къ сокращенію производства, безработицѣ и еще большей бѣдности.

Отсюда легко придти къ мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличеніемъ покупательныхъ средствъ въ рукахъ населенія. Но откуда взять эти средства? Оуэнъ рѣшилъ, что эти средства могутъ быть созданы, если только отказаться отъ употребленія, какъ мѣноваго посредника, денегъ. Вмѣсто денегъ мѣновымъ посредникомъ должны стать просто бумажные знаки, на которыхъ обозначено, какое количество средняго человѣческаго труда заключено въ данномъ товарѣ. Естественное мѣрило цѣнности есть трудъ. Однако, при существующихъ способахъ обмѣна, цѣнности товаровъ сравниваются лишь при посредствѣ денегъ. Кто не имѣетъ денегъ, тотъ не можетъ ничего купить, хотя бы онъ и располагалъ трудовой цѣнностью, заключенной въ товарѣ. Чтобы избавить производителей отъ гибельной власти денегъ, достаточно создать учрежденія, въ которыхъ бы трудовая цѣнность товаровъ выражалась не деньгами, а ничего не стоящими бумажными знаками, при чемъ обмѣнъ товаровъ совершался бы при посредствѣ этихъ бумажныхъ знаковъ. Такимъ учрежденіемъ и должна была быть «рабочая биржа» Оуэна.

Каждый кліентъ этой биржи имѣлъ право доставить въ нее любой товаръ для сбыта. Свѣдущія лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара, и выдавали собственнику товара бланкъ, на которомъ было обозначено это количество труда. Этотъ бланкъ могъ быть обмѣниваемъ на любой другой товаръ равной трудовой цѣнности, имѣвшійся въ распоряженіи биржи. Такимъ образомъ, обмѣнъ совершался безъ всякаго посредства денегъ, и цѣнность товаровъ измѣрялась только трудомъ. «Рабочая биржа» должна была, по мнѣнію Оуэна, произвести полный переворотъ въ условіяхъ товарнаго сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя отъ денежнаго капитала и обезпечить каждому рабочему пользованіе продуктами его труда.

Теперь для насъ вполнѣ ясна ошибочность основной идеи «рабочей биржи». Невозможность сбыта товаровъ зависитъ не отъ недостатка денегъ, а отъ неправильнаго распредѣленія общественнаго производства. Оуэнъ разсчитывалъ организовать обмѣнъ, оставляя неорганизованнымъ общественное производство. Но именно въ неорганизованности общественнаго производства и лежитъ корень зла, основная причина промышленныхъ кризисовъ. Если производитель изготовляетъ не тѣ товары, которые требуются потребителемъ, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организація обмѣна. Затрудненіе сбыта указываетъ на непропорціональность распредѣленія общественнаго производства; гарантировать сбытъ всѣхъ товаровъ, независимо отъ того, соотвѣтствуютъ ли они спросу или нѣтъ, значило бы уничтожить тотъ естественный механизмъ, которымъ въ настоящее время возстановляется пропорціональность общественнаго производства. Если бы каждый могъ разсчитывать продать свой товаръ, все равно, нуженъ этотъ товаръ или ненуженъ потребителю, то предложеніе товаровъ перестало бы приспособляться къ спросу, производитель пересталъ бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорціональность должна была бы исчезнуть въ народномъ хозяйствѣ.

Поэтому, всѣ подобныя попытки организаціи обмѣна безъ посредства денегъ, при неорганизованности общественнаго производства, неизмѣнно кончались неудачей. «Рабочая биржа» стояла передъ альтернативой: или принимать только такіе товары, на которые имѣлся спросъ, и по той цѣнѣ, по которой покупатели соглашались эти товары пріобрѣтать,—но въ такомъ случаѣ биржа не удовлетворяла своему назначенію обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ по ихъ трудовой цѣнности; или же биржа, оставаясь вѣрной своей задачѣ, должна была безъ разбора принимать всякіе товары по ихъ трудовой цѣнности, не имѣя никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствіемъ на нихъ спроса.

«Рабочая биржа» Оуэна продержалась около двухъ лѣтъ, благодаря денежной поддержкѣ со стороны, но въ концѣ концовъ, должна была ликвидировать свои дѣла съ большимъ убыткомъ.

Мѣновой банкъ Прудона во многомъ напоминалъ рабочую биржу Оуэна, съ тѣмъ различіемъ, что Оуэнъ стремился только къ устраненію денегъ въ роли мѣнового посредника, между тѣмъ какъ Прудонъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ достигнуть своимъ мѣновымъ банкомъ и другой цѣли—даровому, безпроцентнаго кредита.

Однако, ясна невозможность обезпечить сбытъ всѣхъ товаровъ путемъ замѣны денегъ какими-либо условными знаками и организаціи безденежнаго обмѣна товаровъ. Не организація сбыта, а организація общественнаго производства, замѣна индивидуальнаго хозяйства планомѣрнымъ общественнымъ хозяйствомъ—вотъ что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбытъ. Мѣновой банкъ Прудона былъ несомнѣнной утопіей. Прудонъ надѣялся сохранить въ неприкосновенности индивидуальную свободу производителя и въ то же время избавить рабочаго отъ власти предпринимателя путемъ безпроцентнаго кредита. Но гдѣ найти капиталы для неограниченнаго кредита? Прудонъ повторяетъ здѣсь ошибку многихъ буржуазныхъ экономистовъ, приписывавшихъ кредиту чудесную способность создавать богатство изъ ничего. Классическимъ и неподражаемымъ примѣромъ и вмѣстѣ родоначальникомъ этихъ утопистовъ кредита былъ кредитный Каліостро XVIII вѣка—шотландецъ Джонъ Лоу, заразившій своимъ безуміемъ чуть не всю французскую націю, закружившій ее въ вихрѣ неистовой биржевой игры, ослѣпившей ее миражемъ фантастическихъ сказочныхъ богатствъ, лопнувшихъ, какъ мыльный пузырь. Весьма характерно, что Прудонъ относился съ большой симпатіей къ Лоу и даже заявлялъ въ «Экономическихъ противорѣчіяхъ», что истинныя идеи Лоу еще никѣмъ не поняты надлежащимъ образомъ, и что, будучи правильно поняты, онѣ могутъ произвести настоящій переворотъ въ народномъ хозяйствѣ.

Такой переворотъ долженъ былъ осуществить мѣновой или, какъ впослѣдствіи его назвалъ Прудонъ, народный банкъ. Со своимъ обычнымъ избыткомъ темперамента нашъ авторъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ возвѣстилъ о своемъ новомъ предпріятіи: «Я начинаю дѣло, равнаго которому не было и не будетъ въ мірѣ. Я хочу измѣнить основаніе общества, повернуть ось цивилизаціи, сдѣлать такъ, чтобы міръ, который по волѣ Божества движется съ запада на востокъ, началъ двигаться, по волѣ человѣка, съ востока на западъ». И всѣ эти чудеса долженъ былъ произвести скромный «народный банкъ» съ капиталомъ въ 50.000 франковъ!

Къ счастью для Прудона, судьба избавила его отъ разочарованія и нѣкотораго конфуза, который не могъ не сопровождать неизбѣжнаго жалкаго крушенія предпріятія, начатаго съ такими необычайными обѣщаніями. Въ дѣло вмѣшалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о томъ, чтобы «ось цивилизаціи» не пострадала: какъ разъ въ самое горячее время, наканунѣ открытія операцій банка, Прудонъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму. За отсутствіемъ главнаго руководителя, «народный банкъ», акціи котораго парижскій рабочій классъ раскупалъ очень охотно, долженъ былъ немедленно закрыться.

Идея «народнаго банка» была, какъ сказано, внушена Прудону Оуэномъ. Подобное же предпріятіе, впрочемъ, существовало въ 40-хъ годахъ и во Франціи: за нѣсколько лѣтъ до февральской революціи былъ закрытъ въ Марселѣ мѣновой банкъ Мацеля, просуществовавшій цѣлыхъ 16 лѣтъ. По этому поводу враги обвиняли нашего автора въ плагіатѣ; но онъ утверждалъ, что впервые познакомился съ банкомъ Мацеля лишь тогда, когда уставъ его собственнаго банка былъ уже опубликованъ. Кромѣ того, между двумя банками было то существенное различіе, что Мацель отнюдь не задавался цѣлями

всеобъемлющей экономической реформы, не стремился къ даровому кредиту и ставилъ себѣ болѣе скромную задачу—устроить нѣчто въ родѣ комиссіонной конторы по сбыту товаровъ. Пока банкъ былъ очень остороженъ въ пріемѣ товаровъ—дѣло шло; но, въ концѣ концовъ, банкъ закрылся вслѣдствіе скопленія непроданныхъ товаровъ въ его распоряженіи.

Другой мѣновой банкъ былъ основанъ въ 1849 г. также въ Марселѣ Боннаромъ и просуществовалъ около 10 лѣтъ. Закрытіе банка было вызвано судебнымъ процессомъ, возбужденнымъ однимъ недовольнымъ кліентомъ банка, претендовавшимъ на то, что банкъ предлагалъ ему въ обмѣнъ на его доброкачественный товаръ никому не нужную залежь.

Какъ видимъ, предпріятія такого рода были неоднократно испробованы на практикѣ, и хотя большого успѣха не имѣли, но все же могли нѣкоторое время держаться и съ грѣхомъ пополамъ удовлетворять своему назначенію. При болѣе искусномъ и осторожномъ веденіи дѣла существованіе ихъ могло бы быть еще болѣе продолжительнымъ, но, разумѣется, отъ комиссіонныхъ товарныхъ конторъ безконечно далеко до «рѣшенія соціальнаго вопроса».

Анархическій общественный строй, о которомъ мечтаютъ анархисты, заключаетъ въ себѣ внутреннюю невозможность своего осуществленія. Даже и въ обществѣ самыхъ самоотверженныхъ людей общественное хозяйство не можетъ быть анархичнымъ.

Все дѣло въ томъ, что въ общественномъ хозяйствѣ необходима строгая пропорціональность частей. Общество нуждается въ опредѣленномъ количествѣ хлѣба, мяса, тканей, желѣза, стекла, дерева и т. д., и т. д. Если желѣза или мяса или дерева изготовлено больше, чѣмъ нужно, то излишнее количество, относительно, по крайней мѣрѣ, безполезно. Въ настоящее время, при капиталистическомъ хозяйствѣ, эта пропорціональность производства достигается весьма сложнымъ образомъ черезъ посредство рынка, путемъ колебанія рыночныхъ цѣнъ товаровъ. Когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнетъ, то пропорціональность общественнаго производства должна достигаться путемъ планомѣрнаго распредѣленія общественнаго труда. Безъ этой планомѣрности немыслимо общественное хозяйство, а эта планомѣрность можетъ быть создана только общественнымъ руководительствомъ всего общественнаго процесса производства.

Если каждый будетъ производить, что ему вздумается, какъ это предполагаютъ всѣ анархисты (въ томъ числѣ и Прудонъ: его планъ мѣнового банка несостоятеленъ именно потому, что организація обмѣна еще не обезпечиваетъ пропорціональности общественнаго производства), то будутъ изготовляться не тѣ продукты и не въ такихъ пропорціяхъ, какъ это требуется обществомъ, и, слѣдовательно, общество будетъ терпѣть экономическую нужду, голодать, благодаря неорганизованности общественнаго производства. Анархія производства въ строѣ будущаго, при отсутствіи тѣхъ силъ, которыя въ настоящее время обезпечиваютъ, хотя и весьма грубую, пропорціональность общественнаго хозяйства, равносильна уничтоженію всякаго хозяйства, а, слѣдовательно, и общественной смерти.

Анархическое производства мыслимо лишь при одномъ условіи: если каждый будетъ лично, своими собственными силами, изготовлять всѣ предметы своего потребленія. При этомъ условіи, равносильномъ уничтоженію всякаго общественнаго сотрудничества, надобность въ пропорціональности общественнаго хозяйства изчезнетъ, какъ исчезнетъ и самое общественное хозяйство. Годвинъ обнаружилъ глубокое пониманіе дѣла, признавъ одной изъ предпосылокъ своего анархическаго общества такіе колосальные успѣхи техники, при которыхъ каждый человѣкъ могъ бы, безъ помощи другихъ, производить

самыя трудныя работы. Но тутъ уже мы совершенно отрываемся отъ реальной почвы и вступаемъ въ область безбрежной фантазіи.

Поэтому нѣтъ основанія думать, что когда-либо человѣчество достигнетъ анархизма—полной свободы личности отъ общественнаго контроля. Напротивъ, слѣдуетъ ожидать, что, пока будетъ существовать общество, до тѣхъ поръ будетъ оставаться въ силѣ и необходимость въ общественномъ контролѣ общественнаго хозяйства, въ общественной организаціи труда.

Однако, анархизмъ не совсѣмъ лишенъ извѣстнаго положительнаго значенія. Централистическій соціализмъ, какъ я уже указывалъ, таитъ въ себѣ опасность деспотизма большинства надъ меньшинствомъ. Анархизмъ, выставляя начало безусловной свободы личности и полной независимости ея отъ воли большинства, является, какъ и федералистическій соціализмъ, противовѣсомъ противъ этой опасности. Всякое человѣческое общество заключаетъ и всегда будетъ заключать въ себѣ непримиримое противорѣчіе личности и общества. Общество состоитъ изъ личностей, но и личность человѣка вырастаетъ и слагается изъ общественныхъ вліяній. Поэтому, какъ немыслимо человѣческое общество, въ которомъ личная свобода совершенно бы отсутствовала и человѣческая личность превратилась бы изъ самостоятельной цѣли въ себѣ въ простой органъ общества (подобно тому, какъ это мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ животныхъ колоніяхъ, напр., въ колоніяхъ медузъ, въ которыхъ нѣкоторыя особи исполняютъ роль органовъ питанія, другія—органовъ размноженія, третьи—органовъ нападенія и защиты и т. д.), точно такъ же немыслимо общество, слагающееся изъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга, вполнѣ свободныхъ отъ общественнаго контроля личностей. Между этими двумя неизмѣнными началами всякаго человѣческаго общества—личнымъ и общественнымъ началомъ—существуетъ внутренній, неустранимый антагонизмъ: съ одной стороны, личность стремится сбросить съ себя общественныя путы, достигнуть возможно большей свободы, съ другой стороны, общество стремится возможно полнѣе подчинить своимъ интересамъ личность. Но такъ какъ и личное и общественное начало одинаково присущи всякому человѣческому обществу, то борьба того и другого никогда не можетъ завершиться полнымъ торжествомъ одного начала надъ другимъ. Совершеннымъ общественнымъ строемъ будетъ такой, въ которомъ возможно болѣе полная свобода личности будетъ достигнута при возможно болѣе полномъ обезпеченіи интересовъ всего общества, какъ цѣлаго.

Анархизмъ не сознаетъ неизбѣжности этой двойственности общественнаго союза (отражающей двойственность меня и тебя, субъекта и объекта) и вѣритъ въ возможность полнаго освобожденія личности отъ общественнаго принужденія. Эта вѣра основывается на заблужденіи — на непониманіи истинной природы человѣческаго общества. Но, будучи теоретически несостоятельнымъ, анархизмъ можетъ имѣть положительное значеніе на практикѣ, составляя практическій противовѣсъ противоположному стремленію—превратить личность человѣка въ простой органъ общественнаго союза. Результатомъ борьбы этихъ двухъ противоположныхъ стремленій и должно быть общество будущаго, задачей котораго явится не подчиненіе личности обществу или общества личности, а возможно болѣе полное, но всегда относительное и не безусловное, примиреніе этихъ двухъ противоположныхъ началъ—созданіе возможно болѣе благопріятныхъ условій для самаго широкаго развитія каждой человѣческой личности, во всей ея сложности и полнотѣ, но безъ ущерба развитію другихъ человѣческихъ личностей, принадлежащихъ къ тому же общественному союзу, охватывающему собой въ идеалѣ все человѣчество, всѣ разумныя существа міра.

Есть только одна область человѣческой дѣятельности, въ которой возможна и необходима полная свобода: это—область высшаго, умственнаго, творческаго труда. Въ этой области никакая власть большинства надъ меньшин-

ствомъ не можетъ быть терпима. Всякая попытка подчинить общественному контролю творческій трудъ равносильна огромному пониженію его производительности и, слѣдовательно, огромной потерѣ для общества.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой области отнюдь не требуется той строгой пропорціональности, которая составляетъ такое необходимое условіе хозяйственнаго труда. Общество не испытываетъ никакихъ страданій оттого, что въ одну эпоху преобладаетъ одинъ родъ искусства, въ другую—другой. Если картинъ написано больше или меньше, чѣмъ требуется общественнымъ спросомъ, то страдаютъ или выигрываютъ отъ этого преимущественно сами художники. Во всякомъ случаѣ, всякія внѣшнія мѣры воздѣйствія были бы въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстны. Союзы людей творческаго труда (художественныя, научныя и литературныя общества) уже и теперь имѣютъ характеръ вполнѣ свободныхъ соглашеній и воплощаютъ собой анархическій идеалъ. Въ обществѣ будущаго такіе свободные союзы должны получить, конечно, гораздо большее распространеніе, но основой хозяйственнаго строя общества они не станутъ никогда, ибо свобода личнаго произвола и строгая общественная пропорціональность,—а безъ этой послѣдней немыслимо никакое общественное хозяйство, покоящееся на раздѣленіи труда,—суть вещи несовмѣстимыя.

ГЛАВА VII.

Способы осуществленія соціалистическаго строя. Соціалистическая тактика.

Всякая законченная соціалистическая система заключаетъ въ себѣ 3 части: критику существующаго общественнаго строя, опредѣленное представленіе о строѣ будущаго и соображенія о способахъ или путяхъ осуществленія будущаго строя. Эта послѣдняя составная часть соціалистическихъ системъ, если и не можетъ считаться теоретически наиболѣе важною, то, практически, именно она выдвигается на первое мѣсто. Обычное дѣленіе соціализма на утопическій и научный совершенно неприложимо къ критической и теоретической части соціалистическихъ системъ. Въ области критики капиталистическаго строя, а тѣмъ болѣе въ области построенія идеала будущаго, такъ называемые утопическіе соціалисты создали большую часть того, что нынѣ образуетъ собой научный соціализмъ. Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о практической части соціализма. Здѣсь, дѣйствительно, наблюдается, послѣ Маркса, глубокое принципіальное измѣненіе: практическая тактика современнаго соціализма является, во многихъ отношеніяхъ, прямой противоположностью тактикѣ соціалистовъ первой половины XIX вѣка. Поскольку дѣло идетъ о практической политикѣ, притязаніе марксизма на исключительную «научность», въ противоположность «утопизму» болѣе ранняго соціализма, имѣетъ за собой извѣстныя основанія.

I.

Тактика утопическаго соціализма хорошо извѣстна и была уже много разъ охарактеризована: она сводилась къ мирной пропагандѣ среди всѣхъ классовъ населенія мысли о необходимости соціалистическаго переустройства общества—и только. При этомъ нѣкоторые ранніе соціалисты стремились распространить это убѣжденіе въ народныхъ массахъ, а другіе еще болѣе упрощали свою задачу и считали достаточнымъ внушить это убѣжденіе законодателю. Такъ, первый великій утопистъ—Томасъ Моръ—не представлялъ себѣ возможности осуществленія новаго общественнаго строя другимъ путемъ, какъ черезъ посредство свободной воли государя. Онъ былъ совершенно чуждъ революціоннаго духа и относился съ глубокимъ недовѣріемъ къ народнымъ

движеніямъ. Утопическіе соціалисты первой половины XIX вѣка были настроены болѣе демократически: хотя большинство изъ нихъ отнюдь не было враждебно монархіи, и посвященія королю являются весьма нерѣдкимъ украшеніемъ первыхъ страницъ ихъ твореній, все же они понимали, что соціалистическій строй не можетъ осуществиться простымъ повелѣніемъ монарха. Усилія ихъ направлялись къ тому, чтобы заинтересовать возможно болѣе широкіе общественные круги въ практическомъ осуществленіи придуманнаго ими плана новаго общественнаго устройства.

Основная тактика всѣхъ великихъ утопистовъ этой эпохи отличается значительнымъ сходствомъ чертъ, хотя эти представители ранняго соціализма дѣйствовали совершенно независимо другъ отъ друга и были удивительно самобытны и оригинальны. Каждый изъ нихъ самостоятельно придумывалъ свою тактику, и если, въ результатѣ, они дѣйствовали сходнымъ образомъ, то потому, что ихъ тактика одинаково коренилась въ условіяхъ ихъ дѣятельности, точнѣе говоря—въ отсутствіи въ началѣ ихъ дѣятельности соціалистическаго движенія, которое имъ и предстояло создать. Каждый изъ нихъ усиліями собственной мысли создалъ свою соціалистическую систему, отъ которой ожидалъ спасенія міра; каждый изъ нихъ вѣрилъ въ неотразимую убѣдительную силу своей системы, въ которую было вложено ея творцомъ столько энтузіазма, глубокой вѣры и мощной, свѣтлой мысли; каждый изъ нихъ былъ вначалѣ совершенно одинокъ. Противъ меня—весь свѣтъ, а за меня—только истина, которая мною открыта,—долженъ былъ думать утопистъ. Предстояло выступить своими единоличными силами противъ всей громады стараго міра, противъ исторической культуры, насчитывающей за собой тысячелѣтія, противъ всѣхъ сложившихся требованій и убѣжденій людей. Народныя массы, рабочій классъ, за интересы которыхъ выступалъ утопистъ, были отъ него такъ же далеки, какъ и люди досуга и богатства, ибо, повторяю, дѣло приходилось начинать совершенно одному.

Въ такой обстановкѣ самой разумной тактикой была возможно болѣе широкая мирная пропаганда новаго ученія. И этой тактикѣ слѣдовали утописты. Но въ предѣлахъ этой общей тактики намѣчались между ними и существенныя черты различія. Обычное представленіе объ утопическомъ соціализмѣ, какъ о чемъ-то однородномъ и сходномъ въ своихъ основныхъ чертахъ, глубоко невѣрно. Въ утопическомъ соціализмѣ слѣдуетъ строго различать два направленія: федералистическаго и централистическаго соціализма. Типичными представителями перваго направленія являются Фурье и Оуэнъ, второго—сенъ-симонисты. Первые ячейкой соціалистическаго строя признавали свободную и автономную соціалистическую общину; вторые же не представляли себѣ соціалистическаго общества иначе, какъ въ рамкахъ цѣлой націи, государства. Эти различія общихъ взглядовъ на будущій соціальный строй не могли не отразиться и на различіи пониманія ближайшихъ практическихъ задачъ.

Практическая программа Фурье (какъ и Оуэна) сводилась, прежде всего, къ соціальному эксперименту. Наиболѣе отчетливо и опредѣленно основанія этой практической программы выражены въ «Манифестѣ соціетарной школы» (1841). Въ этой замѣчательной брошюрѣ, излагающей profession de foi школы фурьеристовъ, доказывается, прежде всего, что рѣшеніе соціальнаго вопроса должно состоять не въ чемъ иномъ, какъ въ созданіи соціалистической общины. «Мы—соціальные инженеры,—заявляютъ авторы «Манифеста»,—мы представляемъ нашимъ современникамъ планъ новаго механизма, способнаго, по нашему мнѣнію, использовать всю энергію движущей силы человѣческой природы безъ того, чтобы какая бы то ни было часть этой энергіи растратилась, при предлагаемой нами системѣ, на безполезныя, вредныя или опасныя для общества дѣйствія. Мы отнюдь не требуемъ насильственнаго ниспроверженія дурныхъ соціальныхъ механизмовъ, существующихъ въ настоящее время... Мы

лишь стремимся получить возможность создать модель, на которой можно было ы на опытѣ провѣрить новую систему и уже на практикѣ установить ея дѣйствительную цѣнность для всего общества, чтобы это послѣднее приняло или отвергло редлагаемую систему съ полнымъ знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла».

Школа Фурье, утверждается въ «Манифестѣ», признаетъ самымъ лучшимъ путемъ къ торжеству своихъ взглядовъ практическій опытъ устройства соціалистической общины на указанныхъ Фурье началахъ. «Всякая теорія соціальной реформы или соціальнаго прогресса, подъ рискомъ признанія ея нелѣпой, невѣжественной, безнравственной и антисоціальной, должна допускать ея провѣрку путемъ частичнаго опыта и должна обладать способностью побудить человѣчество къ осуществленію на практикѣ новой системы путемъ добровольнаго подражанія».

Всякое насиліе, предпринимаемое для осуществленія новой соціальной системы, доказываетъ, что преимущества этой системы не настолько велики, чтобы люди добровольно примкнули къ ней; оно иными словами доказываетъ, что эта система не обладаетъ достаточными внутренними достоинствами. Революціонныя доктрины всѣ основаны на насиліи. Отсюда слѣдуетъ, что революціонныя идеи по своему основному принципу суть идеи ложныя, и что «правительство могло бы немедленно же дискредитировать всѣ разрушительныя доктрины и уничтожить ихъ, принудивъ ихъ самихъ признать свою внутреннюю пустоту, свою лживость; и это,—пригласивши сторонниковъ этихъ доктринъ указать, имѣются-ли среди ихъ теорій соціальной реформы и соціальнаго прогресса планы общественной организаціи, могущіе быть испытанными обществомъ на спеціальномъ опытѣ и могущіе быть воспринятыми человѣчествомъ путемъ добровольнаго подражанія".

Такой вызовъ, обращенный къ революціонерамъ, долженъ былъ бы убѣдить общество въ практической безплодности революціонныхъ доктринъ. Ибо ни одна изъ нихъ не могла бы отвѣтить на этотъ вызовъ: всѣ онѣ сильны только своей отрицательной частью, но лишены положительныхъ элементовъ новаго общественнаго устройства.

«Соціетарная школа не есть политическая партія, такъ какъ для политическихъ партій характерно стремленіе вліять на законы и правительство страны и осуществлять свои излюбленныя идеи насильственнымъ путемъ законодательнаго принужденія. Экономическая реформа, предлагаемая соціетарной школой, не требуетъ измѣненія какого бы то ни было нравственнаго, гражданскаго, политическаго или религіознаго закона, ниспроверженія какой бы то ни было власти».

Школа Фурье полагаетъ, что удачный опытъ устройства соціетарной общины подѣйствуетъ на общество убѣдительнѣе всякой теоріи. И потому ея ближайшая задача сводится, главнымъ образомъ, къ собранію денежныхъ средствъ для устройства перваго фаланстера. Какъ только эти денежныя средства будутъ собраны въ достаточномъ количествѣ, школа приступитъ къ практическому опыту, который, по ея мнѣнію, долженъ повести къ полному преобразованію всего строя человѣческаго общежитія, путемъ добровольнаго подражанія остального человѣчества этому опыту.

«Провозгласимъ же громко, чтобы весь свѣтъ слышалъ,—восклицаетъ Консидеранъ въ своей книгѣ «Destinée Sociale»,—нужно бросить сѣмя на національную почву, въ общину; насилію и революціи тутъ нечего дѣлать. Революція можетъ противопоставить одинъ интересъ другому, раздавить одну партію силой другой партіи, одну династію замѣнить другой, монархію замѣнить республикой или наоборотъ; но она не можетъ сгруппировать и примирить нынѣ враждебно дѣйствующія силы. Это послѣднее—дѣло науки; только соціальное открытіе можетъ дать новыя средства для достиженія этого новаго

результата. И эта наука должна начать съ созданія правильной организаціи разнообразнаго труда въ основной общественной мастерской, въ общинѣ».

Такимъ образомъ, единичный удачный соціальный экспериментъ являлся, въ глазахъ фурьеристовъ, рѣшающимъ шагомъ въ дѣлѣ осуществленія соціалистическаго строя. Совершенно таковъ же былъ взглядъ и Оуэна. Несмотря на свой горькій жизненный опытъ и неудачу своихъ практическихъ попытокъ созданія коммунистической общины, Оуэнъ до конца дней своихъ остается вѣренъ своимъ убѣжденіямъ юности. Какое бы то ни было насиліе надъ волей человѣка казалось ему совершенно недопустимымъ. «Переходъ отъ настоящаго, основаннаго на невѣжествѣ, внутреннемъ сопротивленіи, неорганизованности и несчастіи, къ просвѣщенному, привлекательному, организованному и счастливому будущему никогда не осуществится путемъ насилія или путемъ злобы и зложелательства къ какой-либо части человѣчества»,—писалъ онъ уже на склонѣ своихъ лѣтъ въ книгѣ «The Revolution in the Mind and Practice of the Human Race» (1850).—«Нѣтъ, эта великая революція во всемъ строѣ человѣческой жизни можетъ быть достигнута лишь распространеніемъ великихъ основныхъ истинъ, объявляемыхъ людямъ въ духѣ мира, доброты и милосердія, съ неутомимой настойчивостью и усердіемъ тѣми, кто способенъ пріобрѣсти практическое пониманіе человѣческой природы и общества».

Вытѣсненіе старыхъ формъ общественной жизни новыми должно произойти, развиваетъ Оуэнъ свою мысль дальше, такъ же постепенно и безъ всякаго насилія надъ кѣмъ бы то ни было, какъ постепенно и безъ насилія желѣзныя дороги вытѣсняютъ прежніе пути сообщенія. Правда, Оуэнъ, подъ вліяніемъ неудачи своихъ личныхъ попытокъ, сталъ возлагать въ концѣ своей жизни главную надежду на помощь государства, которое, убѣдившись въ выгодахъ коммунистическихъ общинъ, само приступитъ къ ихъ устройству. Для этой цѣли государство могло бы покупать по рыночной цѣнѣ участки земли и предоставлять ихъ въ распоряженіе такихъ общинъ, снабжая послѣднія всѣми нужными хозяйственными приспособленіями. Никакого принужденія вступать въ число членовъ такихъ общинъ быть не должно. Оуэнъ не сомнѣвается, что люди добровольно откажутся отъ своихъ прежнихъ условій жизни и вступятъ въ члены общинъ, весь строй жизни которыхъ будетъ покоиться на принципѣ самаго строгаго равенства. Увѣренность эта у Оуэна, какъ и у Фурье, покоилась на убѣжденіи въ чрезвычайныхъ выгодахъ хозяйства на новыхъ началахъ, которыя будутъ такъ велики, что даже люди, пользующіеся въ настоящее время богатствомъ, предпочтутъ стать членами проектируемыхъ общинъ. Поэтому новыя общины, безъ всякаго принужденія со стороны какой бы-то ни было общественной власти, должны быстро распространиться и вытѣснить прежнія формы хозяйства.

«Благодаря новой организаціи хозяйства ежегодно будетъ создаваться значительный избытокъ богатства; будутъ достигнуты огромныя сбереженія непроизводительныхъ расходовъ; будетъ созданъ значительно высшій типъ человѣческаго характера; и все будетъ направлено къ достиженію превосходства во всѣхъ областяхъ жизни. Чрезвычайныя выгоды такой хозяйственной организаціи скоро станутъ настолько очевидными, что всѣ классы общества въ короткое время проникнутся желаніемъ возможно безотлагательно воспользоваться этими выгодами».

Въ своей увѣренности въ легкости осуществленія новаго строя Оуэнъ доходитъ до надежды, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ весь свѣтъ покроется новыми общинами. Нуженъ только первый шагъ, а затѣмъ дѣло пойдетъ съ возрастающей быстротой само собой.

Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Оуэнъ признаетъ одинаково безумными обѣ борющіяся стороны: европейскія правительства и партіи революціоннаго соціализма. Онъ обращается со словомъ увѣщеванія къ королевѣ Викторіи, убѣждая

ее, что отъ ея правительства, а, слѣдовательно, отъ нея, зависитъ «покончить со всѣмъ общественнымъ зломъ и постепенно и мирно замѣнить все зло добромъ и всеобщимъ благополучіемъ». Въ то же время онъ обращается и къ «краснымъ республиканцамъ, коммунистамъ и соціалистамъ Европы», доказывая имъ, что они такъ же неправы и такъ же находятся въ заблужденіи, какъ и ихъ враги. Обѣ стороны вѣрятъ лишь въ силу общественнаго принужденія, между тѣмъ какъ истинная сила заключается въ свободномъ убѣжденіи. «Вы думаете,—говоритъ имъ Оуэнъ,—что насиліе есть лучшее средство общественнаго спасенія; я же думаю, что убѣжденіе и доброжелательство—не только самыя справедливыя и разумныя средства для преодолѣнія заблужденія, но что они являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самыми могущественными и дѣйствительными средствами, чтобы побудить людей измѣнить свои мнѣнія и свое поведеніе». Революціонный соціализмъ въ 1848 г. достигъ господства во Франціи, и, однако, его непродолжительное торжество закончилось полнымъ пораженіемъ по той причинѣ, что революціонеры не могли создать ничего положительнаго. Они создали лишь анархію, и народъ предпочелъ вернуться къ прежнему деспотизму. Изъ этого Оуэнъ дѣлаетъ выводъ, что только разумный планъ общественнаго устройства можетъ упрочить побѣду народа. Но если этотъ планъ, дѣйствительно, разуменъ, то онъ и не нуждается для своего торжества въ какомъ бы то ни было насиліи.

II.

Пропаганда устройства небольшихъ общинъ на новыхъ соціальныхъ началахъ, исходившая отъ Оуэна и Фурье, имѣла извѣстный успѣхъ, и цѣлый рядъ такихъ общинъ дѣйствительно возникъ.

Первымъ и самымъ грандіознымъ опытомъ Оуэна была его знаменитая община «Нью-Гармони». Исторія ея такова. Религіозная секта раппистовъ (названная такъ по имени своего основателя Раппа) образовала въ Америкѣ, въ штатѣ Индіана, обширную общину въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Община процвѣтала и занималась преимущественно земледѣліемъ. Центромъ ея было образованное ею селеніе, названное «Гармоніей», хорошо обстроенное, съ хорошими каменными домами и каменными же хозяйственными постройками. Община занималась не только сельскимъ хозяйствомъ, но, въ довольно обширныхъ размѣрахъ, также и промышленной дѣятельностью: она имѣла фабрики шелковую и шерстяную, лѣсопильню и другія промышленныя мастерскія.

Несмотря на хозяйственный успѣхъ, члены общины не были довольны своимъ мѣстожительствомъ и въ 1824 г. рѣшили переселиться на новое мѣсто. Основаніемъ къ этому переселенію выставлялся нездоровый климатъ мѣстности, гдѣ была расположена «Гармонія» (малярія?). Но можно думать, что и помимо этого переселеніе казалось желательнымъ главѣ секты по соображеніямъ религіозно-нравственнаго свойства. Исходя изъ аскетическаго идеала, Раппъ не считалъ желательнымъ, чтобы его послѣдователи долго жили на одномъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, община рѣшила продать все свое имущество, и покупатель нашелся въ лицѣ Оуэна, который уже давно искалъ въ Америкѣ подходящаго мѣста для жительства большой коммунистической общины. Когда къ Оуэну, уже пользовавшемуся къ этому времени громкой извѣстностью во всей Европѣ, явился представитель раппистовъ, Оуэнъ почти немедленно принялъ предложеніе, и сдѣлка была заключена.

Въ слѣдующемъ году Оуэнъ поѣхалъ въ Америку и пріобрѣлъ, за 30 тыс. ф. ст., имѣніе раппистовъ, состоявшее изъ 20 тысячъ акровъ превосходной земли, со всѣми постройками и многими промышленными сооруженіями. Имѣніе было вполнѣ благоустроено и въ этомъ отношеніи, повидимому, не оставляло желать лучшаго.

Имя Оуэна уже было хорошо извѣстно въ Новомъ Свѣтѣ. Въ Нью-Іоркѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ было основано его послѣдователями «Общество содѣйствія устройству общинъ», которое съ 1823 г. издавало особый періодическій органъ. По пріѣздѣ въ Америку и послѣ пріобрѣтенія «Гармони», переименованнаго Оуэномъ въ «Нью-Гармони», нашъ соціальный реформаторъ прочелъ рядъ лекцій въ Вашингтонѣ передъ самой избранной аудиторіей, въ составѣ которой были многіе государственные люди Америки (въ томъ числѣ и президентъ республики). Въ этихъ лекціяхъ онъ возвѣстилъ о своемъ предпріятіи и старался объяснить его значеніе. Въ его представленіи «Нью-Гармони» должна была явиться только первой изъ общинъ даннаго типа, которыя по мѣрѣ своего умноженія должны вступать между собой въ политическую связь и образовать впослѣдствіи особый штатъ въ предѣлахъ Союза.

Обращеніе Оуэна имѣло быстрый успѣхъ; Нью-Гармони быстро наполнилось новымъ населеніемъ. Желающихъ было такъ много, что возникли большія трудности въ помѣщеніи въ колоніи ихъ всѣхъ. Однако, никакого выбора среди кандидатовъ не производилось, хотя таково было первоначальное намѣреніе основателя колоніи. Черезъ нѣсколько недѣль въ «Нью-Гармони» считалось уже около 900 членовъ.

Отсутствіе выбора не могло не привести къ тому, что многіе члены «Нью-Гармони» менѣе всего соотвѣтствовали по своимъ моральнымъ свойствамъ тому трудному дѣлу, за которое они взялись. Сынъ Оуэна, Вилліамъ, пишетъ своему отцу ужъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: «Мы не знаемъ, что дѣлать намъ съ тѣми, кто за все берется и не имѣетъ никакой опредѣленной профессіи; они не дѣлаютъ рѣшительно ничего и ничѣмъ не довольны. Отъ многихъ изъ нихъ мы уже избавились, но все же ихъ осталось немало».

Можно было бы думать, что при случайномъ составѣ членовъ въ Нью-Гармони вообще никакого хозяйства не наладится. Однако, Вилліаму Оуэну, бывшему главнымъ руководителемъ общины, удалось настолько организовать дѣло, что нѣкоторое время община казалась работающей успѣшно. Въ особенности отмѣчалась удачная дѣятельность разнаго рода промышленныхъ мастерскихъ общины, работавшихъ, впрочемъ, преимущественно для удовлетворенія потребностей самой общины. Лѣсопильня, впрочемъ, работала и на постороннихъ заказчиковъ. Напротивъ, мануфактурныя мастерскія, которыя въ прежней общинѣ раппистовъ шли полнымъ ходомъ, послѣ ея преобразованія въ оуэнистскую общину, остановились по недостатку среди наличнаго персонала людей, подготовленныхъ къ этому труду.

Изъ переписки Вилліама Оуэна съ его отцомъ видно, что основатель общины принималъ очень мало участія въ руководительствѣ ею и даже дѣйствовалъ по отношенію къ ней довольно легкомысленно. Такъ, напр., Вилліамъ Оуэнъ выражаетъ удивленіе, какимъ образомъ его отецъ приглашаетъ въ общину множество людей, которыхъ рѣшительно негдѣ помѣстить, и привлекаетъ вовсе не тѣхъ рабочихъ, въ которыхъ община имѣетъ нужду. Въ общинѣ оказалось очень много слесарей и рабочихъ по металлу, но чувствовался большой недостатокъ въ строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ, именно строительные рабочіе были необходимы для общины, такъ какъ имѣвшихся въ ней жилыхъ помѣщеній не хватало для размѣщенія всего ея населенія. Не хватало также лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ исполнять обязанности домашней прислуги; Вилліамъ Оуэнъ особенно жалуется на недостатокъ поваровъ и прачекъ.

Среди членовъ общины было много семейныхъ лицъ и около 130 дѣтей. начительное большинство членовъ общины принадлежало къ рабочему классу повидимому—городскихъ рабочихъ), но было немало и представителей лиральныхъ профессій, въ томъ числѣ нѣсколько очень видныхъ представи-

телей американской науки и литературы. Такъ, вскорѣ послѣ основанія общины къ ней примкнулъ самый выдающійся геологъ Америки Маклюръ, президентъ филадельфійской академіи наукъ, человѣкъ очень богатый. Его привлекъ въ общину интересъ къ вопросамъ воспитанія, которымъ онъ посвятилъ часть своихъ трудовъ. Вмѣстѣ съ Оуэномъ онъ оказывалъ поддержку общинѣ своими личными средствами. Дѣятельными членами общины были и нѣкоторые другіе выдающіеся естествоиспытатели—Сэ, зоологъ, авторъ нѣсколькихъ трудовъ по энтомологіи и конхиліологіи, напечатанныхъ въ Нью-Гармони; зоологъ Лезюръ, химикъ Трустъ, впослѣдствіи профессоръ одного изъ американскихъ университетовъ, и пр. Цѣлая группа этихъ ученыхъ прибыла въ Нью-Гармони послѣ продолжительнаго путешествія въ лодкѣ по Огіо.

5 февраля 1826 г. община окончательно конституировалась, принявъ названіе «Нью-Гармонійской общины равенства». Община подраздѣлялась на шесть отдѣловъ: земледѣлія, промышленности, литературы, науки и обученія, домашняго хозяйства, общаго хозяйства и торговли. Во главѣ каждаго отдѣла стоялъ избранный членами отдѣла управляющій, избиравшій четырехъ своихъ помощниковъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ общимъ секретаремъ, образовывали исполнительный комитетъ общины.

Согласно принятой общиною конституціи «всѣ участники общины должны разсматриваться какъ члены одной семьи, и никто не долженъ пользоваться большимъ или меньшимъ уваженіемъ въ зависимости отъ рода своихъ занятій. Всѣ должны по возможности получать одинаковую пищу, одежду и воспитаніе, въ соотвѣтствіи со своимъ возрастомъ, и, насколько возможно, всѣ должны жить въ одинаковыхъ меблированныхъ домахъ. Каждый обязанъ отдавать весь свой трудъ на пользу общины». Иными словами, въ основу устройства общины были положены начала совершеннаго коммунизма. Впрочемъ, надо имѣть въ виду, что юридическимъ собственникомъ всего имущества общины оставался Робертъ Оуэнъ, но, конечно, предполагалось, что такое положеніе дѣла можетъ быть лишь временнымъ, пока община не окажется въ силахъ выкупить у Оуэна Нью-Гармони.

Принятіе этой конституціи преисполнило энтузіазмомъ членовъ общины, какъ это видно, напр., изъ слѣдующаго характернаго письма члена общины Пельгама къ своему сыну. «До сихъ поръ,—пишетъ Пельгамъ 8 февраля 1826 г., — въ дѣятельности общины замѣчалось много неправильностей, и это парализовало энергію ея членовъ; теперь же нашъ путь ясенъ, и совершенно невозможно возвращеніе къ прежнему безпорядку. Различныя части нашей огромной машины такъ превосходно пригнаны одна къ другой, что результаты должны получиться наилучшіе. Я думаю, что черезъ полгода вся машина Нью-Гармони будетъ работать съ правильностью часовъ... Оуэнъ—удивительный человѣкъ; такихъ еще не создавала исторія. Его мудрость, его проницательность, его практическія знанія и, всего болѣе, его искренность, добросовѣстность и открытый характеръ не имѣютъ себѣ подобнаго ни въ древней, ни въ новой исторіи».

Конституція была принята почти единогласно, но среди несогласныхъ съ нею былъ одинъ изъ главныхъ помощниковъ Оуэна, капитанъ Макъ-Дональдъ, изложившій причины своего несогласія въ газетѣ Нью-Гармони. Несогласіе Макъ-Дональда основывалось на томъ, что онъ былъ противникомъ какого бы то ни было выборнаго правленія внутри общины, хотя бы и самаго демократическаго. Онъ утверждалъ, что избраніе управляющихъ отдѣлами неизбѣжно вызоветъ раздоры внутри общины, и что она перестанетъ себя чувствовать одной семьей.

Какъ бы то ни было, новая конституція вступила въ силу при дѣятельной поддержкѣ самого основателя общины, вернувшагося къ этому времени въ Нью-Гармони изъ Европы.

Скоро, однако, выяснилось, что трудно достигнуть полнаго согласія въ предѣлахъ такой большой общины, какою являлась Нью-Гармони, и было рѣшено раздѣлить ее на нѣсколько меньшихъ. Прежде всего выдѣлились двѣ общины, въ основу организаціи которыхъ было положено отсутствіе выборнаго правленія: членами правленія становились всѣ члены общины по достиженіи извѣстнаго возраста.

Выдѣленіе этихъ новыхъ общинъ произошло безъ всякаго противодѣйствія со стороны Оуэна, который, наоборотъ, привѣтствовалъ его и возлагалъ со своимъ обычнымъ оптимизмомъ самыя радужныя надежды на будущее новыхъ общинъ.

Жизнь въ Нью-Гармони рисовалась ея участниками въ очень привлекательныхъ краскахъ. Сынъ Оуэна, Робертъ Да-Дэль,—впослѣдствіи извѣстный государственный дѣятель Соед. Штатовъ, бывшій долгое время американскимъ посланникомъ въ Неаполѣ,—съ большимъ удовольствіемъ вспоминаетъ въ своей автобіографіи о своемъ пребываніи въ общинѣ въ молодые годы. Правда, внѣшнія условія жизни отличались простотой: приходилось исполнять тяжелую физическую работу (не нужно забывать, что дѣти Оуэна выросли въ богатой семьѣ), пахать, сѣять, рубить; но зато въ жизни общинниковъ было много и развлеченій. Еженедѣльно бывали балы и концерты; собирались для товарищеской бесѣды и воодушевленныхъ споровъ, которые не изгладились въ памяти Дэль-Оуэна, даже черезъ много десятковъ лѣтъ.

Въ 1826 г. Нью-Гармони посѣтилъ герцогъ Саксенъ-Веймарскій, оказавшійся тонкимъ наблюдателемъ, описавшимъ все видѣнное. Герцога помѣстили въ домѣ для пріѣзжихъ, устройство котораго важный гость нашелъ удовлетворительнымъ. Герцогъ разсказываетъ, что его поразила вѣра въ будущность общины ея основателя, но ему самому показалось, что община просуществуетъ недолго и близка къ распаденію. Ему бросилось въ глаза, что, несмотря на внѣшнее равенство и одинаково скромную обстановку жизни всѣхъ членовъ общины, послѣдніе видимымъ образомъ раздѣлялись на двѣ группы: лицъ физическаго труда и людей лучшаго общества. Тѣ и другіе держались отдѣльно другъ отъ друга, въ своемъ собственномъ кругу. Хотя на танцовальныхъ вечерахъ собирались всѣ вмѣстѣ, «но молодыя барышни изъ общества отказывали простонароднымъ кавалерамъ, которые съ неудовольствіемъ покорялись своей горькой участи». Въ особенности поразило герцога обиліе танцовальныхъ вечеровъ: танцовали чуть не каждый вечеръ. Онъ разсказываетъ объ одной красивой барышнѣ, которая очень хорошо играла на фортепіано и пѣла, но не любила доить коровъ. Герцогъ катался съ нею въ лодкѣ при лунномъ свѣтѣ, при чемъ его спутница жаловалась на «соціальную систему», принуждавшую ее къ грубому физическому труду. Повидимому, ее привела въ Нью-Гармони несчастная любовь.

Большое вниманіе посвящалось школамъ, занятія въ которыхъ встрѣтили полное одобреніе со стороны герцога. По его словамъ, дѣти имѣли здоровый и веселый видъ и несомнѣнно любили школу; много времени отдавалось физическимъ упражненіямъ и спорту.

Нью-Гармонійская община просуществовала очень недолго: уже въ началѣ 1827 г. Оуэнъ убѣдился въ неудачѣ своего опыта. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, недовольные члены общины обвиняли ея основателя въ томъ, что онъ не передалъ общинѣ въ полную собственность имущества, которымъ она распоряжалась. Но, конечно, такая передача только ускорила бы крушеніе общины, заключавшей въ себѣ самой причины своего паденія. Достаточно одного того, что въ общину принимались всѣ желающіе. Обиліе танцевъ, поразившее герцога Саксенъ-Веймарскаго, не указывало на большую склонность членовъ общины къ труду, а хорошенькая дѣвица, заинтересовавшая герцога и жаловавшаяся на «соціальную систему», являлась

лучшей иллюстраціей того, какой случайный характеръ имѣлъ составъ общинниковъ.

Непосредственной причиной крушенія общины явилась обнаружившаяся невозможность для нея произвести достаточное количество продуктовъ для содержанія ея членовъ, несмотря на крайне скромный характеръ ихъ жизни. Танцы не могли, разумѣется, замѣнить производительнаго труда. Въ концѣ концовъ, Оуэнъ оказался вынужденнымъ вступить въ свои права собственника и объявить общину распущенной, а членовъ ея пригласить самимъ заботиться о своемъ дальнѣйшемъ существованіи или же оставить Нью-Гармони. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выразилъ готовность предоставлять свои земли въ распоряженіе всякой общины, которая могла бы основаться на тѣхъ же началахъ, какъ прекратившаяся.

Многіе члены общины покинули Нью-Гармони съ чувствомъ самаго тяжелаго разочарованія и неудовольствія противъ Оуэна, какъ свидѣтельствуетъ онъ самъ. Другіе продолжали попытки организовать въ Нью-Гармони жизнь на коммунистическихъ началахъ. Никогда не падавшій духомъ Оуэнъ въ скоромъ времени сообщаетъ, что на развалинахъ старой общины возникло уже восемь новыхъ, и что «соціальная система теперь упрочилась совершенно непоколебимо». Еще черезъ три недѣли онъ говоритъ уже о десяти коммунистическихъ общинахъ въ Нью-Гармони.

Но всѣ эти общины существовали, повидимому, только въ воображеніи Оуэна; по возвращеніи черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Нью-Гармони онъ самъ долженъ былъ признать полную неудачу своей попытки создать «новый нравственный міръ». Большая часть земли Нью-Гармони осталась во владѣніи Оуэна, другая была распродана небольшими участками отдѣльнымъ лицамъ.

Весь опытъ потребовалъ очень крупныхъ затратъ со стороны Оуэна: около 40 тысячъ ф. ст., т. е. почти половины всего его состоянія, достигавшаго къ этому времени приблизительно 100 тыс. ф. Его четверо сыновей остались въ Нью-Гармони и стали гражданами Соединенныхъ Штатовъ. Маклюръ до самой своей смерти не порывалъ связи съ Нью-Гармони. Точно такъ же не покинулъ общины и Сэ. Цѣлый рядъ научныхъ книгъ былъ изданъ въ Нью-Гармони Маклюромъ и Сэ.

Какъ опытъ устройства коммунистической общины, Нью-Гармони закончилась совершеннымъ крушеніемъ. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать вывода, что предпріятіе Оуэна не имѣло никакого культурнаго значенія. Напротивъ, Подморъ, авторъ самой обширной и вполнѣ безпристрастной біографіи Оуэна, вышедшей въ 1906 г., свидѣтельствуетъ, что «Нью-Гармони оставалась въ теченіе болѣе поколѣнія главнѣйшимъ научнымъ и воспитательнымъ центромъ Западъ Сѣвероамериканскаго союза, и вліяніе этого центра чувствовалось въ самыхъ различныхъ областяхъ соціальной и политической структуры страны. Даже до настоящаго времени отпечатокъ личности Оуэна видѣнъ въ городѣ, который онъ основалъ. Нью-Гармони не походитъ на другіе города западныхъ штатовъ. Это—городъ съ исторіей. Пыль разбитыхъ надеждъ и идеаловъ образовала собой почву, въ которой пустила корни жизнь современности. Имя Оуэна носятъ до настоящаго времени нѣсколько выдающихся гражданъ, потомковъ великаго соціалиста. Городъ гордится публичной библіотекой, хранителемъ которой является внукъ одного изъ первыхъ членовъ общины; библіотека состоитъ изъ 15 тысячъ томовъ, большею частью цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій».

Съ внѣшней стороны община Нью-Гармони располагала, сравнительно съ другими аналогичными попытками, наибольшими шансами успѣха. Во главѣ ея стоялъ опытный руководитель, блестяще доказавшій въ Нью-Ланаркѣ свои исключительныя организаторскія способности. На устройство общины

былъ затраченъ очень крупный капиталъ—около полумилліона рублей на наши деньги. Наконецъ, общинѣ не приходилось создавать вновь всего необходимаго для веденія дѣла, такъ какъ она явилась наслѣдницей другой, достигшей полнаго хозяйственнаго процвѣтанія и передавшей своей преемницѣ вполнѣ благоустроенное имѣніе со всѣми необходимыми постройками и сооруженіями самаго различнаго рода.

Тѣмъ не менѣе, крушеніе Нью-Гармони было очень быстрымъ. Объясняется это, отчасти, именно благопріятными внѣшними условіями ея возникновенія. Успѣхъ въ предпріятіяхъ такого рода зависитъ, прежде всего, отъ подбора соотвѣтствующихъ лицъ. Первый встрѣчный не можетъ оказаться полезнымъ членомъ коммунистической общины. Наплывъ членовъ въ Нью-Гармони объяснялся заманчивыми условіями жизни въ колоніи. Между тѣмъ, никакого выбора среди лицъ, желающихъ поступить въ общину, не производилось. При такомъ положеніи дѣла колонія неизбѣжно должна была переполниться людьми, совершенно для нея непригодными, собравшимися въ ней не для серьезной работы, а изъ простого любопытства къ новымъ условіямъ жизни или даже просто ради возможности пожить на даровомъ хлѣбѣ безъ серьезнаго труда. Отсюда и обиліе развлеченій, которыя дѣлали столь пріятной жизнь въ общинѣ и которыя поразили своимъ количествомъ герцога Саксенъ-Веймарскаго. Но отсюда же—и невозможность покрывать продуктами труда членовъ общины ея необходимыя потребности.

Кромѣ Нью-Гармони, въ Америкѣ возникло и нѣсколько другихъ коммунистическихъ общинъ въ связи съ пропагандой Оуэна; исторія ихъ, однако, большого интереса не представляетъ. Болѣе поучительно остановиться на двухъ попыткахъ устройства оуэнистскихъ общинъ въ Европѣ.

Первая изъ этихъ попытокъ была сдѣлана въ Шотландіи, по иниціативѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣдователей Оуэна, Авраама Комба, который въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ велъ энергичную пропаганду оуэнистскихъ идей. Онъ стоялъ во главѣ періодическихъ изданій, посвященныхъ этой цѣли, писалъ книги, брошюры и статьи и вообще былъ однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ послѣдователей новой соціальной системы. О силѣ его убѣжденія въ близкомъ торжествѣ его дѣла можно судить по тому, что онъ однажды заключилъ пари съ однимъ своимъ другомъ, что не пройдетъ и пяти лѣтъ, какъ королевскій циркъ въ Эдинбургѣ будетъ разрушенъ и на его мѣстѣ будутъ воздвигнуты зданія оуэнистской общины. Вмѣстѣ съ другими богатыми послѣдователями Оуэна онъ пріобрѣлъ въ 1825 г. имѣніе Орбистонъ, недалеко отъ Глазго, съ 291 акромъ земли, и немедленно приступилъ къ постройкѣ обширнаго зданія, разсчитаннаго на 1000 человѣкъ. Капиталъ, потребный для осуществленія всего этого предпріятія, былъ опредѣленъ въ 50 тысячъ ф. ст., которые предполагалось собрать, раздѣливъ его на 200 паевъ, по 250 ф. каждый пай. Въ короткое время удалось размѣстить 125 паевъ между 16 лицами.

Хотя самъ Комбъ былъ сторонникомъ полнаго коммунизма, но на первое время было рѣшено прибѣгнуть къ компромиссу. Только часть потребностей членовъ общины покрывалась изъ общаго фонда, создаваемаго общимъ трудомъ. Остальная часть этого фонда разверстывалась между членами пропорціонально времени труда каждаго, при чемъ каждый могъ свободно расходовать эту часть на свои нужды по своему усмотрѣнію.

Всѣ жили въ общемъ зданіи и могли, по своему усмотрѣнію, столоваться вмѣстѣ или же порознь. Въ томъ же зданіи каждый получалъ одинаковую квартиру; воспитаніе дѣтей велось сообща, но за счетъ родителей.

Хотя проектированное зданіе далеко не было вполнѣ достроено, оно быстро наполнилось обитателями, число которыхъ достигло въ іюнѣ 1827 г. 298 чел. (кромѣ грудныхъ дѣтей). Община занималась не только сельскимъ

хозяйствомъ, но и разнаго рода промышленнымъ трудомъ — и даже, повидимому, преимущественно этимъ послѣднимъ. Особенное значеніе имѣло металлургическое производство и изготовленіе разнаго рода желѣзныхъ издѣлій для продажи. Кромѣ того, община изготовляла разнообразныя ткани и предметы одежды для надобностей своихъ членовъ.

Однимъ изъ основныхъ правилъ общины была полная свобода поступленія новыхъ членовъ въ ея среду. Комбъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго соображенія. Задачей новаго соціальнаго строя является моральное перерожденіе человѣчества. Если бы община отвергала новыхъ лицъ, желающихъ вступить въ ея среду, вслѣдствіе ихъ моральной испорченности, то этимъ она доказывала бы недовѣріе къ ея собственной способности морально перерождать людей. И потому она не могла никого отвергать, какъ не отвергаетъ больница никого изъ больныхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ пріема новыхъ членовъ община должна была въ скоромъ времени распасться. Однако, ея первые шаги, несмотря на всѣ трудности, связанныя съ началомъ столь отвѣтственнаго дѣла, были сравнительно удачны. Лѣтомъ 1827 г., когда Оуэнъ пріѣхалъ посѣтить общину, она производила впечатлѣніе процвѣтающей. Особенно хорошо работалъ металлургическій отдѣлъ, построившій обширную доменную печь. Частныя письма колонистовъ дышали увѣренностью въ будущемъ и довольствомъ настоящимъ. «Это—совершенно новый міръ,—очень наивно пишетъ одна дама. — У насъ вчера было собраніе, и я никогда не испытывала большаго удовольствія. Танцы три раза въ недѣлю. Сколько удовольствій и въ то же время самый лучшій столъ».

Итакъ, и въ Орбистонѣ, подобно Нью-Гармони, отмѣчается обиліе танцевъ. И, конечно, это веселье неизбѣжно должно было окончиться сходнымъ образомъ—крушеніемъ колоніи. Но судьба избавила Орбистонскую общину отъ распаденія подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ: община погибла насильственной смертью. Въ концѣ лѣта умеръ основатель колоніи Комбъ, и вмѣстѣ съ нимъ погибло и его дѣло: его наслѣдники потребовали возвращенія затраченныхъ суммъ, и все имѣніе было продано съ публичнаго торга.

Точно такъ же изъ-за внѣшнихъ причинъ потерпѣла неудачу и другая оуэнистская община, возникшая въ Ралахайнѣ. Эта организація была создана землевладѣльцемъ Ванделёромъ въ его имѣніи Ралахайнъ въ графствѣ Клэръ (въ Ирландіи). Въ теченіе многихъ лѣтъ Ванделёръ мечталъ передать свое имѣніе производительной артели земледѣльческихъ рабочихъ, и, наконецъ, ему это удалось въ 1830 г. Имѣніе въ 618 акровъ, вмѣстѣ со всѣми постройками и инвентаремъ, поступило въ распоряженіе группы рабочихъ, которые и раньше работали тамъ же. При этомъ имѣлось въ виду, что съ теченіемъ времени община выкупитъ у помѣщика его имѣніе со всѣмъ инвентаремъ.

Въ основу устройства общины были положены слѣдующія начала. Члены общины образовывали самоуправляющуюся группу, подъ верховнымъ надзоромъ землевладѣльца. Каждый получалъ обычную рыночную заработную плату. Воспитаніе и содержаніе дѣтей и подростковъ до 17-лѣтняго возраста должно было оплачиваться изъ общаго фонда. Многія потребности взрослыхъ членовъ общины также должны были удовлетворяться за общій счетъ (съ соотвѣтствующимъ вычетомъ изъ ихъ заработной платы). Однако, члены общины жили въ отдѣльныхъ домахъ, и каждый имѣлъ свое особое домашнее хозяйство. За пользованіе имѣніемъ община должна была платить землевладѣльцу опредѣленную арендную плату. Община состояла первоначально изъ 52 лицъ, въ концу — изъ 81 лица (въ томъ числѣ—16 дѣтей).

Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла полный успѣхъ и прекратилась въ 1833 г. отъ внѣшней причины: имѣніе было продано за долги Ванделера, который проигрался въ карты и бѣжалъ.

Гораздо болѣе успѣха, чѣмъ оуэнистскія общины, имѣли общины, связанныя съ именемъ Фурье. Существенное отличіе послѣднихъ отъ первыхъ заключалось въ томъ, что фурьеристскія общины принципіально отрицали коммунизмъ и стремились строго проводить начала индивидуальнаго заработка и свободы его расходованія.

Проповѣдниками ученія Фурье въ Соединенныхъ Штатахъ явились два замѣчательныхъ человѣка—Брисбейнъ и Грили, въ особенности первый. Онъ много путешествовалъ по Европѣ и послѣ перваго же ознакомленія съ сочиненіями Фурье сталъ его убѣжденнымъ послѣдователемъ. Какъ онъ самъ объясняетъ, въ идеяхъ Фурье его наиболѣе поразила мысль о возможности сдѣлать физическій трудъ привлекательнымъ и пріятнымъ. «Сдѣлать привлекательной эту область грубаго, уничижающаго труда,—этотъ грустный удѣлъ массъ, подавляющій человѣка своимъ прозаическимъ, отупляющимъ, мертвящимъ вліяніемъ,—поднять этотъ трудъ и превратить его въ нѣчто, вызывающее восхищеніе и почитаніе,—значило произвести величайшій переворотъ, цѣлую революцію».

Вернувшись на родину, Брисбейнъ издалъ книгу, излагавшую систему Фурье. Она имѣла огромный успѣхъ среди американской публики и привлекла въ ряды фурьеристовъ одного изъ самыхъ талантливыхъ журналистовъ Америки—Горація Грили, издателя самой распространенной въ Америкѣ газеты «New-Iork Tribune». Грили предоставилъ извѣстное мѣсто въ своей газетѣ пропагандѣ фурьеризма. Кромѣ того, Брисбейнъ основалъ нѣсколько спеціальныхъ періодическихъ органовъ для той же цѣли.

Въ скоромъ времени во всей странѣ стали основываться общества и кружки фурьеристовъ. Эти общества устраивали лекціи, агитаціонныя поѣздки и отъ времени до времени мѣстные съѣзды фурьеристовъ. Въ 1844 г. въ Нью-Іоркѣ собрался національный конгрессъ фурьеристовъ. Адреса и привѣтствія были получены со всѣхъ концовъ союза. На конгрессѣ единственнымъ средствомъ разрѣшенія соціальнаго вопроса была признана фурьеристская ассоціація (фаланга). Было рѣшено основать постоянную національную конференцію ассоціацій, имѣющую свой постоянный органъ «Фалангу» и исполнительный комитетъ изъ 18 членовъ. Конгрессъ призналъ необходимымъ созданіе международной организаціи всѣхъ ассоціацій и поручилъ Брисбейну вступить въ сношенія по этому поводу съ фурьеристами Европы. Въ то же время конгрессъ предостерегалъ противъ попытокъ устройства ассоціацій въ слишкомъ маломъ размѣрѣ и недостаточно обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи.

Фурье считалъ достаточнымъ для устройства фаланги капиталъ въ 1 милліонъ франковъ при числѣ участниковъ въ 400 семействъ. Брисбейнъ понизилъ цифру участниковъ до 400 человѣкъ, но повысилъ размѣръ необходимаго капитала до 400 тысячъ долларовъ (по тысячѣ долларовъ на участника). Таковы должны были быть нормальные размѣры ассоціаціи, понижать которые было бы опасно.

Единственнымъ примѣромъ болѣе крупной соціалистической ассоціаціи была Нью-Гармони. Фурьеристскія фаланги далеко отстали отъ нея. Тѣмъ не менѣе, онѣ стали быстро вырастать на американской почвѣ, и за одно пятилѣтіе ихъ возникло не менѣе тридцати въ разныхъ концахъ Америки, но больше двухъ лѣтъ просуществовало изъ нихъ только одиннадцать.

Число членовъ въ большинствѣ этихъ общинъ колебалось около одной-двухъ сотенъ. Наиболѣе устойчивыми общинами оказались слѣдующія четыре: Брукская ферма (6 лѣтъ), Сѣверо-американская фаланга (12 лѣтъ), Нортгамптонская ассоціація (4 года) и Висконсинская фаланга (6 лѣтъ).

Брукская ферма получила наибольшую извѣстность благодаря тому, что въ нее вошло много извѣстныхъ представителей американской интеллигенціи.

Членомъ ея былъ и одинъ изъ самыхъ популярныхъ до настоящаго времени американскихъ писателей—Натаніель Готсорнъ.

Мѣсто для этой ассоціаціи было выбрано очень удачно, недалеко отъ Бостона, среди живописныхъ холмовъ, луговъ и лѣсовъ. Первоначальное основаніе Брукской фермы принадлежало одному религіозному обществу, большинство членовъ которого перешло къ фурьеризму. Въ составъ ея входило 115 человѣкъ. Всѣ получали одинаковое вознагражденіе за трудъ одинаковой продолжительности. Трудъ каждаго лица долженъ былъ соотвѣтствовать его склонностямъ и вкусамъ. Чтобы трудъ былъ возможно привлекательнѣе, занятія должны были разнообразиться для каждаго. Дѣти моложе 10 лѣтъ и старики старше 70 лѣтъ должны были получать даровое содержаніе, такъ же, какъ и неспособные къ труду. Каждый могъ расходовать свой заработокъ и вообще свои доходы по своему усмотрѣнію, но, конечно, фактически большая часть потребностей удовлетворялась при помощи общаго хозяйства.

О привлекательности жизни въ Брукской фермѣ можно судить по тому, что уже послѣ того, какъ община распалась, ея бывшіе члены и даже ихъ потомки сохранили вплоть до нашего времени обычай собираться вмѣстѣ въ лѣтніе мѣсяцы и жить общей жизнью, вспоминая короткій періодъ существованія Брукской фермы.

Брукская ферма была центромъ всего фурьеристскаго движенія во всей Америкѣ. Въ ней издавался главный органъ американскихъ фурьеристовъ, и въ ней были сосредоточены лучшія умственныя силы всего движенія. Но именно это, повидимому, и погубило дѣло. Одинъ изъ его участниковъ, докторъ Кодманъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ причины неудачи: «у насъ было достаточно философовъ, но не хватало простыхъ тружениковъ, настоящихъ рабочихъ и хорошихъ хозяевъ. Что же было дѣлать? Пустить въ свою среду обыденныхъ людей, способныхъ дѣлать сапоги и шить платье, работать рубанкомъ и пилой, вообще могущихъ съ успѣхомъ исполнять физическія работы, но никогда не читавшихъ Шиллера и Гете, а даже, быть можетъ, и Шекспира, Скотта или Бернса, не интересующихся чтеніемъ и философіей?»

Хотя хозяйственныя дѣла общины шли плохо, тѣмъ не менѣе, она долго не распадалась—очевидно, потому, что члены ея находили въ совмѣстной жизни и работѣ удовлетвореніе своимъ высшимъ духовнымъ потребностямъ. Крушеніе ея было вызвано внѣшнимъ, случайнымъ несчастіемъ—пожаромъ ея центральнаго зданія, «соціальнаго дворца» ,который строили въ теченіе двухъ лѣтъ и съ окончаніемъ постройки котораго связывались всѣ надежды общинниковъ. Дворецъ неожиданно погибъ въ пламени, и это несчастіе оказалось роковымъ; спустя полгода Брукская ферма распалась.

Нортгамптонская ассоціація просуществовала также нѣсколько лѣтъ. Большинство ея членовъ принадлежало, какъ и въ Брукской фермѣ, къ людямъ образованныхъ и достаточныхъ классовъ. Причина крушенія этой общины, по мнѣнію ея основателя Самуэля Гилля, заключалась въ недостаткѣ денежныхъ средствъ, которыми она располагала.

Висконсинская фаланга (180 членовъ) просуществовала столько же времени, какъ и Брукская ферма. Но въ отличіе отъ этой послѣдней Висконсинская фаланга состояла преимущественно или даже исключительно изъ лицъ рабочаго класса. Она владѣла превосходнымъ имѣніемъ въ 1800 акровъ на правахъ полной собственности. Ея внутренняя организація не представляетъ никакихъ существенныхъ уклоненій отъ обычнаго типа американскихъ фурьеристскихъ общинъ: такая же равная оплата труда и свобода расходованія заработныхъ денегъ. Что касается внутренней стороны жизни этой фаланги, то она характеризовалась совершенно исключительнымъ хозяйственнымъ успѣхомъ, очевидно, благодаря составу своихъ членовъ. Она не только исправно платила по всѣмъ обязательствамъ, но и при ликвидаціи уплатила всѣмъ

своимъ пайщикамъ на 8% больше внесеннаго ими пая. Такимъ образомъ, о хозяйственномъ неуспѣхѣ въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи. Почему же она все-таки пала? Вотъ что говоритъ по этому поводу ея основатель Уоренъ Чезъ. «Причины крушенія были общественнаго характера. Мы не могли сдѣлать жизнь въ общинѣ достаточно привлекательной. Многіе думали, что внѣ общины они могутъ достигнуть большаго. Мы не могли побудить другихъ лицъ со средствами примкнуть къ намъ и пріобрѣсти паи тѣхъ членовъ, которые хотѣли уйти, и въ концѣ концовъ, недовольные получили большинство и вотировали прекращеніе ассоціаціи».

Всего дольше просуществовала Сѣвероамериканская фаланга (112 членовъ). Эта община была наилучше организованной среди всѣхъ американскихъ фалангъ. Между прочимъ, обращаетъ вниманіе характеръ вознагражденія въ ней труда. Различные роды труда оплачивались не одинаково (въ противность большинству другихъ фалангъ): тѣмъ выше, чѣмъ онъ менѣе былъ пріятенъ. Такъ, напр., кирпичники получали десять центовъ въ часъ, земледѣльцы—восемь центовъ, прислужники и врачъ—только шесть съ четвертью центовъ. Кромѣ этой платы, полагалось добавочное вознагражденіе за особое искусство или талантъ; поэтому руководители извѣстными отраслями хозяйства получали добавочное вознагражденіе—пять центовъ въ день. Исчисленная такимъ путемъ заработная плата колебалась между шестью и десятью центами въ часъ, при чемъ 10 центовъ считалось максимумомъ.

Продолжительность труда предоставлялась усмотрѣнію каждаго, такъ же, какъ и выборъ занятія. Въ концѣ года разверстывался между участниками дѣла общій избыточный доходъ, при чемъ на долю труда приходилось въ среднемъ около 13 долларовъ, а капиталъ оплачивался приблизительно 5%.

Жизнь въ общинѣ обходилась очень дешево. Комната оплачивалась 12 долларами въ годъ. Кушанья получались по картѣ, при чемъ чашка кофе съ молокомъ стоила полцента, мясное блюдо—два цента и т. д. Кромѣ того, каждый членъ платилъ 36 центовъ въ недѣлю за право пользованія столовой, освѣщеніемъ и за услуги подающихъ кушанья. Обѣды отмѣчались по книжкѣ, и къ концу каждаго мѣсяца дѣлался подсчетъ.

Община выстроила огромный домъ, въ которомъ свободно размѣстились ея члены. Этотъ домъ представлялъ собой нѣкоторое подобіе «фаланстера», о которомъ мечталъ Фурье. Конечно, «соціальный дворецъ» сѣвероамериканской фаланги не отличался пышностью и великолѣпіемъ своего образца. Но все же это было обширное трехъэтажное зданіе изъ двухъ сходящихся подъ прямымъ угломъ корпусовъ, каждый свыше 20 саженей длиной. Комнаты въ «соціальномъ дворцѣ» были просторны, свѣтлы и изящно убраны; особенно внушительное впечатлѣніе производила огромная главная зала. «Соціальный дворецъ» былъ окруженъ цвѣтниками и вьющимся виноградомъ. Немного поодаль были аллеи съ тѣнистыми деревьями. По близости располагались и два плодовыхъ сада; площадь одного изъ нихъ превышала 40 акровъ (около 15 десятинъ). Неподалеку протекала рѣка, по берегамъ которой были также разбиты аллеи; на этой же рѣкѣ была построена мельница, работавшая съ большимъ успѣхомъ и покрывавшая своими доходами бо́льшую часть расходовъ общины.

Главнымъ занятіемъ членовъ фаланги было земледѣліе и садоводство. Фаланга производила значительное количество фруктовъ, находившихъ хорошій сбытъ въ Нью-Іоркѣ.

Жизнь въ фалангѣ протекала настолько пріятно, что, по словамъ позднѣйшаго издателя „New-Iork Tribune“, Микера, посѣтившаго поселеніе, образовавшееся на мѣстѣ фаланги послѣ ея распаденія, и бесѣдовавшаго со многими ея бывшими членами, «послѣдніе считали время, проведенное въ фалангѣ, счастливѣйшимъ временемъ своей жизни».

Община располагала живописнымъ и очень плодороднымъ участкомъ

земли въ 700 акровъ въ 40 миляхъ отъ Нью-Іорка. Въ хозяйственномъ отношеніи община имѣла несомнѣнный успѣхъ, хотя и не столь значительный какъ Висконсинская фаланга. Она уплачивала исправно отъ 4,4 до 5,6 % на паевой капиталъ и должную заработную плату всѣмъ своимъ членамъ, а также и постороннимъ рабочимъ, которые иногда, при особомъ скопленіи работы, привлекались къ разнаго рода хозяйственнымъ операціямъ на ряду съ членами.

Однако, въ концѣ концовъ, рухнула и эта фаланга. Дѣла ея шли такъ же удачно, какъ и раньше, и ничто не предвѣщало ея близкаго конца. Но вотъ осенью 1854 г. происходитъ пожаръ на мельницѣ. Пожаръ этотъ отнюдь не могъ считаться непоправимымъ несчастіемъ, такъ какъ Грили предложилъ ссудить сумму, нужную для возобновленія мельницы. Было назначено общее собраніе членовъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ постройкой новой мельницы. На этомъ собраніи, совершенно неожиданно для большинства присутствовавшихъ, такъ сказать самъ собой, возникъ новый вопросъ: не нужно ли, вмѣсто постройки новой мельницы, ликвидировать все дѣло,—и ликвидація была рѣшена, къ общему изумленію, огромнымъ большинствомъ голосовъ.

Очевидно, дѣло было не въ случайномъ внѣшнемъ несчастіи, а въ чемъ-то иномъ. Въ чемъ же? Почему пала «Сѣвероамериканская фаланга», какъ и «Висконсинская фаланга» и всѣ прочія организаціи того же рода?

Болѣе глубокія причины неудачи подобныхъ организацій коренятся вовсе не въ невозможности ихъ хозяйственнаго успѣха. Напротивъ, исторія Висконсинской и Сѣвероамериканской фалангъ говоритъ обратное: какъ хозяйственныя организаціи, онѣ оказались вполнѣ жизнеспособны.

Онѣ погибли потому, что не было достаточнаго основанія для продолженія ихъ существованія. Члены колоніи могли съ такимъ же успѣхомъ заработать нужное для жизни, какъ оставаясь членами общины, такъ и внѣ ея, на сторонѣ. То скромное довольство, которое обезпечивали общины своимъ членамъ, доступно въ Америкѣ каждому хорошему работнику при обычныхъ условіяхъ труда. А такъ какъ въ составъ организацій разсматриваемаго рода обычно входятъ люди незаурядные, съ большей, чѣмъ обычно, иниціативой и предпріимчивостью, то ясно, что съ чисто хозяйственной стороны даже самая успѣшная соціалистическая община не заключаетъ въ себѣ ничего, что могло бы заставить дорожить ею человѣка способнаго, съ головой на плечахъ и умѣющаго работать.

Если Сѣвероамериканская фаланга такъ долго была дорога ея членамъ, то не потому, что внѣ ея общинникамъ угрожали лишенія. Члены фаланги видѣли въ ней зарю новаго соціальнаго будущаго, соціальную организацію, долженствующую преобразовать міръ и перестроить современное общество на новыхъ началахъ. Именно во имя этой вѣры люди устраивали фаланги, а вовсе не во имя своего хозяйственнаго благополучія.

Когда эта вѣра исчезла, когда опытъ показалъ, что фаланги не размножаются, не вытѣсняютъ господствующихъ капиталистическихъ организацій, а, въ лучшемъ случаѣ, только отстаиваютъ съ большимъ трудомъ свое существованіе, тогда продолженіе существованія фаланги утрачивало свой прежній смыслъ. Для чего жить въ фалангѣ, когда можно существовать и внѣ ея,—должны были говорить себѣ ея члены и не могли не придти къ рѣшенію, что самое простое—разойтись въ разныя стороны.

И они расходились, даже въ томъ случаѣ, когда община имѣла хозяйственный успѣхъ, доказывая этимъ, что вовсе не хозяйственные интересы объединяютъ участниковъ подобныхъ организацій.

Всего болѣе относительнаго успѣха имѣла община „икарійцевъ“, послѣдователей Кабэ.

Кабэ былъ такимъ же врагомъ соціальной революціи и насилія, какъ и

другіе соціалисты первой половины XIX вѣка. «Насильственныя революціи,— говорилъ Кабэ въ своей «Икаріи»,—являются войнами со всѣми ихъ случайностями: онѣ крайне трудно осуществимы, такъ какъ правительство, благодаря самому факту своего существованія, обладаетъ огромной силой въ своей организованности, во вліяніи аристократіи и богатства, въ своей законодательной и исполнительной власти, въ государственной казнѣ, въ арміи, національной гвардіи, судахъ, полиціи, въ тысячахъ способахъ подкупа и раздѣленія враждебныхъ силъ... Народъ не впервые желаетъ революціи; съ самаго начала исторіи не проходило, быть можетъ, года, чтобы каждый народъ не чувствовалъ потребности сбросить иго аристократіи для завоеванія своихъ естественныхъ правъ; и, несмотря на это, какъ мало революціонныхъ попытокъ сравнительно съ желаніями таковыхъ! И среди революціонныхъ попытокъ какъ мало удавшихся! А среди этихъ послѣднихъ, какъ мало революцій, достигшихъ своихъ цѣлей и не искаженныхъ или совсѣмъ не уничтоженныхъ впослѣдствіи аристократіей!»

Но даже вполнѣ удавшаяся соціальная революція не кажется желательной Кабэ. Насиліе бѣдныхъ надъ богатыми есть такое же зло, какъ насиліе богатыхъ надъ бѣдными. Коммунисты должны слѣдовать примѣру первыхъ христіанъ: ихъ единственнымъ оружіемъ должна быть мирная проповѣдь новой вѣры, но проповѣдь энергичная, неутомимая, полная энтузіазма и самопожертвованія. «Если коммунизмъ—химера, то свободное обсужденіе его докажетъ это, и народъ отвергнетъ коммунизмъ; но если эта доктрина есть сама истина, она пріобрѣтетъ многочисленныхъ сторонниковъ среди народа, среди ученыхъ, среди аристократіи; и чѣмъ больше она будетъ имѣть сторонниковъ, тѣмъ скорѣе будетъ идти дальнѣйшій ихъ ростъ... Итакъ,—призываетъ Кабэ,—къ коммунизму будущаго единственной силой разума и истины! Какъ бы ни была далека побѣда, силой общественнаго мнѣнія она будетъ достигнута скорѣе и прочнѣе, чѣмъ при помощи насилія. И мое убѣжденіе въ этомъ такъ глубоко, что, если бы я держалъ революцію зажатой въ своей рукѣ, я не открылъ бы руки, хотя бы умеръ въ изгнаніи».

Весьма интересно, что въ «Икаріи» Кабэ высказывается самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ частичныхъ попытокъ осуществленія коммунистическаго строя, которыя, по его мнѣнію, «не могутъ принести существенной пользы, но неудача которыхъ, почти несомнѣнная, можетъ принести много вреда. Нуженъ только прозелитизмъ, ничего кромѣ прозелитизма, пока вся масса народа не выскажется за принципы коммунизма!»

Высказываясь противъ частичныхъ соціальныхъ опытовъ, Кабэ былъ вѣренъ своей доктринѣ централистическаго коммунизма. Для Фурье и Оуэна соціалистическая организація труда укладывалась въ предѣлы отдѣльной общины; Кабэ же представлялъ себѣ коммунизмъ не иначе, какъ въ рамкахъ цѣлаго государства. И потому онъ не долженъ былъ ожидать ничего хорошаго отъ попытокъ созданія коммунистическаго общества въ небольшихъ размѣрахъ.

Но, очевидно, такія попытки лежали въ условіяхъ соціалистическаго движенія той эпохи. И Кабэ недолго устоялъ на своей теоретической позиціи. Его пропаганда имѣла во Франціи огромный успѣхъ; во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ страны были кружки его сторонниковъ, которые организовывали курсы и лекціи коммунизма, распространяли коммунистическую литературу и энергично вербовали новыхъ адептовъ. Кабэ утверждалъ, что число послѣднихъ достигало во Франціи передъ февральской революціей 400 тысячъ душъ. Этотъ успѣхъ вскружилъ голову автора «Икаріи», и въ 1847 г. онъ выпустилъ призывъ къ икарійцамъ приступить къ осуществленію коммунистическаго общества. «Идемъ въ Икарію!» провозглашалъ онъ въ горячихъ, воодушевленныхъ словахъ, указывая, что «Икарія» лежитъ совсѣмъ близко—въ безконечныхъ степяхъ въ то время почти совсѣмъ незаселеннаго Техаса.

Первый авангардъ икарійцевъ отплылъ въ Америку за три недѣли до февральской революціи. Хотя взрывъ революціи отвлекъ вниманіе соціалистически настроенныхъ рабочихъ Франціи отъ предпріятія Кабэ, тѣмъ не менѣе нѣсколько сотъ энтузіастовъ коммунизма переплыло океанъ и основало, несмотря на разнообразныя препятствія и затрудненія, коммунистическую общину. Кабэ былъ въ ихъ числѣ.

Первое время икарійцы испытывали большія лишенія, и, конечно, ихъ прежняя жизнь на покинутой родинѣ была обставлена бо́льшимъ комфортомъ и удобствомъ. Но, мало по-малу, имъ удалось достигнуть извѣстнаго благосостоянія. Икарійская община напоминала собой, по описаніямъ посѣтителей, монастырь, гдѣ царило, правда, самое строгое равенство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, царили скука и однообразіе монастырской жизни.

Черезъ нѣсколько лѣтъ община распалась въ силу внутреннихъ раздоровъ. Кабэ и меньшинство, оставшееся ему вѣрнымъ, были исключены изъ колоніи. Вскорѣ послѣ этого Кабэ умеръ, но колонія продолжала жить. Меньшинство, выдѣлившееся изъ колоніи, попыталось основать новую общину, которая вначалѣ имѣла успѣхъ, но, въ концѣ концовъ, тоже распалась. Первоначальная колонія вскорѣ послѣ раскола переселилась на новое мѣсто въ штатъ Іова и устроилась среди дѣвственныхъ лѣсовъ, вдали отъ всякихъ населенныхъ пунктовъ. Какъ хозяйственное предпріятіе, община имѣла успѣхъ. Въ 1876 г., въ составѣ 75 членовъ, она уже располагаетъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ цѣнностью около 1 милліона франковъ.

Вотъ такъ описывалъ эту общину одинъ изъ ея посѣтителей:

«Передо мной была дюжина уютныхъ домиковъ, расположенныхъ по квадрату; посрединѣ большое центральное зданіе съ общей кухней и общей столовой, служащей также заломъ для собраній, увеселеній и театральныхъ представленій, неподалеку—пекарня и прачешная и многочисленные бревенчатые домики, напоминавшіе о прежней скудной жизни общины... Какъ только раздается ударъ колокола, всѣ спѣшатъ въ столовую, въ которой собираются всѣ 75 членовъ общины, размѣщающіеся вокругъ круглыхъ столиковъ съ чисто французскимъ весельемъ. Надъ дверьми написано большими буквами «равенство», на противоположной стѣнѣ «свобода». Пища сытная и здоровая, но крайне простая. Вечеромъ большинство семействъ собирается опять въ томъ же помѣщеніи, гдѣ болтаютъ, поютъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Всего интереснѣе побывать въ воскресенье вечеромъ. Тогда читаютъ избранныя мѣста изъ сочиненій великаго икарійскаго апостола Этьенна Кабэ, поютъ пѣсни, и молодые люди говорятъ рѣчи, полныя энтузіазма къ соціализму».

Въ 1877 году распалась и эта колонія, вслѣдствіе несогласій ея членовъ по принципіальному вопросу о допустимости частной собственности въ предѣлахъ общины. Одна часть общины высказалась въ пользу такой допустимости и основала «Новую Икарію», число членовъ которой достигало въ 1884 г. 34 человѣкъ. Община эта пользовалась извѣстнымъ довольствомъ, но ея члены почти превратились въ обыкновенныхъ американскихъ фермеровъ. Другая, болѣе радикально настроенная часть колоніи, переселилась въ Калифорнію и также въ началѣ достигла большого хозяйственнаго успѣха. Въ 1884 году въ ней числилось 52 члена, а имущество колоніи цѣнилось въ 60 тыс. долларовъ. Но и эта община отказалась отъ строгаго коммунизма; кромѣ того, она допустила наемный трудъ и, такимъ образомъ, превратилась въ капиталистическое предпіятіе, нѣчто въ родѣ акціонерной компаніи. Въ концѣ концовъ она распалась.

Я остановился съ нѣкоторой подробностью на исторіи икарійскихъ общинъ, такъ какъ она поучительна во многихъ отношеніяхъ. Она показываетъ, во что превращаются соціалистическія общины даже при самыхъ благо-

пріятныхъ условіяхъ своего существованія. Устойчивость икарійскихъ общинъ, которыя, несмотря на многочисленныя крушенія, обладали способностью воскресать въ новомъ видѣ, лучше всего доказываетъ, что икарійцы, вышедшіе изъ Франціи, обладали, дѣйствительно, выдающимися моральными качествами и не были простыми искателями приключеній. Это были лучшіе люди капиталистическаго общества, проникнутые энтузіазмомъ и способные къ упорной борьбѣ за свой соціальный идеалъ. Они не боялись лишеній и безъ значительной денежной поддержки со стороны сумѣли завоевать трудомъ своихъ рукъ извѣстный хозяйственный достатокъ.

Но какъ скромны были въ сущности достигнутые ими хозяйственные результаты! Въ концѣ концовъ, они добились не большаго, чѣмъ то, чего достигаетъ всякій здоровый заурядный американскій фермеръ. И, конечно, нѣтъ никакой причины, почему бы коммунистической общинѣ, состоящей изъ не боящихся труда здоровыхъ людей, не добиться того скромнаго довольства, которымъ пользуется въ Америкѣ масса населенія. Но только при чемъ тутъ соціализмъ или коммунизмъ? «Икарія» совершенно утонула, затерялась въ степяхъ и лѣсахъ американскаго запада и никакого новаго свѣта въ общественную жизнь Америки не внесла и не могла внести, такъ какъ коммунистическая организація Икаріи не дала ей никакихъ выдающихся преимуществъ передъ существующими капиталистическими крупными и мелкими хозяйственными предпріятіями. Если бы такія преимущества, дѣйствительно, имѣлись, то, въ такомъ случаѣ, и судьба общины должна быть иной.

Въ своемъ коммунистическомъ романѣ Кабэ рисовалъ яркія картины пышности и великолѣпія жизни въ будущемъ коммунистическомъ государствѣ, какъ оно представлялось его воображенію. Но реальная «Икарія», въ лучшіе годы своего существованія, была иной: нѣсколько скромныхъ домиковъ, простая одежда, грубая пища, умѣренный достатокъ и полное отсутствіе какого бы то ни было блеска и какой бы то ни было роскоши. Сосѣди могли относиться къ икарійцамъ съ большимъ уваженіемъ, какъ къ людямъ честнымъ и преданнымъ своему идеалу, но зависти икарійцы внушать не могли, и учиться у нихъ было нечему.

Пропагаторскаго значенія икарійская община почти не имѣла. Но, по крайней мѣрѣ, она сумѣла продержаться, не взирая на постоянныя распаденія, нѣсколько десятковъ лѣтъ. Другія же попытки устройства соціалистическихъ общинъ не могли похвастаться и этимъ скромнымъ успѣхомъ. Оуэнистскія и фурьеристскія общины, которыхъ было въ Америкѣ немало, обыкновенно распадались такъ же быстро, какъ и возникали. Вполнѣ жизнеспособными оказались, до сихъ поръ, только такія соціалистическія общины, которыя имѣютъ строго религіозный характеръ. Въ Америкѣ существуетъ цѣлый рядъ такихъ общинъ, достигшихъ цвѣтущаго состоянія. Но всѣ онѣ—вмѣстѣ съ тѣмъ религіозныя секты и, къ тому же, секты, или прямо отрицающія бракъ или же относящіяся къ браку, лишь какъ къ терпимому злу. Коммунистическія общины такого рода (среди которыхъ выдѣляется община Амана, къ которой принадлежатъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, живущихъ въ полномъ довольствѣ и занимающихся не только земледѣліемъ, но и разнообразными отраслями обрабатывающей промышленности), въ сущности, мало отличаются отъ обычныхъ монастырей, хозяйство которыхъ также имѣетъ, во многихъ случаяхъ, болѣе или менѣе коммунистическій характеръ.

Этотъ несомнѣнный фактъ относительнаго неуспѣха соціалистическихъ общинъ, лишенныхъ религіознаго характера, обычно выставляется врагами соціализма, какъ опытное доказательство неосуществимости соціалистическаго строя. На самомъ же дѣлѣ фактъ этотъ доказываетъ лишь несостоятельность практической программы утопическаго соціализма. Въ этомъ послѣднемъ отно-

шеніи неуспѣхъ фурьеристскихъ, оуэнистскихъ и икарійскихъ общинъ, дѣйствительно, весьма поучителенъ, и на немъ стоитъ остановиться.

Фурье разсчитывалъ, что соціалистическая организація производства и потребленія въ фаланстерѣ должна во много разъ возвысить производительность труда и обезпечить всѣмъ членамъ фаланги жизнь не только въ довольствѣ, но даже въ такой роскоши, о которой мы теперь не имѣемъ и представленія. Исходя изъ этого убѣжденія, онъ не сомнѣвался, что фаланги будутъ расти, какъ грибы, послѣ перваго же удачнаго опыта. Такъ же смотрѣли на дѣло и другіе утопическіе соціалисты. И, дѣйствительно, если бы экономическіе результаты общинной организаціи труда и потребленія оказались на практикѣ таковы, какъ они предвидѣлись въ теоріи, то практическая программа утопическаго соціализма не заключала бы въ себѣ ничего неразумнаго. Никто себѣ не врагъ, и какъ ни велика косность толпы, но передъ такимъ нагляднымъ аргументомъ, какъ великолѣпіе и пышность, прелесть жизни въ фаланстерѣ, не устоялъ бы человѣкъ, самый закоренѣлый въ буржуазныхъ предразсудкахъ.

Дѣйствительность показала, какъ мы видѣли, иное. До фаланстеровъ дѣло совсѣмъ не дошло, а гораздо болѣе упрощенныя и, такъ сказать, обезцвѣченныя коммунистическія общины оказались способными обезпечить своимъ членамъ лишь необходимое для жизни. Но это можетъ быть достигнуто (въ Америкѣ) и безъ всякаго коммунизма. Понятно, что соціалистическія общины не только не вызывали подражанія и не вытѣсняли обычныхъ капиталистическихъ предпріятій, но, какъ общее правило, быстро распадались сами. Какой мотивъ могъ удерживать ихъ членовъ въ предѣлахъ общины, которая только стѣсняла предпріимчивыхъ и энергичныхъ людей и въ экономическомъ отношеніи почти ничего не давала имъ взамѣнъ? Очевидно, только мотивы нравственнаго характера,—стремленіе къ построенію жизни въ согласіи со строгимъ моральнымъ идеаломъ. Но люди подобнаго душевнаго склада составляютъ въ современномъ обществѣ рѣдкое исключеніе. Только въ соединеніи съ религіей моральные интересы могутъ пріобрѣсти въ душѣ средняго человѣка такую силу, чтобы стать господствующимъ мотивомъ поведенія. И потому вполнѣ понятно, что лишь религіозныя коммунистическія общины оказались способными къ продолжительному существованію; всѣ же прочія попытки создать соціалистическую или коммунистическую общину обычно заканчивались распаденіемъ послѣдней.

Экономическія выгоды соціалистической организаціи труда и потребленія въ предѣлахъ небольшой общины далеко не такъ велики, какъ это представляли себѣ ранніе соціалисты. Въ такой общинѣ невозможно ни значительное раздѣленіе труда, ни крупное производство въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Отдѣльная соціалистическая община не можетъ, далѣе, быть самоудовлетворяющимся замкнутымъ хозяйственнымъ міромъ, она неизбѣжно должна находиться въ мѣновыхъ отношеніяхъ съ окружающимъ ее капиталистическимъ міромъ, составлять клѣточку капиталистическаго организма. Соціалистическая община находится въ такой же зависимости отъ рынка, какъ и всякое другое хозяйственное предпріятіе. Всѣ случайности рынка, колебанія цѣнъ товаровъ, разстройства торговаго оборота, промышленные кризисы и пр. и пр. разрушительныя силы капитализма должны такъ же тяжело поражать коммунистическую общину, какъ и любую акціонерную компанію. Оставаясь коммунистической въ своихъ внутреннихъ отношеніяхъ, такая община въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ является товарохозяйственнымъ предпріятіемъ, какъ и всѣ остальныя.

Если соціалистическая община имѣетъ успѣхъ, и ея хозяйственные обороты разрастаются, то члены ея подпадаютъ капиталистическому соблазну прибѣгнуть къ помощи наемнаго труда, эксплоатировать чужой трудъ, пользуясь своимъ экономическимъ превосходствомъ. И, конечно, только мотивы

нравственнаго свойства могутъ помѣшать этому, такъ какъ наемныя рабочія руки къ услугамъ всякаго богатаго предпринимателя. Въ такомъ случаѣ коммунистическая община превращается въ простую капиталистическую компанію, эксплоатирующую чужой трудъ; рабочимъ же все равно, кто ихъ хозяева: коммунисты или обычные капиталисты. Если же соціалистическая община успѣха не имѣетъ, то она распадается, и члены ея также возвращаются на лоно капиталистическаго хозяйства, но уже въ качествѣ не эксплоататоровъ, а эксплоатируемыхъ.

Соціалистическая организація хозяйства можетъ развить всѣ присущія ей громадныя производительныя силы лишь въ томъ случаѣ, если она возникнетъ въ крупныхъ рамкахъ современнаго государства. Уже теперь нѣкоторыя хозяйственныя предпріятія принимаютъ національный характеръ и даже переходятъ за предѣлы отдѣльнаго государства, какъ, напр., многіе картели и трэсты капиталистовъ. Капиталъ стальнаго трэста въ Соединенныхъ Штатахъ достигаетъ около 2 милліардовъ рублей. Самая мысль противопоставить такимъ мощнымъ капиталистическимъ организаціямъ, пользующимся неисчислимыми выгодами крупнаго производства въ гигантскихъ размѣрахъ, соціалистическія общины изъ немногихъ десятковъ или сотенъ полунищихъ людей, сильныхъ только своимъ энтузіазмомъ, кажется наивной. Никакая коммунистическая организація не можетъ замѣнить хозяйственному предпріятію капитала,—а капиталъ принадлежитъ въ современномъ обществѣ капиталистамъ. Иначе говоря, только переходъ средствъ производства въ руки общества, можетъ сдѣлать возможной соціалистическую организацію хозяйства, которая развернетъ всѣ могучія силы современной техники; соціальное экспериментированіе съ соціалистическими общинами въ маломъ размѣрѣ, общинами, которыя уже по своимъ размѣрамъ и по отсутствію капиталовъ должны быть технически неизмѣримо ниже и слабѣе любого крупнаго капиталистическаго предпріятія, совершенно неспособно произвести великое преобразованіе современнаго строя хозяйства.

III.

То направленіе соціализма, которое можно назвать федералистическимъ соціализмомъ, естественно возлагало всѣ надежды въ дѣлѣ осуществленія соціалистическаго строя на устройство образцовыхъ соціальныхъ общинъ. Къ тому же склонился, въ концѣ концовъ, и Кабэ, хотя такая практическая программа находилась въ рѣзкомъ противорѣчіи съ теоріей централистическаго коммунизма, представителемъ котораго онъ являлся. Но Кабэ увлекла господствующая тенденція соціализма первой половины прошлаго вѣка—тенденція, находившаяся въ непосредственной связи съ крайнимъ преувеличеніемъ экономическихъ выгодъ общественной организаціи труда и потребленія даже въ малыхъ размѣрахъ, преувеличеніемъ, обусловившимъ и другую отличительную черту соціалистической тактики этой эпохи—отвращеніе отъ всякаго насилія, классовой борьбы, въ силу увѣренности въ возможности привлечь на сторону соціализма всѣ классы общества: не только рабочихъ, но и крупныхъ собственниковъ. Надежда эта, какъ показалъ опытъ, оказалась совершенно призрачной. Милліонеры, которыхъ ожидалъ Фурье для устройства перваго фаланстера, не явились, и соціалистическая проповѣдь вызвала сочувствіе въ широкихъ массахъ лишь того общественнаго класса, на который ложится весь гнетъ капиталистической системы,—пролетаріата.

Федералистическій соціализмъ переноситъ центръ тяжести соціалистическаго устройства общества въ отдѣльную общину; государственная организація, съ этой точки зрѣнія, есть совершенно излишній и безполезный, или даже вредный, общественный механизмъ, подлежащій упраздненію. Отсюда естественно вытекаетъ отрицаніе цѣлесообразности политической борьбы, увѣ-

ренность въ невозможности достигнуть соціалистическаго преобразованія общества путемъ законодательныхъ мѣръ. Напротивъ, централистическій соціализмъ, считающій возможнымъ соціалистическій строй лишь въ рамкахъ государства, естественно долженъ относиться къ политикѣ совершенно иначе и выдвигать на первый планъ въ дѣлѣ осуществленія соціализма законодательную дѣятельность государства.

Современный централистическій соціализмъ ведетъ свое начало отъ сенъ-симонистовъ и Пекера. Но, по странной непослѣдовательности, или, вѣрнѣе, подчиняясь общему духу соціализма первой половины прошлаго вѣка, сенъ-симонисты и Пекеръ относились къ политической борьбѣ, какъ и вообще ко всякимъ мѣрамъ насилія, принужденія, съ такимъ же отвращеніемъ, какъ и Фурье или Оуэнъ. «Сенъ-симонистская доктрина,—читаемъ въ главномъ трудѣ сенъ-симонистской школы «Doctrine Saint-Simonienne»,—не обладаетъ другой силой и не признаетъ другой силы для управленія людьми, кромѣ силы увѣщеванія, убѣжденія людей; ея задача—въ созиданіи, а не въ разрушеніи... Сенъ-симонистская доктрина, повторяемъ, не стремится къ перевороту, къ революціи; она стремится предсказать и осуществить нѣкоторое преобразованіе, эволюцію общества; она несетъ міру новое воспитаніе, окончательное возрожденіе человѣчества. Великіе эволюціонные процессы, которымъ доселѣ подвергалось человѣческое общество, имѣли, правда, другой характеръ: они были насильственны. Но съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество поняло, благодаря ученію Сенъ-Симона, законы своего развитія, всякое насиліе стало безполезнымъ и излишнимъ». «Поэтому,—продолжаютъ Базаръ и Анфантэнъ,—когда мы возвѣщаемъ грядущее преобразованіе общественной организаціи, когда мы указываемъ, напр., что существующее устройство собственности должно уступить мѣсто совершенно новому, мы подразумѣваемъ, что переходъ отъ одного устройства къ другому ни въ какомъ случаѣ не будетъ внезапнымъ и насильственнымъ, но мирнымъ и постепеннымъ, ибо переходъ этотъ можетъ быть понятъ и подготовленъ лишь совмѣстнымъ дѣйствіемъ воображенія и демонстраціи, энтузіазма и разсудка; осуществленъ же этотъ переходъ можетъ быть лишь людьми, проникнутыми въ самой высокой степени мирными чувствами».

Великой научной заслугой Сенъ-Симона и его школы является вполнѣ ясное и отчетливое формулированіе ученія о классовой борьбѣ, какъ существенномъ процессѣ міровой исторіи. Потому казалось бы, что и побѣду соціалистическаго строя сенъ-симонисты должны были бы представлять себѣ, какъ результатъ классовой борьбы. Однако, они были совершенно чужды этой идеѣ и рѣшительнѣйшимъ образомъ ее отрицали. Объясняется это тѣмъ, что, съ точки зрѣнія сенъ-симонистовъ, провозглашеніе ихъ ученія должно начать новую эру всемірной исторіи, когда классовая борьба станетъ не нужна. Ихъ ученіе должно стать новой религіей, новымъ, преобразованнымъ христіанствомъ. И, конечно, для религіи единственнымъ средствомъ господства должно быть мирное слово проповѣди и убѣжденія. И поэтому, выдвинувъ ученіе о классовой борьбѣ для прошлаго исторіи, сенъ-симонисты не сдѣлали изъ этого ученія никакихъ практическихъ выводовъ относительно настоящаго, не создали никакой новой соціалистической тактики.

То же нужно сказать и о Пекерѣ. И этотъ великій соціалистъ, столь ясно понявшій невозможность осуществленія соціалистическаго строя иначе, какъ въ рамкахъ національнаго государства, былъ совершенно чуждъ идеѣ о необходимости классовой, политической борьбы для торжества соціализма. Его практическіе планы были столь же утопичны, какъ и всѣхъ другихъ соціалистовъ той эпохи. Въ своей книгѣ «De la république de Dieu» (1844) онъ предлагаетъ созданіе религіознаго братства «филадельфовъ», которое поставитъ своей цѣлью соціалистическое преобразованіе общества. Члены этого братства должны вести неутомимую пропаганду новаго ученія и стремиться привлекать

въ свою среду возможно большее число людей во всемъ мірѣ. Побѣда соціализма должна явиться слѣдствіемъ моральнаго перерожденія человѣчества. «Очистите волю человѣка,—восклицаетъ Пекеръ,—и вы обогатите и просвѣтите бѣдняковъ, ибо богатые признаютъ своимъ долгомъ и своимъ счастьемъ приносить пользу несчастнымъ, содѣйствовать общему благополучію и нравственному возвышенію. Конечно, нищета велика на землѣ и составляетъ великое зло, въ возможности искорененія котораго почти теряешь надежду; но если мало матеріальнаго богатства, то еще меньше богатства моральнаго; и всѣ благомыслящіе люди должны признать, что именно недостатокъ богатствъ второго рода обусловливаетъ собой недостатокъ богатствъ перваго рода».

Братство «филадельфовъ», проектированное Пекеромъ, и должно было совершить это моральное перерожденіе человѣчества. Таково было заключительное слово одного изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей французскаго соціализма 40-хъ годовъ! Что удивительнаго, что этотъ соціализмъ не привелъ ни къ какому опредѣленному практическому результату и остался въ области отвлеченной теоріи и безсильныхъ общественныхъ порывовъ!

Утопическій соціализмъ, заслуги котораго въ области соціалистической теоріи громадны, оказался неспособнымъ создать сколько-нибудь разумную, цѣлесообразную соціалистическую тактику; это и лишило его практическаго значенія. Тактика современнаго соціализма создалась не учеными теоретиками, а самой жизнью. Первымъ провозвѣстникомъ этой новой тактики въ широкихъ размѣрахъ явилось могущественное движеніе англійскаго пролетаріата 30—40-хъ годовъ—чартизмъ *).

Чартизмъ былъ во многихъ отношеніяхъ прямой противоположностью утопическому соціализму. Утопическій соціализмъ былъ созданіемъ воображенія немногихъ мыслителей, чартизмъ былъ почти стихійнымъ движеніемъ народныхъ массъ. Утопическій соціализмъ былъ силенъ своей теоріей, которая была имъ разработана до высшей степени логическаго совершенства, былъ силенъ удивительнымъ по своей глубинѣ проникновеніемъ въ далекое будущее, которое рисовалось умственному взору утопистовъ съ такой ясностью и отчетливостью, какъ если бы дѣло шло о дѣйствительности у всѣхъ передъ глазами; но, въ то же время, утописты были, въ большинствѣ случаевъ, до послѣдней степени слабы и безпомощны, когда дѣло шло о настоящемъ и о способахъ и средствахъ достиженія этого будущаго.

Напротивъ, чартизмъ былъ совершенно лишенъ какой бы то ни было теоріи, или, точнѣе говоря, теорія чартизма была изъ рукъ вонъ плоха. Могучіе ряды чартистовъ шли подъ самыми странными знаменами: въ первой національной петиціи чартистовъ, собравшей болѣе милліона подписей, такимъ знаменемъ были... бумажныя деньги!

По своей политической программѣ чартизмъ былъ движеніемъ въ пользу реформы англійскаго парламента на демократическихъ началахъ (всеобщее, равное и тайное голосованіе, отмѣна имущественнаго ценза для депутатовъ, однолѣтній парламентъ и жалованье депутатамъ — таковы были пункты «хартіи»); по своему же экономическому содержанію чартизмъ былъ протестомъ англійскаго рабочаго противъ новыхъ условій жизни, въ которыя онъ былъ поставленъ промышленной революціей и быстрымъ ростомъ фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизмъ не имѣлъ, такъ какъ различныя группы чартистовъ выставляли различныя требованія экономическаго характера. Среди этихъ требованій огромной популярностью пользовалось и требованіе націонализаціи земли.

---

*) Еще значительно ранѣе чартистовъ Бабефъ и его сторонники ясно поняли необходимость политическаго переворота, захвата власти соціализмомъ, какъ средства осуществленія соціалистическаго строя.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движенія—огненнымъ и страстнымъ защитникомъ интересовъ угнетеннаго народа, ирландцемъ Бронтерромъ О'Брайэномъ. Среди всѣхъ чартистскихъ вождей онъ былъ единственнымъ, ясно сознававшимъ, какія экономическія цѣли могутъ быть поставлены движенію, если будетъ достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистскаго движенія О'Брайэнъ, бывшій неутомимымъ агитаторомъ и журналистомъ, издавалъ весьма вліятельный радикальный рабочій органъ съ ясно выраженной соціалистической окраской «The Poor Man's Guardian» («Стражъ бѣдняка»). Центральнымъ пунктомъ его экономической программы было, какъ сказано, требованіе націонализаціи земли.

Земельная рента чрезвычайно повысилась въ Англіи въ первыя десятилѣтія XIX вѣка. Въ то же время, благодаря отмѣнѣ въ 1834 году старинныхъ законовъ о бѣдныхъ, значительно сократились ложившіеся на землевладѣльцевъ расходы по содержанію бѣдныхъ; бѣдные, получавшіе содержаніе отъ прихода, должны были, согласно новому закону, жить въ рабочемъ домѣ, представлявшемъ собой настоящую тюрьму. Нежелавшіе соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли разсматривать, какъ свое право.

Развитіе промышленности и торговли повело къ быстрому росту народнаго богатства въ Англіи; но англійскій народъ не только не получалъ отъ этого никакихъ выгодъ, но все глубже погружался въ нищету. Естественно было спросить: чѣмъ же вызывается эта бѣдность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвѣчаетъ О'Брайэнъ. «Допустите только,—говоритъ онъ въ своей книгѣ «The Rise and Progress of Human Slavery» («Ростъ и развитіе человѣческаго рабства»),—чтобы территорія извѣстной страны, созданная Господомъ для всѣхъ на ней живущихъ и ихъ потомковъ, была куплена отдѣльными лицами или монополизирована другимъ способомъ, и ваше общество распадется на тирановъ и рабовъ, плутовъ, не желающихъ работать, и вьючныхъ животныхъ, готовыхъ исполнять всякую работу. Никакіе позднѣйшіе законы, никакія самыя искусныя мѣры помощи не улучшатъ этой системы, въ основѣ которой лежитъ возмутительная несправедливость».

Другой причиной соціальнаго неравенства и народной нужды является, по мнѣнію О'Брайэна, денежное ростовщичество—процентъ на капиталъ. «Нашъ рабочій классъ,—говоритъ онъ,—какъ земледѣльцы, такъ и промышленные рабочіе, уже доведены жадностью хозяевъ до такого низкаго состоянія, какое только возможно безъ совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось. Какъ послѣдній рессурсъ, это чудовище создало новый законъ о бѣдныхъ, чтобы низвести рабочихъ до самаго низкаго уровня жизни. Этотъ законъ обращается съ жертвами бѣдности такъ, какъ въ другихъ странахъ обращаются съ осужденными преступниками; этотъ законъ даетъ одежду преступника, содержаніе преступника и тюрьму преступника изнемогающему человѣку, трудъ котораго обогатилъ чудовище, и вина котораго заключается только въ томъ, что онъ не задушилъ чудовище столѣтіе тому назадъ... Таковы послѣдніе рессурсы промышленной Англіи... Да, мои друзья, новый законъ о бѣдныхъ есть послѣдняя кровавая попытка денежнаго чудовища поддержать разваливающееся строеніе этой безчеловѣчной системы—безпощадной и безжалостной системы, дѣлающей васъ бѣдняками среди произведеннаго вами самими богатства».

Во главу угла соціальной реформы О'Брайэнъ ставитъ возвращеніе всему обществу земли, насильственно захваченной землевладѣльцами. Однако, въ противность Спенсу, онъ не считаетъ возможнымъ отобрать землю у землевладѣльцевъ безъ всякаго вознагражденія. Правда, землевладѣльцы не имѣютъ на это вознагражденіе никакого нравственнаго права, такъ какъ у нихъ отби-

рается нѣчто, не созданное ими самими. Но все же по соображеніямъ цѣлесообразности, чтобы не вызывать слишкомъ энергичнаго сопротивленія, слѣдуетъ вознаградить землевладѣльцевъ за отчуждаемую землю.

Землевладѣльцамъ могло бы быть предоставлено, по ихъ усмотрѣнію, сохранять до своей смерти свою землю въ своихъ же рукахъ или же немедленно продать ее государству. Послѣ смерти владѣльца его земля поступаетъ въ собственность государства, выплачивающаго наслѣдникамъ ея полную цѣнность.

Но при этомъ государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно въ полномъ размѣрѣ. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладѣльцамъ на эту сумму, ибо процентъ на капиталъ основанъ на такой же эксплоатаціи трудящихся, какъ и землевладѣльческій доходъ. Государство вполнѣ исполнитъ свои обязательства по отношенію къ землевладѣльцамъ, если оно за извѣстный рядъ лѣтъ,—напр., за 30 лѣтъ, — погаситъ цѣликомъ, но безъ всякихъ процентовъ, покупную сумму земли. Въ теченіе этихъ 30 лѣтъ государство будетъ передавать землевладѣльцамъ или ихъ наслѣдникамъ получаемую имъ ренту съ отчужденныхъ участковъ, а затѣмъ всѣ обязательства государства по отношенію къ прежнимъ землевладѣльцамъ будутъ признаны ликвидированными.

Земля, поступающая въ распоряженіе государства, не должна обрабатываться имъ за свой счетъ, но отдаваться, какъ это предлагалъ и Спенсъ, въ аренду съ торговъ желающимъ. Никто, однако, не долженъ имѣть права арендовать землю въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ можетъ ее обработать собственнымъ трудомъ, если земли не хватаетъ на всѣхъ желающихъ; пересдача арендуемыхъ участковъ должна быть устранена.

Несмотря на обязательства, принимаемыя на себя государствомъ по отношенію къ землевладѣльцамъ, переходъ земли въ распоряженіе государства и отдача ея мелкими участками въ аренду должны, по мнѣнію О'Брайэна, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будетъ уничтоженіе всѣхъ налоговъ: всѣ государственные расходы будутъ покрываться арендной платой съ государственной земли.

Хотя О'Брайэнъ велъ неутомимую агитацію за свой планъ національзаціи земли, имѣвшій среди чартистовъ много сторонниковъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ многочисленныя резолюціи чартистскихъ митинговъ въ его пользу, планъ этотъ не входилъ въ офиціальную программу партіи до 1852 г., когда чартистское движеніе было уже въ упадкѣ и ему остались вѣрны лишь немногіе, наиболѣе крайніе элементы партіи.

Интересны мотивы, по которымъ многіе чартисты высказывались противъ національзаціи земли. Такъ, напр., представитель праваго крыла чартизма, Ловеттъ, считалъ національзацію земли крайне нежелательной и опасной мѣрой, такъ какъ она потребуетъ огромныхъ денежныхъ жертвъ и вызоветъ соотвѣтствующее возрастаніе государственнаго долга, государство же должно оказаться плохимъ землевладѣльцемъ, и въ то же время сила, вліяніе и независимость государственной власти отъ контроля общественныхъ представителей должны чрезвычайно возрасти, такъ какъ государство получитъ въ земельной рентѣ огромный доходъ, которымъ будетъ распоряжаться внѣ общественнаго контроля. Тѣ же соображенія, хотя и въ менѣе сильной степени, заставляли Ловетта высказываться и противъ передачи земли въ распоряженіе общинъ и муниципалитетовъ.

Вліятельнѣйшій вождь чартистовъ, Фергусъ О'Коннеръ, противопоставилъ плану національзаціи земли свой собственный планъ аграрной реформы, подъ знаменемъ котораго и боролись чартисты во второй половинѣ 40-хъ годовъ.

О'Коннеръ, какъ и О'Брайэнъ, видѣлъ въ аграрномъ вопросѣ центръ

соціальнаго вопроса. Вообще, чартизмъ былъ, какъ сказано, протестомъ англійскихъ рабочихъ массъ противъ ужасовъ фабричной системы. Неудивительно, что провозглашенный О'Коннором кличъ: «Назадъ на землю!» («Back to the land») встрѣтилъ такое сочувствіе англійскаго рабочаго, видѣвшаго въ фабрикѣ своего главнаго врага. Противопоставленіе голодающей рабочей массы богатымъ фабрикантамъ было обычной темой чартистскихъ ораторовъ. Горячая ненависть къ фабричной системѣ, указаніе на гибельное вліяніе машинъ, на ошибочность торговой политики, стремящейся къ развитію вывоза вмѣсто расширенія внутренняго рынка, — всѣмъ этимъ были полны столбцы главнаго органа чартистовъ «The Northern Star» («Сѣверная звѣзда»). Газета эта вела упорную кампанію противъ «партіи расширенія торговли» и доказывала, что внутренній рынокъ важнѣе внѣшняго, и что именно развитіе внѣшней торговли и вызвало нищету англійскихъ рабочихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ О'Коннор и большинство чартистскихъ вождей были горячими поклонниками земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. Обезземеленье англійской рабочей массы дѣлало невозможнымъ, по мнѣнію О'Коннора, улучшеніе положенія англійскаго рабочаго, такъ какъ скопленіе массы рабочихъ въ городахъ вызываетъ при каждомъ сокращеніи торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата и занятыхъ рабочихъ падаетъ до самаго низкаго уровня. Пока рабочій рынокъ въ городахъ не будетъ освобожденъ отъ постояннаго наплыва рабочихъ изъ деревни, до тѣхъ поръ промышленный рабочій не будетъ въ силахъ отстоять себѣ сносное существованіе на фабрикѣ.

Исходя изъ этихъ соображеній, О'Коннор утверждалъ, что интересы всей массы англійскихъ рабочихъ требуютъ широкаго развитія въ деревнѣ мелкаго крестьянскаго хозяйства. По его мнѣнію, правительство должно было бы заключить заемъ въ 100 милл. ф. ст. (1 милліардъ рублей) и на эту сумму выкупить у крупныхъ землевладѣльцевъ землю, достаточную для образованія 1 милліона крестьянскихъ хозяйствъ. Такимъ образомъ, значительная часть англійскаго населенія вернулась бы къ земледѣлію, къ выгодѣ какъ своей собственной, такъ и тѣхъ, кто останется въ городѣ.

Но такъ какъ англійское правительство не обнаруживало никакой наклонности совершить операцію, предлагавшуюся О'Коннором, а вождю чартистовъ нужно было дать своимъ послѣдователямъ нѣчто осуществимое въ ближайшемъ же будущемъ, то онъ скоро отказался отъ своего первоначальнаго проекта и выступилъ въ началѣ 40-хъ годовъ съ новымъ «земельнымъ планомъ», быстро пріобрѣвшимъ широкую популярность и принятымъ на конференціи чартистскихъ делегатовъ въ Бирмингамѣ въ 1843 г.

Для пропаганды своего аграрнаго плана О'Коннор сталъ издавать особый органъ «The Labourer» («Работникъ»). Въ этомъ органѣ онъ заявлялъ себя рѣшительнымъ врагомъ коммунизма, но другомъ коопераціи. Онъ—врагъ мелкихъ фермъ, сдаваемыхъ въ аренду, но другъ мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнѣнію, чрезвычайно повысить производительность земледѣльческаго труда, примѣромъ чего можетъ служить бельгійское крестьянское хозяйство. Съ земледѣліемъ должна соединяться и обрабатывающая промышленность. «Жилище каждаго поселенца, во время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, должно стать мѣстомъ оживленной домашней промышленности. Портной или сапожникъ не утратятъ своего искусства оттого, что они научатся обращаться съ лопатой. Они будутъ выдѣлывать во время, свободное отъ полевыхъ работъ, разныя издѣлія для продажи». Вообще же, земледѣліе, а не промышленность, должно стать основаніемъ общественнаго хозяйства и давать занятіе большей части населенія.

Самый «земельный планъ» О'Коннора заключался въ слѣдующемъ.

Рабочіе должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подпискѣ 2 тысячи ф. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операціи. Оно покупаетъ землю, разбиваетъ ее на мелкіе участки, строитъ на каждомъ участкѣ дома и сельско-хозяйственныя постройки, снабжаетъ участки инвентаремъ, необходимымъ для сельскаго хозяйства. Жребій рѣшаетъ, кому изъ членовъ общества достаются эти участки. Владѣльцы участковъ уплачиваютъ обществу 5% съ цѣнности своихъ участковъ, построекъ и инвентаря. Общество закладываетъ пріобрѣтенную землю, покупаетъ на вырученную сумму новую землю, которую опять распредѣляетъ по жребію между участниками, снова закладываетъ и т. д.

Рабочіе горячо отозвались на призывъ О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14 марта 1846 г. земельная ассоціація пріобрѣла первое имѣніе для разбивки его на мелкіе участки. За первый годъ существованія ассоціаціи ей удалось собрать съ рабочихъ для покупки земли 11.678 ф. ст. (около 111 тысячъ р.).

Успѣхъ подписки побудилъ О'Коннора нѣсколько измѣнить свой планъ. А именно, вмѣсто закладыванія пріобрѣтаемыхъ имѣній, было рѣшено основать свой собственный земельный банкъ, который долженъ былъ привлекать отъ публики деньги подъ залогъ земельной собственности ассоціаціи.

Если вспомнить, что весь этотъ планъ насажденія крестьянскаго хозяйства на собственныя средства рабочихъ безъ всякой помощи отъ государства предлагался полунищимъ англійскимъ фабричнымъ рабочимъ сороковыхъ годовъ, то можно оцѣнить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный планъ имѣлъ нѣкоторое время крупный успѣхъ. Изстрадавшійся фабричный рабочій устремился за обманчивымъ призракомъ воскрешенія исчезнувшаго въ Англіи крестьянскаго хозяйства. За три года, къ началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать съ рабочихъ по грошамъ крупную сумму въ 94.184 ф. ст., при чемъ число подписчиковъ превзошло 100 т. чел. Нѣсколько имѣній было куплено и разбито на мелкіе участки.

Неизбѣжное крушеніе этого предпріятія было ускорено правительствомъ. Присужденіе земельныхъ участковъ путемъ жребія было признано незаконной лотереей. Рабочіе потеряли свои деньги, а вмѣстѣ съ «земельнымъ планомъ» О'Коннора рухнулъ и чартизмъ. Чартистскіе вожди попытались тогда выставить другой лозунгъ,—національзаціи земли,—но время чартизма уже миновало, и движеніе быстро угасло подъ вліяніемъ наступившаго въ 50-хъ годахъ общаго улучшенія экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса.

Въ области теоретической мысли чартизмъ былъ настолько же безплоденъ, насколько поразительно богатъ былъ утопическій соціализмъ. Но за то чартизмъ былъ могучъ своей практикой. Это было первое чисто классовое пролетарское движеніе, ясно сознавшее, что для экономическаго освобожденія рабочаго класса требуется завоеваніе имъ политической власти; единственное, что было существеннаго во всѣхъ программахъ чартистовъ, и единственное, чего они вполнѣ сознательно добивались, это была «народная хартія», иначе говоря—требованіе демократическаго преобразованія политическаго строя на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Идеалъ будущаго былъ у чартистовъ крайне туманенъ; да они мало и интересовались этимъ будущимъ, такъ какъ ближайшая цѣль движенія поглощала все ихъ вниманіе. И этой цѣлью было завоеваніе рабочимъ классомъ политической власти.

Чартисты проповѣдывали не всеобщую любовь, не моральное перерожденіе человѣчества, а упорную борьбу угнетеннаго класса съ угнетателями. Они ожидали уничтоженія бѣдности не отъ любви богатыхъ къ бѣднымъ, а отъ сознанія бѣдными своихъ интересовъ и отъ ихъ готовности защищать свои человѣческія права. Чартисты не боялись революціи, а видѣли въ ней единственное спасеніе для подавленнаго народа.

Чартисты впервые провозгласили, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ. «Революція,—писалъ О'Брайэнъ,—чтобы быть вполнѣ благодѣтельной для пролетарскихъ классовъ, должна быть не только дѣломъ этихъ классовъ, но должна быть ими осуществлена на основаніи извѣстныхъ принциповъ, предполагающихъ полное пониманіе пролетаріатомъ своихъ политическихъ правъ».

IV.

Такова была тактика чартизма, являющаяся полной противоположностью тактикѣ утопическаго соціализма. Соціалистическая теорія долгое время оставалась враждебной чартистской тактикѣ. И только послѣ Луи Блана среди соціалистовъ континентальной Европы распространяется убѣжденіе, что соціальные эксперименты не могутъ разрѣшить соціальнаго вопроса.

«Если необходимо стремиться къ хозяйственной реформѣ,—писалъ Луи Бланъ въ своей книгѣ «Organisation du Travail»,—то не менѣе необходимо стремиться и къ политической реформѣ. Если первая есть цѣль, то вторая есть средство. Что пользы искать съ помощью науки средства организовать трудъ согласно правиламъ разума, справедливости и любви къ людямъ, если нѣтъ возможности осуществить въ жизни найденные принципы и оплодотворить ихъ открытымъ наукой методомъ дѣйствій? Власть есть организованная сила. Власть опирается на парламентъ, суды, солдатъ, т. е. на тройную силу законовъ, тюремъ и штыковъ. Не пользоваться ею, какъ орудіемъ, это значитъ создать въ ней себѣ препятствіе. Освобожденіе пролетаріата есть, къ тому же, слишкомъ сложное дѣло, связанное со слишкомъ многими вопросами, оно противорѣчитъ слишкомъ многимъ привычкамъ и, болѣе по внѣшней видимости, чѣмъ въ дѣйствительности, слишкомъ многимъ интересамъ, чтобы можно было надѣяться разрѣшить его путемъ единичныхъ усилій и опытовъ. Такое разрѣшеніе доступно лишь власти всего государства. Пролетаріи нуждаются для своего освобожденія во владѣніи орудіями труда, и задача государства—передать послѣднія рабочимъ».

Въ виду этого Луи Бланъ отнюдь не раздѣлялъ обычнаго въ 30-хъ и 40-хъ годахъ отвращенія къ сильной государственной власти. «Мы требуемъ,—говорилъ онъ, — сильнаго правительства, потому что, пока мы живемъ подъ игомъ неравенства, существуютъ слабые, нуждающіеся для своей защиты въ поддержкѣ общества». Впослѣдствіи должно наступить время, когда сильное правительство будетъ излишне, «такъ какъ въ обществѣ болѣе не будетъ угнетенныхъ классовъ. Но до этого времени безъ сильной охраняющей власти нельзя обойтись. Соціализмъ можетъ быть оплодотворенъ только дыханіемъ политики».

Парижскій пролетаріатъ, какъ и англійскій пролетаріатъ, скорѣе инстинктивно, чѣмъ сознательно, понялъ безсиліе внѣклассовой проповѣди новаго соціальнаго евангелія. Соціалисты учили пролетаріевъ видѣть въ богатыхъ своихъ братьевъ, избѣгать политики и больше всего чуждаться революціи. Но политическіе дѣятели, сочувствовавшіе соціализму, какъ Луи Бланъ, не могли удержаться на этой совершенно невозможной на практикѣ позиціи и пришли къ признанію необходимости политической борьбы пролетаріата для своего экономическаго освобожденія. Это казалось большой ересью, и тотъ же Луи Бланъ, указывавшій на необходимость политики, всячески старается смягчить свой призывъ къ соціальной борьбѣ многословными и вялыми обращеніями къ богатымъ, которыхъ онъ все еще не теряетъ надежды убѣдить добровольно отказаться отъ своихъ экономическихъ привилегій. Сказавши, что «соціализмъ можетъ быть оплодотворенъ только дыханіемъ политики», онъ начинаетъ доказывать, что «святое дѣло бѣдныхъ есть дѣло и богатыхъ», что богатые, не менѣе бѣдныхъ, заинтересованы въ освобожденіи пролетаріата.

Такимъ образомъ, у Луи Блана новая тактика еще не можетъ освободиться отъ вліянія старыхъ, привычныхъ формъ мысли, и все вмѣстѣ далеко не образуетъ стройнаго логическаго цѣлаго.

Жизнь сильнѣе теорій, и рабочія массы, проникнувшись соціалистическими идеалами, дали имъ совершенно иное практическое примѣненіе. Вмѣсто того, чтобы основывать фаланстеры, парижскій пролетаріатъ лишилъ власти своего короля и завладѣлъ на короткое время политической властью. Съ этого времени соціалистическое движеніе тѣсно связывается съ политической борьбой пролетаріата; носителемъ внѣклассоваго идеала соціализма становится пролетаріатъ, классъ непосредственныхъ производителей, эксплоатируемыхъ капиталомъ.

Новая тактика соціализма получила свое теоретическое выраженіе и обоснованіе въ «Коммунистическомъ Манифестѣ». Такъ называемый утопическій соціализмъ стоитъ, какъ научная система, во многихъ отношеніяхъ не ниже или даже выше марксизма; но въ области тактики между соціализмомъ до и послѣ Маркса, дѣйствительно, существуетъ непроходимая пропасть. Чартизмъ не представлялъ собой никакой законченной научной системы; отдѣльныя тактическія соображенія Луи Блана были также недостаточны и противорѣчивы. И только «Коммунистическій Манифестъ» далъ соціализму новую тактику.

Соціалистическое движеніе до Маркса только инстинктивно и вопреки противоположнымъ увѣщеваніямъ своихъ теоретиковъ дѣлало первые нерѣшительные шаги въ томъ направленіи, которымъ оно идетъ теперь. Въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» этотъ путь указанъ съ поразительной ясностью, въ выраженіяхъ пластической образности и красоты.

Въ чемъ же заключается новый путь, открытый Марксомъ? Въ очень простомъ положеніи, что цѣли соціализма могутъ быть достигнуты лишь путемъ классовой борьбы за свои интересы того общественнаго класса, на который обрушивается вся тяжесть капиталистической системы, который неизбѣжно усиливается ходомъ капиталистическаго развитія, являясь единственнымъ неизмѣнно прогрессивнымъ элементомъ капиталистическаго общества — пролетаріата. Каждый шагъ капитализма впередъ увеличиваетъ и сплачиваетъ ряды пролетаріевъ. Но, борясь за свои интересы, этотъ классъ борется за интересы всѣхъ угнетаемыхъ и эксплоатируемыхъ классовъ капиталистическаго общества.

Но всякая классовая борьба, говоритъ Марксъ, есть политическая борьба, такъ какъ государство является органомъ классового господства, и единственнымъ средствомъ для угнетеннаго класса свергнуть съ себя это господство является овладѣніе государственной властью. Въ прежнее время политическія революціи приводили къ тому, что господство одного класса замѣнялось господствомъ другого класса. Господство одного меньшинства замѣнялось господствомъ другого меньшинства Пролетаріатъ образуетъ собой огромное большинство населенія, низшій классъ общества, который не можетъ подняться, не опрокинувъ всю лежащую на немъ классовую надстройку; побѣда пролетаріата, производящаго матеріальное богатство, должна повести къ прекращенію всякой эксплоатаціи труда, а слѣдовательно—и къ уничтоженію всякаго классоваго господства.

Непосредственной задачей соціалистическаго движенія является, согласно «Коммунистическому Манифесту», овладѣніе пролетаріатомъ политической властью: достигнувъ этого, пролетаріатъ воспользуется властью для передачи въ руки государства, т. е. самого же организованнаго пролетаріата, всѣхъ средствъ производства, принадлежащихъ нынѣ имущимъ классамъ. Такова конечная цѣль сознательной партіи пролетаріата во всѣхъ странахъ, совершенно независимо отъ историческихъ и національныхъ особенностей каждой отдѣльной страны. Основной процессъ капиталистическаго развитія повсемѣстно создаетъ тѣ же

условія жизни и тѣ же условія роста пролетаріата. И потому отдѣльныя національныя пролетарскія движенія сливаются въ одно цѣлое движеніе всего пролетаріата капиталистическаго міра. «Коммунистовъ упрекаютъ въ томъ, что они хотятъ уничтожить отечество, національность. Но у рабочихъ нѣтъ отечества. Нельзя у нихъ отнять того, чѣмъ они не обладаютъ. Завоевывая политическое господство, подымаясь въ качествѣ національнаго класса, конституируясь, какъ нація, пролетаріатъ остается еще національнымъ, хотя и не въ буржуазномъ смыслѣ. Національныя особенности и противоположности народовъ исчезаютъ болѣе и болѣе уже съ развитіемъ буржуазіи, со свободой торговли, съ міровымъ рынкомъ, съ одинаковостью характера промышленнаго производства и соотвѣтствующихъ условій жизни. Господство пролетаріата должно еще уменьшить національныя отличія. Соединенное дѣйствіе, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ, должно быть однимъ изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата. Насколько будетъ уничтожена эксплоатація одной личности другой, настолько же будетъ уничтожена эксплоатація одной націи другою. Съ исчезновеніемъ противоположности классовъ внутри націи падаютъ и враждебныя отношенія различныхъ націй другъ къ другу».

«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»—этими словами заканчивается «Коммунистическій Манифестъ».

ГЛАВА IX.

Переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому. Практическая программа соціализма.

I.

«Коммунистическій Манифестъ» положилъ конецъ утопическому методу соціалистическихъ экспериментовъ въ маломъ видѣ. Не устройство образцовой соціалистической общины, а пріобрѣтеніе политической власти въ существующемъ государствѣ стало верховной цѣлью соціалистическаго движенія; и общественнымъ элементомъ, въ которомъ сосредоточилось и на который оперлось движеніе, явилась не расплывчатая внѣклассовая группа интеллигенціи, энтузіастовъ и филантроповъ различнѣйшихъ слоевъ общества,—такимъ общественнымъ элементомъ явился рѣзко очерченный общественный классъ—пролетаріатъ.

Но пріобрѣтеніе политической власти пролетаріатомъ есть болѣе отдаленная цѣль соціалистическаго движенія нашего времени; практическая же, повседневная политика соціализма ставитъ себѣ иныя ближайшія задачи, осуществимыя въ предѣлахъ существующаго общественнаго строя. Сила марксизма, какъ системы практической политики соціализма, въ томъ и заключается, что марксизмъ сумѣлъ связать въ одно цѣлое борьбу за далекій соціалистическій идеалъ съ борьбой за ближайшіе интересы рабочаго класса.

Практическая программа марксизма намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій въ интересахъ рабочаго класса, которыя въ то же время являются подготовительными шагами къ осуществленію соціалистическаго строя. Соціалистическій строй, съ точки зрѣнія марксизма, не можетъ быть простымъ результатомъ захвата политической власти пролетаріатомъ; новая хозяйственная организація должна быть въ то же время подготовлена какъ стихійной эволюціей капиталистическаго хозяйства, придающей все болѣе общественный характеръ производству, путемъ его концентраціи, такъ и рядомъ законодательныхъ и иныхъ мѣропріятій, содѣйствующихъ въ предѣлахъ капиталистическаго же хозяйства соціальному подъему пролетаріата и созданію элементовъ будущаго хозяйственнаго строя. Практическая программа соціалистическихъ партій нашего времени сводится къ требованію мѣропріятій этого рода.

Весьма интересно, что и въ этомъ отношеніи болѣе ранній соціализмъ подготовилъ почву для марксизма. Оуэнъ былъ практическимъ соціальнымъ реформаторомъ и однимъ изъ первыхъ борцовъ за фабричное законодательство еще раньше, чѣмъ сталъ соціалистомъ. И другіе ранніе соціалисты понимали значеніе соціальныхъ реформъ, какъ подготовительной почвы для осуществленія соціалистическаго строя. Конечно, тутъ было извѣстное противорѣчіе: если первый фаланстеръ или первая кооперативная община обладаютъ силой преобразовать весь существующій общественный строй, то для чего нужны соціальныя реформы? Тѣмъ не менѣе, не только Оуэнъ, но и другіе ранніе соціалисты-федералисты настойчиво призывали общество къ соціальнымъ реформамъ. Ихъ практическая политика имѣла двойственный характеръ: съ одной стороны, они горячо и восторженно проповѣдывали устройство соціалистическихъ общинъ; съ другой же стороны, выставляли программу соціальныхъ реформъ, осуществимыхъ въ предѣлахъ капиталистическаго строя. Въ первой своей части ихъ дѣятельность не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ и закончилась полнымъ крушеніемъ всѣхъ ихъ начинаній и надеждъ; во второй своей части ихъ работа не пропала даромъ и послужила основой практической политики современнаго соціализма.

Съ особенной широтой и философскимъ углубленіемъ развернулъ ученіе о соціальныхъ реформахъ геніальный Фурье со свойственнымъ ему поистинѣ поразительнымъ, какъ бы волшебнымъ, ясновидящимъ, проникновеніемъ въ грядущее. Ни одинъ соціальный мыслитель не обладалъ такимъ чуднымъ даромъ читать въ будущемъ, какъ въ раскрытой книгѣ, какъ Фурье. Сколько его предвидѣній уже стало реальностью, и сколько еще должно стать! Фаланстеровъ пока нѣтъ. Но тотъ переходный періодъ отъ капиталистическаго къ соціалистическому строю, который былъ предвидѣнъ Фурье и описанъ имъ подъ именемъ гарантизма, несомнѣнно, давно наступилъ. Переживаемая нами историческая эпоха есть именно гарантизмъ, о которомъ писалъ Фурье почти сто лѣтъ тому назадъ.

Фурье непоколебимо вѣрилъ, что первая же фаланга должна рѣшить судьбу человѣчества и въ короткое время вытѣснить всякую другую форму хозяйственнаго союза. Но онъ былъ не только мечтателемъ, но и глубокимъ мыслителемъ и философомъ. Въ своемъ очеркѣ философіи всемірной исторіи онъ указываетъ, что каждый послѣдующій фазисъ міровой исторіи порождается развитіемъ силъ, созданныхъ въ предшествующемъ фазисѣ. Цивилизація,—господствующій нынѣ общественный строй,—подлежитъ тому же закону развитія. Подъ вліяніемъ создаваемыхъ ею общественныхъ силъ она должна превратиться въ иной общественный строй, который Фурье называетъ гарантизмомъ и характерныя черты котораго онъ устанавливаетъ. Но его собственное открытіе, открытіе устройства фаланги и фаланстера, должно оборвать, по его мнѣнію, это естественное и закономѣрное развитіе цивилизаціи.

Такимъ образомъ, Фурье приходитъ къ слѣдующему своеобразному историческому построенію. Онъ даетъ картину прошлаго человѣчества и картину ближайшаго будущаго, каковое неизбѣжно должно было бы наступить, если бы соціальное развитіе шло своимъ нормальнымъ ходомъ безъ внѣшняго нарушающаго вліянія открытія гармоническаго общественнаго строя. И безъ этого открытія человѣчество пришло бы къ этому строю, но путемъ постепеннаго и медленнаго развитія. Строй будущаго, однако, слишкомъ непохожъ на строй настоящаго, чтобы непосредственно возникнуть изъ него. Между тѣмъ и другимъ долженъ быть нѣкоторый промежуточный, переходный строй,—гарантизмъ. Открытіе гармоническаго строя устраняетъ необходимость въ гарантизмѣ. Безъ этого открытія гарантизмъ былъ бы неизбѣжнымъ звеномъ историческаго развитія человѣчества, и Фурье даетъ яркую характеристику этого,—случайно, съ его точки зрѣнія, отпадающаго,—фазиса исторіи.

Гарантизмъ—это такой строй общества, при которомъ частному интересу будутъ противопоставлены гарантіи общественнаго интереса. Такъ, при господствѣ гарантизма широко разовьется государственное страхованіе членовъ общества отъ всевозможнаго рода несчастій; отношенія предпринимателя-капиталиста къ рабочему подпадутъ общественному регулированію въ интересахъ рабочаго; государство признаетъ своей обязанностью помощь безработнымъ и создастъ спеціальныя учрежденія для доставленія имъ занятій.

При господствѣ цивилизаціи собственность имѣетъ характеръ неограниченнаго и индивидуальнаго права; при господствѣ гарантизма собственность станетъ сложной и ограниченной. «Интересы личнаго владѣнія будутъ подчинены общественнымъ нуждамъ. И теперь этотъ принципъ вполнѣ признается въ случаѣ войны: общественныя власти не колеблются жечь и уничтожать все, что мѣшаетъ оборонѣ мѣста, и поступаютъ совершенно правильно, такъ какъ дѣло идетъ объ общественномъ благѣ, передъ которымъ должны умолкнуть притязанія эгоизма и простого права собственности, притязанія, всего менѣе согласующіяся съ духомъ свободы. Нравы цивилизаціи не допускаютъ примѣненія этого принципа иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о гарантіяхъ, вызываемыхъ нуждами войны и необходимостью проведенія дорогъ и каналовъ. Каждый противопоставляетъ свой капризъ общему благу; и въ этомъ онъ находитъ себѣ поддержку въ философахъ, поддерживающихъ личную свободу въ ущербъ свободѣ всѣхъ... Таковъ принципъ простого права собственности, права нарушать по своему усмотрѣнію общіе интересы для удовлетворенія своихъ личныхъ фантазій» (Фурье).

При господствѣ гарантизма это право исчезнетъ. Государство будетъ вездѣ ставить предѣлъ частной собственности, гдѣ это будетъ требоваться общественными интересами. Такъ, напр., въ настоящее время всякій воленъ застраивать свою землю какими угодно зданіями, и отъ этого современные города такъ негигіеничны и неэстетичны; въ эпоху гарантизма городъ приметъ совершенно другой видъ, такъ какъ будутъ разрѣшаться лишь постройки, согласующіяся съ общимъ планомъ размѣщенія городскихъ домовъ и удовлетворяющія по своему внутреннему и внѣшнему устройству требованіямъ красоты и удобства.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ обезпеченія общественнаго интереса явится въ эпоху гарантизма созданіе особыхъ учрежденій, которыя Фурье назвалъ «акціонерными общинными конторами». «Общинныя конторы»—это то, что мы теперь назвали бы кооперативными обществами довольно сложнаго характера. Общинныя конторы ставятъ себѣ цѣлью, во-первыхъ, доставлять своимъ членамъ возможность пріобрѣтать по самой низкой цѣнѣ нужные товары, устраняя посредничество торговца; въ этомъ отношеніи онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ потребительнымъ обществамъ нашего времени. Во-вторыхъ, онѣ должны оказывать ссуды своимъ членамъ и, слѣдовательно, соотвѣтствуютъ кредитнымъ товариществамъ нашего времени. Затѣмъ, онѣ должны служить мѣстомъ храненія земледѣльческихъ продуктовъ членовъ общины, выдавая ссуды подъ хранящіеся продукты, подобно современнымъ элеваторамъ и товарнымъ складамъ разнаго рода. Контора будетъ завѣдывать также общественной продажей сложенныхъ и хранящихся въ ней продуктовъ. Кромѣ того, контора должна явиться и производительной ассоціаціей и служить мѣстомъ доставленія заработка всѣмъ нуждающимся въ работѣ. При конторѣ можетъ быть организовано и потребленіе на общественныхъ началахъ.

Подобныя конторы, думалъ Фурье, могли бы послужить центрами постепеннаго преобразованія всего современнаго хозяйственнаго строя. Онѣ должны были бы постепенно сосредоточить въ себѣ всю торговлю страны, вытѣснивъ всѣ торговыя предпріятія. Въ то же время, организовывая въ крупныхъ размѣрахъ производство, онѣ могли бы явиться подготовкой населенія къ будущей организаціи производства въ фалангѣ.

Итакъ, отличительныя черты эпохи гарантизма состоятъ въ регулированіи общественной властью частно-хозяйственной дѣятельности въ интересахъ всего общества и въ возникновеніи ассоціацій, организующихъ на общественныхъ началахъ какъ производство, такъ и обмѣнъ и потребленіе продуктовъ. Гарантизмъ, система общественныхъ гарантій, противопоставленныхъ произволу частно-хозяйственнаго предпринимательства, долженъ неизбѣжно смѣнить господствующую систему неограниченной свободы конкуренціи, если только человѣчество не минуетъ этого фазиса своей исторіи путемъ непосредственнаго перехода къ соціетарному строю, гармоніи.

Надежды Фурье на возможность для человѣчества миновать періодъ гарантизма не оправдались, но зато его предвидѣніе этого періода міровой исторіи оправдалось въ полной мѣрѣ. Современное законодательство по охранѣ труда является не чѣмъ инымъ, какъ предсказанною Фурье системой общественныхъ гарантій противъ злоупотребленій капиталистическаго режима; а «общинныя конторы» нашли себѣ выраженіе въ различныхъ формахъ коопераціи и муниципальнаго соціализма, столь быстро развивающихся въ наше время.

Фурье принадлежитъ также весьма важная идея, сыгравшая большую историческую роль,—идея права на трудъ.

Въ историческія эпохи, предшествующія цивилизаціи, населеніе пользовалось, говоритъ Фурье, естественными правами, обезпечивавшими его существованіе; таковыми правами были право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободнаго собиранія плодовъ и свободной пастьбы скота. Безъ этихъ правъ населеніе не могло бы существовать въ этомъ періодѣ исторіи. Права эти, поэтому, могли разсматриваться, какъ естественное достояніе человѣческаго рода.

Цивилизація, путемъ утвержденія института неограниченной частной собственности, лишила населеніе этихъ естественныхъ правъ. Но взамѣнъ этихъ правъ, она должна была бы гарантировать населенію эквивалентъ утраченнаго—право на работу. «Священное писаніе говоритъ, что Богъ осудилъ перваго человѣка и его потомство на работу въ потѣ лица своего; но Богъ отнюдь не осудилъ человѣка на то, чтобы онъ былъ лишенъ работы, отъ которой зависитъ его существованіе. Поэтому, съ точки зрѣнія правъ человѣка, мы должны приглашать философію и цивилизацію не нарушать, по крайней мѣрѣ, того, что Богомъ назначено намъ за отсутствіемъ лучшаго и какъ наказаніе, и гарантировать намъ хотя бы право на работу, для которой мы созданы».

Но право на работу и тѣсно связанное съ нимъ обезпеченіе всему населенію необходимаго минимума средствъ существованія не можетъ быть осуществлено въ современномъ обществѣ. При господствѣ цивилизаціи обезпеченіе минимума равносильно прекращенію побудительныхъ мотивовъ къ производительной работѣ, такъ какъ, пока работа, сама по себѣ, не представляетъ ничего привлекательнаго, никто не станетъ работать, если его существованіе и такъ обезпечено. «Это видно на примѣрѣ Англіи, гдѣ налогъ въ 150 милліоновъ фр. на бѣдныхъ ведетъ только къ увеличенію ихъ числа,—до такой степени цивилизація, даже въ своихъ дѣйствіяхъ, заслуживающихъ одобренія, остается всегда порочнымъ кругомъ. Народъ нуждается не въ милостыни, но въ настолько привлекательной работѣ, чтобы населеніе отдавало ей даже тѣ дни и часы, которые могли бы быть посвящены праздности».

Кромѣ того, гарантированіе минимума невозможно безъ огромнаго увеличенія народнаго богатства; а для этого опять требуется новая организація общественнаго труда, гармоническое устройство общества.

Право на работу Фурье противопоставляетъ, какъ основное право человѣка, всѣмъ тѣмъ политическимъ правамъ человѣка, которыя были провоз-

глашены французской революціей, но никакого реальнаго значенія не получили. Верховное владычество народа, свобода, равенство и братство и вообще всѣ чисто политическія права неосуществимы для массы населенія до тѣхъ поръ, пока она не обезпечена въ своемъ существованіи. Современные философы, «трактуя о правахъ человѣка, забыли положить въ основаніе право на работу, которое въ дѣйствительности неосуществимо въ предѣлахъ цивилизаціи, но безъ котораго всѣ остальныя права безполезны».

Такова была точка зрѣнія Фурье. Его ученики посмотрѣли на дѣло иначе и выдвинули право на трудъ, какъ требованіе практическихъ мѣропріятій въ интересахъ труда въ предѣлахъ капиталистическаго общества.

«Когда промышленность вообще будетъ организована,—писалъ Консидеранъ въ 1839 г.,—или даже когда правительство хотя бы организуетъ правильныя работы въ достаточномъ количествѣ, признаніе права на трудъ немедленно станетъ совершившимся фактомъ; и это будетъ не только справедливо и человѣчно, но и выгодно всему обществу, ибо слѣдствіемъ этого признанія явится прекращеніе всѣхъ теоретическихъ нападокъ на собственность, устраненіе опасности соціальныхъ революцій и даже предупрежденіе индивидуальныхъ нападеній, которымъ собственность повседневно подвергается (воровство всякаго рода), нападеній, вызываемыхъ нищетой, вынужденной деморализаціей классовъ, лишенныхъ собственности».

Въ 40-хъ годахъ идея права на трудъ пріобрѣла самую широкую популярность въ рабочихъ массахъ Франціи. Революція 1848 года, когда парижскій пролетаріатъ на короткое время сдѣлался господиномъ положенія, повела къ торжественному признанію правительствомъ права на трудъ. Послѣдствіемъ этого признанія явилась организація временнымъ правительствомъ «національныхъ мастерскихъ»—разнаго рода общественныхъ работъ въ обширныхъ размѣрахъ для исполненія обязательства, взятаго на себя государствомъ, доставить занятія безработнымъ, число которыхъ подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса и застоя въ дѣлахъ было громадно.

Извѣстна исторія этихъ національныхъ мастерскихъ. Онѣ менѣе всего могутъ считаться серьезнымъ опытомъ организаціи государствомъ промышленныхъ работъ. Большинство членовъ временнаго правительства относилось къ мастерскимъ крайне враждебно и только подъ вліяніемъ страха передъ парижскими рабочими признало на бумагѣ право на работу и организовало національныя мастерскія, имѣя при этомъ тайную цѣль доказать неудачей послѣднихъ неосуществимость подобныхъ предпріятій. Дѣло свелось къ тому, что парижскій пролетаріатъ получалъ содержаніе изъ средствъ казны безъ всякой серьезной работы. Неудивительно, что, какъ только правительство окрѣпло, оно распустило національныя мастерскія и отказалось отъ выполненія обязательства, взятаго имъ на себя въ трудную минуту; да оно и не имѣло возможности его выполнить, такъ какъ Фурье гораздо глубже понималъ дѣло, чѣмъ его ученики, утверждая, что при существующемъ строѣ общества осуществленіе права на работу совершенно невозможно.

Интересна дальнѣйшая судьба идеи права на работу. Германская соціалъ-демократія въ лицѣ своихъ выдающихся представителей отнеслась къ ней совершенно отрицательно. Такъ, Каутскій, обстоятельно разсмотрѣвшій это требованіе французскихъ соціалистовъ 40-хъ годовъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ. Сущность права на работу сводится къ признанію за рабочимъ права требовать отъ государства доставленія ему за обычную плату работы въ томъ случаѣ, когда частные предприниматели почему-либо этой работы доставить не могутъ или не хотятъ. Но недостатокъ работы характеризуетъ эпохи промышленныхъ кризисовъ, вызываемыхъ, въ свою очередь, перепроизводствомъ товаровъ и невозможностью найти для нихъ выгодное помѣщеніе на рынкѣ. Безработица есть слѣдствіе предшествовавшаго перепроизводства.

Именно въ это время отъ государства и требуютъ, чтобы оно доставило работу безработнымъ; иными словами, отъ него требуютъ, чтобы оно расширило производство товаровъ за свой счетъ тогда, когда условія рынка диктуютъ сокращеніе производства. Единственнымъ послѣдствіемъ этого можетъ быть государственное банкротство.

Хроническая и періодическая безработица есть неизбѣжный результатъ капиталистической системы хозяйства. Уничтожить безработицу можно только планомѣрной организаціей общественнаго хозяйства; но въ такомъ случаѣ послѣднее перестаетъ быть капиталистическимъ хозяйствомъ. Итакъ, при капиталистическомъ хозяйствѣ право на работу неосуществимо; при соціалистическомъ же хозяйствѣ оно теряетъ всякій смыслъ, становится излишнимъ, по отсутствію въ немъ какой-либо надобности.

Тѣмъ не менѣе, идея права на трудъ не умерла, и еще недавно была сдѣлана новая попытка провести законодательнымъ путемъ признаніе этого права. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ швейцарская соціалъ-демократическая партія постановила на своемъ конгрессѣ въ Золотурнѣ въ 1892 г. возбудить вопросъ передъ швейцарскимъ народомъ о признаніи права на трудъ. Такое же постановленіе сдѣлала и крупнѣйшая швейцарская организація рабочихъ союзовъ, такъ называемый «Союзъ Грютли».

Обѣ эти организаціи совмѣстно установили текстъ обращенія къ швейцарскому народу. Въ обращеніи этомъ народъ приглашался подписываться подъ требованіемъ о дополненіи конституціи союза признаніемъ права на трудъ и соотвѣтствующимъ законодательствомъ, имѣющимъ въ виду дѣйствительное обезпеченіе всѣмъ швейцарскимъ гражданамъ этого права.

Цѣль эта, по мнѣнію иниціаторовъ дѣла, могла бы быть достигнута законодательнымъ сокращеніемъ рабочаго дня, дѣйствительными мѣрами по пріисканію работы для ищущихъ ея, охраной рабочихъ противъ необоснованнаго увольненія ихъ предпринимателями, страхованіемъ рабочихъ отъ безработицы, частью прямо на общественныя средства, частью же путемъ общественной поддержки съ этой цѣлью частныхъ страховыхъ предпріятій, полной свободой рабочихъ союзовъ и укрѣпленіемъ правового положенія рабочихъ по отношенію къ предпринимателямъ, въ видахъ достиженія болѣе демократической организаціи труда въ общественныхъ и частныхъ предпріятіяхъ.

Это предложеніе рабочихъ организацій Швейцаріи въ короткое время собрало за себя болѣе 50.000 голосовъ (цифра голосовъ, требующаяся, по швейцарской конституціи, для того, чтобы законопроектъ поступилъ въ союзный совѣтъ и затѣмъ былъ подвергнутъ всенародному голосованію). Союзный совѣтъ отнесся отрицательно къ этому предложенію. Всенароднымъ голосованіемъ оно было отвергнуто большинствомъ 308.289 голосовъ противъ 75.880.

Если подъ правомъ на трудъ понимать рядъ законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ охранѣ интересовъ труда, облегченію пріисканія работы и къ ослабленію послѣдствій безработицы для рабочаго класса, то такое право, конечно, можетъ считаться осуществимымъ въ извѣстныхъ предѣлахъ и при капиталистическомъ строѣ. Но понимаемое такимъ образомъ оно утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ и перестаетъ быть обязательствомъ для государства доставлять работу всѣмъ нуждающимся въ ней.

Главное значеніе фурьеризма въ области практической жизни заключалось, однако, не въ выдвинутой фурьеризмомъ идеѣ права на трудъ и вообще не въ области политики, а въ томъ могущественномъ толчкѣ, который фурьеризмъ вмѣстѣ съ оуэнизмомъ далъ кооперативному движенію въ его различнѣйшихъ видахъ. Система законодательныхъ мѣръ, способствующихъ постепенному преобразованію современнаго общества на новыхъ началахъ, уже потому не могла быть сколько-нибудь систематически и полно развита фурьеризмомъ,

равно какъ и другими направленіями федералистическаго соціализма, что федералистическій соціализмъ, отрицая государство, относится съ большимъ недовѣріемъ къ системѣ государственнаго вмѣшательства вообще. Идея гарантизма находилась въ очевидномъ противорѣчіи съ основными идеями федералистическаго соціализма, и эта двойственность практической политики фурьеризма не могла не отразиться неблагопріятно на ея стройности и послѣдовательности. Напротивъ, централистическій соціализмъ, признающій государство основнымъ факторомъ осуществленія соціалистическаго строя, естественно требуетъ систематической разработки и законодательныхъ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли. Современная программа-минимумъ соціалистическихъ партій является прямымъ наслѣдіемъ таковыхъ же программъ болѣе раннихъ представителей централистическаго соціализма.

Такъ, сенъ-симонисты съ особенной настойчивостью выставляли требованіе одной чрезвычайно важной законодательной мѣры, которая, дѣйствительно, могла бы явиться могущественнымъ средствомъ постепеннаго сосредоточенія въ рукахъ государства всего общественнаго богатства,—отмѣны права наслѣдства. Пусть частные собственники при жизни пользуются своимъ богатствомъ, какъ бы несправедливо ни было оно пріобрѣтено; но они должны быть лишены права закрѣплять эту несправедливость навсегда: единственнымъ наслѣдникомъ всего общественнаго богатства должно быть все общество въ совокупности. Таково было важнѣйшее законодательное требованіе сенъ-симонистовъ. Въ очемъ, переходя на почву практической политики, сенъ-симонисты не шли такъ далеко и вмѣсто полнаго уничтоженія права наслѣдства требовали лишь уничтоженія наслѣдованія по боковымъ линіямъ и обложенія высокимъ и прогрессивнымъ налогомъ наслѣдствъ по прямой линіи.

Затѣмъ, сенъ-симонисты предлагали коренную реформу налоговъ—замѣну косвенныхъ налоговъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. Это требованіе было выставлено и подробно обосновано сенъ-симонистомъ Декурдеманшемъ въ рядѣ статей въ журналѣ «Le Globe» въ 1832 г.

Пекеръ точно такъ же намѣтилъ рядъ законодательныхъ мѣръ для осуществленія соціалистическаго строя. Такъ, онъ предлагалъ, чтобы былъ изданъ законъ, согласно которому всѣ предприниматели, въ предпріятіяхъ которыхъ занято больше извѣстнаго числа рабочихъ, были лишены права дальнѣйшаго управленія своими предпріятіями, а ихъ предпріятія перешли бы въ завѣдываніе занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Капиталистамъ обезпечивалось бы при этомъ полученіе извѣстнаго процента на вложенный капиталъ. Заработная плата рабочихъ должна была бы устанавливаться общественной властью, а весь избытокъ доходовъ предпріятія поступалъ бы въ распоряженіе всего общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ государство должно было бы взять на себя заботу о пріисканіи или доставленіи работы тѣмъ рабочимъ, которые не по своей винѣ ея не имѣютъ. Съ этой цѣлью государство централизуетъ въ своихъ рукахъ всѣ свѣдѣнія относительно спроса и предложенія рабочихъ рукъ. Но если не находится никакого отдѣльнаго предпріятія, въ которомъ могло бы найти работу лицо, ищущее ея, то государство даетъ ему работу въ своихъ предпріятіяхъ или же, за отсутствіемъ таковой, обезпечиваетъ ему существованіе до тѣхъ поръ, пока работа не будетъ пріискана.

Вообще нормированіе заработной платы общественной властью, какъ средство обезпечить рабочему извѣстный минимумъ средствъ существованія, достаточный для достойной человѣка жизни, выставлялось, какъ одна изъ переходныхъ мѣръ къ соціалистическому строю, весьма многими соціалистами 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Практическая программа Луи Блана сводилась къ централизаціи въ рукахъ государства, путемъ выкупа, желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ, къ сосредоточенію въ рукахъ государства всѣхъ видовъ кредита и страхованія, а также

и всей оптовой и розничной торговли. Извлекаемыя изъ всѣхъ этихъ источниковъ средства государство должно обращать на поддержку и устройство производительныхъ ассоціацій рабочихъ, пока капиталистическія предпріятія совершенно не исчезнутъ, не выдержавъ конкуренціи съ производительными ассоціаціями, опирающимися на поддержку государства.

II.

Программа осуществленія соціалистическаго строя, данная въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», почти цѣликомъ воспроизводитъ обычныя соціалистическія программныя требованія 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Такъ, по мнѣнію авторовъ «Коммунистическаго Манифеста», переходъ къ соціалистическому строю, послѣ захвата политической власти пролетаріатомъ, могъ бы осуществиться при помощи слѣдующихъ мѣръ:

«1) экспропріаціи земельной собственности и обращенія земельной ренты на нужды государства;

2) быстро возрастающаго прогрессивнаго налога;

3) отмѣны права наслѣдства;

4) конфискаціи собственности всѣхъ эмигрантовъ и мятежниковъ;

5) централизаціи кредита въ рукахъ государства въ національномъ банкѣ съ государственнымъ капиталомъ и съ исключительной монополіей;

6) централизаціи въ рукахъ государства средствъ транспорта;

7) увеличенія національныхъ фабрикъ и средствъ производства въ рукахъ государства, обработки и улучшенія земель по общему плану;

8) обязательнаго труда для всѣхъ, учрежденія промышленныхъ армій, особенно для земледѣлія;

9) соединенія земледѣлія съ промышленностью, мѣръ къ постепенному устраненію противоположности между городомъ и деревней;

10) общественнаго и даровогo воспитанія дѣтей; устраненія фабричной работы дѣтей въ существующей формѣ; соединенія воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.»

Первое изъ этихъ требованій — націонализаціи земли — заимствовано изъ программы чартистовъ, лѣвое крыло которыхъ боролось подъ этимъ флагомъ въ 40-хъ годахъ. Во Франціи націонализація земли не играла въ соціалистическихъ программахъ большой роли (хотя, напр., Пекеръ былъ очень опредѣленнымъ сторонникомъ этой мѣры), такъ какъ мелкое крестьянское землевладѣніе въ странѣ преобладало, и лозунгъ націонализаціи земли не могъ встрѣтить сочувствія въ народныхъ массахъ. Пунктъ 10-й программы «Коммунистическаго Манифеста» также заимствованъ изъ практики англійскаго соціалистическаго движенія. Все же остальное представляетъ собой воспроизведеніе обычныхъ требованій французскихъ соціалистовъ 40-хъ годовъ, при чемъ особенно замѣтно вліяніе сенъ-симонистовъ и Луи Блана.

Современныя соціалистическія партіи, какъ я уже говорилъ, вообще мало интересуются вопросами, связанными съ непосредственнымъ осуществленіемъ соціалистическаго строя. Главное вниманіе ихъ направлено на борьбу за улучшеніе положенія рабочаго класса въ предѣлахъ существующаго общества, при чемъ все соціалистическое движеніе нашего времени распадается, главнымъ образомъ, на три составныя части: на политическую, парламентскую борьбу за законодательныя мѣры въ интересахъ труда (достиженіе свободы рабочихъ организацій, сокращеніе рабочаго времени и вообще охрану рабочаго, какъ продавца рабочей силы, государственное страхованіе рабочаго отъ несчастій и старости, борьба съ безработицей и ея послѣдствіями и т. д. и т. д.), на развитіе профессіональныхъ организацій среди рабочихъ (рабочихъ союзовъ) и на кооперативное движеніе въ самыхъ различныхъ видахъ. Къ этому можно еще прибавить,—въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ демократическая органи-

зація муниципальнаго самоуправленія,—движеніе такъ называемаго муниципальнаго соціализма. Муниципальный соціализмъ,—сосредоточеніе въ рукахъ самоуправляющагося муниципалитета разнообразныхъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя еще недавно всецѣло принадлежали къ области частно-хозяйственнаго предпринимательства,—является непосредственной замѣной въ извѣстной хозяйственной области капиталистической системы хозяйства хозяйствомъ общественнымъ. При демократической организаціи муниципалитета рабочіе классы пріобрѣтаютъ въ мѣстномъ самоуправленіи рѣшающую роль; возникаютъ соціалистическіе муниципалитеты, стремящіеся возможно шире развивать свое самостоятельное хозяйство въ интересахъ рабочаго класса и, такимъ образомъ, постепенно подготовлять почву для грядущаго соціалистическаго общества.

Такую же роль играетъ и кооперативное движеніе нашего времени, выражающееся, главнымъ образомъ, въ образованіи организацій потребителей для пріобрѣтенія нужныхъ предметовъ потребленія безъ посредства торговца. Вмѣстѣ съ этимъ, организаціи такого рода все шире и шире развиваютъ и свое собственное производство. Потребительное общество является въ этомъ случаѣ какъ бы предпринимателемъ по отношенію къ рабочимъ, занятымъ въ его предпріятіяхъ и мастерскихъ, но предпринимателемъ совершенно иного, не капиталистическаго рода: служа интересамъ рабочаго класса, потребительное общество стоитъ на почвѣ тѣхъ же интересовъ, и выступая въ качествѣ нанимателя труда. Заработная плата, продолжительность и общая обстановка труда въ предпріятіяхъ, принадлежащихъ, напр., потребительнымъ обществамъ бельгійской соціалистической партіи, нормируются не рыночными условіями спроса и предложенія труда, а извѣстными требованіями здоровья, гигіены и нормальныхъ потребностей рабочаго.

На ряду съ этимъ развиваются разнообразныя ассоціаціи мелкихъ производителей, среди которыхъ за послѣднее время энергично растутъ ассоціаціи крестьянъ—производителей различнаго рода сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Между ассоціаціями того и другого рода—ассоціаціями производителей и потребителей—устанавливается связь: ассоціація производителей начинаетъ работать не на рынокъ вообще, черезъ посредство торговаго посредника, а непосредственно на ассоціацію потребителей, закупающую доставляемые продукты. Такимъ образомъ, весь хозяйственный оборотъ въ извѣстной области подчиняется общественной планомѣрной организаціи: продуктъ изготовляется въ кооперативной мастерской (какъ, напр., масло въ товарищескихъ маслодѣльняхъ) и затѣмъ поступаетъ въ лавки потребительнаго общества, откуда идетъ непосредственно потребителямъ.

Кооперативныя учрежденія такъ же, какъ и муниципальный соціализмъ, непосредственно подготовляютъ почву для соціалистическаго хозяйства, создавая уже въ нѣдрахъ капиталистической хозяйственной системы зачатки хозяйства будущаго. Рабочіе союзы содѣйствуютъ росту соціалистическаго движенія съ другой стороны, организовывая и дисциплинируя, укрѣпляя солидарность и силы того общественнаго класса, который является главнѣйшимъ борцомъ за соціалистическій идеалъ—пролетаріата.

Стихійное развитіе капиталистическаго хозяйства подготовляетъ почву для соціализма; но одного этого стихійнаго развитія мало: оно должно быть дополнено началомъ сознательнаго творчества. Созданіе новыхъ формъ хозяйства, которыя могли бы послужить опорными пунктами для перестройки существующей хозяйственной системы на новыхъ началахъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. И потому чисто политическая программа «Коммунистическаго Манифеста» требуетъ необходимымъ дополненій: муниципальный соціализмъ, кооперативное движеніе, а также и рабочіе союзы, воспитывающіе рабочую массу, составляютъ существенное условіе успѣха соціализма.

Самая трудная задача соціализма будетъ заключаться въ достиженіи

пропорціональности общественнаго производства. Въ настоящее время, при неорганизованности общественнаго хозяйства и господствѣ частнаго предпринимательства, задача эта разрѣшается путемъ разоренія и гибели предпріятій, продукты которыхъ превышаютъ общественный спросъ, и путемъ усиленнаго разрастанія, благодаря извлеченію добавочныхъ барышей, тѣхъ предпріятій, продукты которыхъ производятся въ недостаточномъ количествѣ. При соціалистической организаціи производства доходъ рабочаго, занятаго въ извѣстной отрасли труда, не будетъ находиться ни въ какомъ прямомъ соотношеніи съ условіями сбыта продуктовъ его труда: рабочему во всякомъ случаѣ обезпечивается опредѣленный доходъ. Стихійныя силы капиталистической системы — законы рынка—должны быть замѣнены при господствѣ соціализма спеціально для этого созданнымъ разумнымъ механизмомъ. Должна быть создана чрезвычайно детальная статистика общественнаго производства и потребленія, и должна быть выработана строгая организація для размѣщенія общественнаго труда по различнымъ отраслямъ производства, соотвѣтственно общественнымъ потребностямъ. Эта организація должна быть такова, чтобы, съ одной стороны, она обезпечивала пропорціональность общественнаго производства, а, съ другой стороны, возможно менѣе стѣсняла личную свободу, свободу выбора каждымъ занятія по своему вкусу.

Но соціалистическое хозяйство не вполнѣ лишится стихійныхъ регулирующихъ силъ рынка: и при соціалистическомъ хозяйствѣ продукты будутъ покупаться и продаваться по рыночной цѣнѣ, диктуемой соотношеніемъ общественнаго спроса къ предложенію. И въ соціалистическомъ обществѣ, какъ и въ капиталистическомъ, цѣна продуктовъ будетъ повышаться, если общественный спросъ будетъ превышать предложеніе, и падать въ противномъ случаѣ. Такимъ образомъ, общество будущаго, какъ и общество настоящаго, будетъ имѣть въ высотѣ рыночной цѣны продукта барометръ степени пропорціональности общественнаго производства. Разница будетъ въ томъ, что, оставаясь регуляторомъ общественнаго производства и потребленія, цѣна въ соціалистическомъ хозяйствѣ перестанетъ быть регуляторомъ общественнаго распредѣленія.

Оглавленіе.

	стр.
Предисловіе	2
Введеніе	3
Глава I. Эксплоатація трудящихся классовъ нетрудящимися	21
Глава II. Концентрація производства и доходовъ и обнищаніе рабочихъ классовъ	37
Глава III. Пороки цивилизаціи и общая оцѣнка капиталистическаго хозяйства	50
Глава IV. Централистическій соціализмъ и коммунизмъ	62
1. Централистическій коллективизмъ	63
2. Централистическій коммунизмъ	77
Глава V. Корпоративный коллективизмъ	81
Глава VI. Федералистическій соціализмъ	84
1. Федералистическій коммунизмъ	—
2. Федералистическій коллективизмъ	87
Глава VII. Анархическій коммунизмъ и коллективизмъ	93
Анархическій коллективизмъ	97
Глава VIII. Способы осуществленія соціалистическаго строя. Соціалистическая тактика	103
Глава IX. Переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому. Практическая программа соціализма	131

Михаилъ Ивановичъ Туганъ-Барановскій.